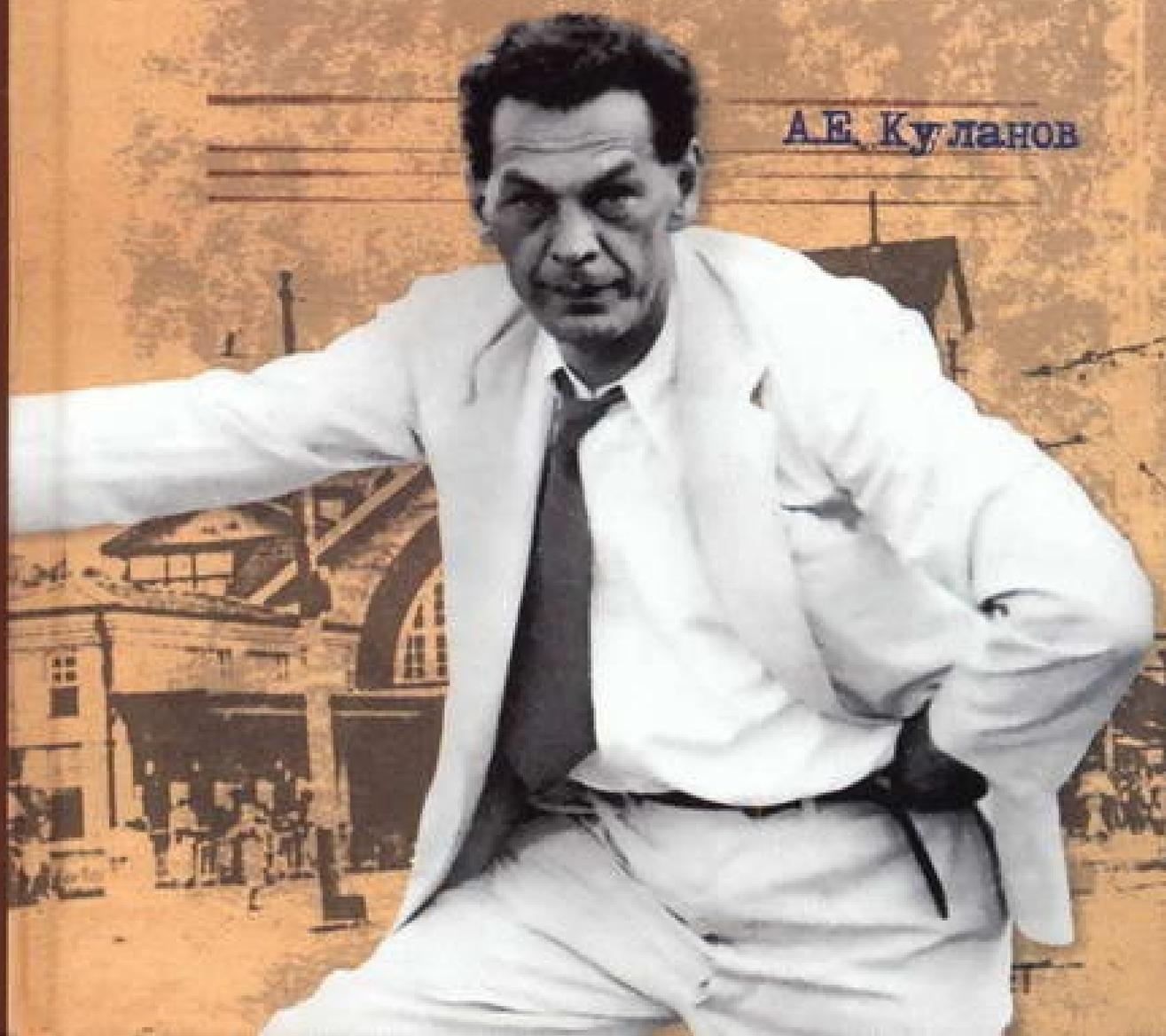

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СЪЯТ

ДЕЛО № 14-039

ШПИОНСКИЙ ТОКИО

А.Е. Куланов

ШПИОНСКИЙ ТОКИО

А.Е. Куланов

Annotation

Первый советский военный нелегал в Токио и мастер боевых искусств Василий Ощепков позволял жене флиртовать с японскими офицерами, потому что знал, что с таким местом жительства, как у него, других шансов получить нужную информацию нет. Показания, данные на суде великим разведчиком Рихардом Зорге, журналисты назвали «путеводителем по ресторанам Токио», но карта удивительных перемещений «Рамзая» и членов его группы до сих пор хранит массу секретов. Воспитанный в Токио наставником наследного принца настоящий советский ниндзя Роман Ким написал о повседневной жизни японских разведчиков в Токио так, что невозможно поверить, что он не был одним из них и не собирался вскрыть себе живот перед императорским дворцом.

Гении шпионских мест Токио: Ощепков, Зорге, Ким. Забытый советский разведчик Николай Кошкин. Предатель Станислав Левченко и шпион-неудачник Константин Преображенский. Все эти люди начертили замысловатую карту Восточной столицы тех времен, когда казалось, что каждый камень там дышит органами.

-
- [Александр Куланов](#)
 -
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [Глава 1.](#)
 -
 - [Биография — начало](#)
 - [Акасака](#)
 - [Роман на краю кладбища](#)
 - [Кодокан](#)
 - [Памятник у Мансэйбаси](#)
 - [Собор Воскресения Христова, или Николай-до](#)
 - [Посольство России](#)
 - [Тайники, закладки, явки](#)
 - [Конец биографии](#)
 - [Глава 2.](#)
 -
 - [Биография](#)
 - [В баре токийского отеля](#)

- [«Рамзай» у себя дома](#)
 - [Разбившийся мотоциклист](#)
 - [На виду у всех](#)
 - [Золото Кетеля](#)
 - [Из чрева «Летучей мыши» к вершинам «Фудзи» и в «Азию»](#)
 - [Иностранцы с Роппонги и их друзья](#)
 - [Смерть, любовь и бессмертие: от тюрьмы Сугамо до кладбища Тама](#)
 - [Глава 3.](#)
 -
 - [Биография](#)
 - [Университетская столица](#)
 - [Разбомбленный город](#)
 - [Глава 4.](#)
 -
 - [Будда — кто ж его посадит?](#)
 - [Человек в «позе разведчика»](#)
 - [«Дин-Дон», к вам шпион!](#)
 - [Глава 5.](#)
 - [Ощепков](#)
 - [Зорге](#)
 - [Ким](#)
 - [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Александр Куланов ШПИОНСКИЙ ТОКИО

Памяти Василия Сергеевича Ощепкова, одного из первых русских гидов в Японии, разведчика и дзюдоиста, посвящается эта необычная книга

...Токио, который я видел до сих пор только с фасада, вдруг повернулся, как на вертящейся сцене театра Кабукидза, и предомной открылся другой Токио...

Роман Ким. Тетрадь, найденная в Сунчоне

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я не мог не написать эту книгу, хотя осознал это окончательно, лишь создав на экране компьютера новый файл. На виртуальный белый лист мне предстояло переложить то, о чем я не раз уже рассказывал вслух своим друзьям, слушателям, туристам. Это было то, к чему привела меня судьба. Значит, пришло время...

Много лет назад, еще в Советском Союзе, школьником я много ездил на экскурсии. Организовывал их профком поликлиники, где работала моя мама, и благодаря ей выходные в музеях, в автобусах с замечательными гидами и интеллигентной публикой — врачами и медсестрами того, советского, времени — были для меня привычным и приятным времяпрепровождением. Большинство экскурсий были хотя и чудесно хороши, но стандартны для жителей Москвы и Подмосковья: Троице-Сергиева лавра и Алмазный фонд, Бородинское поле и Петрищево (кому из молодых сегодня что-то скажет это название?), Исторический музей и мемориальные дома-музеи русских писателей. Заметно выделялись из этого ряда две поездки: в Пушкинские горы, где гидом тогда работал Сергей Довлатов, чего я, в силу возраста и не наступившей еще для его понимания эпохи, заметить, конечно, не мог, но где и без того было удивительно красиво и в воздухе растворялась поэзия, и еще одна... Называлась она «По памятным местам КГБ СССР в Москве».

Во время той поездки мы почти не выходили из автобуса, лишь через окна рассматривая места, показываемые экскурсоводом: гастроним № 40 на улице Дзержинского, воспетый экс-полковником разведки великолепным писателем Михаилом Любимовым, могучее здание КГБ, известное как «Дом 2» (тогда еще безо всяких ассоциаций с ужасным ТВ-проектом наших дней), места явок и тайниковых операций, где происходили передачи корреспонденции и посылок агентам, точки выхода на связь и задержания иностранных разведчиков советскими органами госбезопасности. Все это сопровождалось интригующими пояснениями гида, выделенного нам профкомом клуба КГБ все на той же улице Дзержинского: «Видите нишу в стене — там удобно оставлять контейнеры в виде смятых банок; а вот на этом мосту брали Трианона-Огородника, и сотрудница ЦРУ Марта Петерсон пыталась продемонстрировать группе захвата приемы каратэ». Я был еще мал и немного из той экскурсии запомнил на всю жизнь, но для меня, пусть и в меньшей степени, чем для того же Михаила Любимова, стало

очевидно, что «каждый камень в Москве дышит Органами».

Конечно, эта экскурсия середины 1980-х годов была совсем неполной и недостаточной для понимания гения чекистского места в советской столице — нам ни слова не сказали о том, о чем рассказывают на экскурсиях сегодняшних: о тайной «лаборатории X» доктора Майрановского в Варсонофьевском переулке, о тюрьмах — Бутырке, Таганке, Лефортово, Сухановке, или о местах массовых расстрелов политзаключенных во двореке больницы № 23 «имени Медсантруд», на московских кладбищах и на полигонах: Бутовском и Коммунарке. Все это пришлось изучать самому — потом, когда стало можно, и когда оказалось, что на том же Бутовском, мимо которого мы с отцом ясными зимними выходными бегали на лыжах покататься на Сухановских горках, лежат вместе и мои предки, и герои моих сегодняшних исследований. Но тогда, в юности, я этого еще не знал и думал, что все это очень романтично: служба в органах, разведка, контрразведка, слежки, явки, тайники... Неудивительно, что мне очень хотелось самому быть причастным к «героике чекистских будней» и, написав однажды под копирку сочинение на тему «Почему я хочу служить в органах КГБ СССР», я чуть в этих самых органах и не оказался. Наступивший 1991 год с его путчем и настоящей, а не декларируемой, гласностью разрушил юношескую мечту, вскоре (и, признаюсь, довольно легко) заменив ее новой — мечтой о далекой и экзотической Японии, и в этом уже не было ничего тайного и шпионского — на мой вкус, страна оказалась слишком хороша для этого. В качестве атавизма прошлого увлечения сохранились лишь тяга к военному порядку на столе (хороший вуз не знания должен давать, а дисциплину и способность к исследованиям — считал Михаил Булгаков, и я с ним совершенно согласен), да некоторые представления о том, что такое военная служба. Но воспоминание о том, как я однажды, выполняя учебное задание, не смог найти конспиративную квартиру в центре Москвы, сыграло фрейдовскую шутку с моим подсознанием. Подсознательно пытаясь все время исправлять допущенную когда-то ошибку, я полюбил ходить по карте и теперь физически плохо себя ощущаю, если не изучу окрестности любого нового места, куда заносит меня судьба. В Японии эта привычка переросла не только в навязчивую тягу подольше и почаще находиться на свежем воздухе, но и в возможность заработка — попав в 2002 году на стажировку в аспирантуру Токийского университета, я вскоре впервые попробовал себя в качестве гида для русских туристов и потом отдал этому занятию несколько лет. Уже в то время я интересовался судьбой основателя русского дзюдо и самбо — выпускника Токийской

православной семинарии Василия Ощепкова. Много лет спустя, когда я узнал, что он тоже был своеобразным гидом, водившим русских туристов по японской столице, то не очень-то и удивился: все это должно было когда-то соединиться в единое целое. Особенно если речь идет о Токио — городе странном, трудно понимаемом, далеко не сразу раскрывающем свое обаяние и свои тайны перед иностранцами, но прекрасном, мистическом и удивительном...

Название этого места в буквальном переводе на русский язык означает «Восточная столица» — в отличие от столицы западной, традиционной, культурной, императорской — Киото. Хотя Токио город сравнительной молодой — ему всего около половины тысячелетия, это, безусловно, сердце Японии, ее мозг, ее главный нерв. Именно с этим городом связана основная часть истории взаимоотношений русских и японцев, нашей страны и Страны солнечного корня, как переводится с японского слово Нихон — Япония.

Неудивительно, что, впервые попав в этот удивительный город, я тоже далеко не сразу понял и прочувствовал все его очарование, но зато очень скоро столкнулся со знакомой с юности темой — гением места советской разведки. Столкнулся даже раньше, чем узнал об этом, но на то она и есть — тайная служба. Впрочем, подробности того, как и где я, в одиночку и со своими друзьями, искал и находил в Токио следы героев и антигероев советских спецслужб, я расскажу в соответствующих главах этой книги. Пока же — лишь несколько необходимых вводных слов.

Разведка медленно и крайне неохотно раскрывает свои секреты. Разведка любая — в нашем случае, что японская, что русская. Правда, есть и различия в способах хранения секретов и в технике их постепенного раскрытия. В нашей стране, где принято беречь пуще глаза любую информацию — на всякий случай и «как бы чего не вышло», где один закон дублирует, одновременно противореча ему, другой, тайны хранятся непостижимо долго и охраняются строго. Даже если времени прошло столько, что раскрытие их становится насущной необходимостью для понимания собственной истории, а нераскрытие, наоборот, только вредит воспитанию подрастающего поколения. У нас всегда можно сберечь в секрете самый незначительный для разведки документ, который мог бы дать возможность исследователям восстановить личную жизнь героя, но не даст — просто потому, что «а вдруг...». В Японии законы соблюдаются строго: сказано — такого-то числа тайна должна перестать быть тайной, и перестанет. Но... В этой стране даже о многих очевидных казалось бы вещах часто бывает не принято говорить, а уж когда дело касается

настоящих загадок прошлого, то тут тоже иногда возникают серьезные проблемы. Поэтому, когда родилась мысль написать книгу о «шпионской топографии Токио», сразу возник вопрос: на основании чего писать? И о ком писать?

К тому времени я располагал данными, в том числе никогда ранее не публиковавшимися, о, выражаясь языком менеджеров, логистике перемещений по Токио двух героев нашей разведки: Василия Ощепкова и Рихарда Зорге. Более того, в случае с Василием Ощепковым исследование топографии токийского периода его жизни привело меня к выводу о необходимости переосмысления и переоценки работы советского нелегального резидента в японской столице. Предполагалось, что кое-что о последователях В.С. Ощепкова можно найти в опубликованных материалах о действиях легальных резидентур НКВД и IV управления Генерального штаба РККА (соответственно политической и военной разведки) в предвоенный период. А дальше? Дальше история неумолимо выводила нас к тем, чьи фамилии и публиковать-то под одной обложкой как-то совестно: прежде всего, к предателю Левченко и трагикомической фигуре шпиона-неудачника Преображенского. Писать о них, цитировать их и странно, и смешно. С другой стороны, в гарантированном отсутствии в ближайшие десятилетия сообщений о новых героях «невидимого фронта» на самом Дальнем Востоке только опубликованные откровения подобных персонажей советского прошлого остаются сегодня единственными открытыми свидетельствами, хоть как-то раскрывающими географию работы разведки уже несуществующего СССР в Токио. Тем более, что в этих откровениях немало неточностей и даже вредных ошибок, которые, пожалуй, настала пора исправить.

Понятно, наконец, что исторические рамки книги в основном ограничены именно советской эпохой. Если точно, то речь пойдет о периоде длиной в 60 лет — с 1925-го, когда в Токио прибыл первый резидент советской военной разведки (будущего ГРУ) Василий Ощепков, по 1985 год, когда из Восточной столицы был выслан сотрудник резидентуры Первого главного управления (ПГУ) КГБ СССР Константин Преображенский. Повторюсь: хотя эти два персонажа — абсолютные антиподы друг друга, но все же их судьбы оказались объединены одной темой, одним городом, одной — советской — эрой. Точно так же, как истории Рихарда Зорге и Станислава Левченко мистическим образом оказались закольцованы одними тем же отелом в центре Токио. Нелишне заметить в связи с этим, что возможное отождествление методик действий и географии почившей в бозе советской и ныне действующей российской

разведок автор целиком и полностью оставляет на совести читателей.

Наконец, несколько технических замечаний. В написании японских имен и фамилий используется принятое в отечественном японоведении правило: сначала фамилия, потом имя. Японские слова и названия транслитерируются в соответствии с системой Поливанова: не «суши», а «суси». Исключения — общепринятые названия, например, не «Токе», а «Токио», не «Ёкохама», а «Йокогама».

В Токио, как и в большинстве других городов Японии, существует совершенно отличная от нашей адресная система. Несмотря на то что многие улицы здесь, как и везде, имеют названия, адреса к ним никак не привязаны. Когда вы пытаетесь найти на карте нужный вам дом, этот поиск визуально больше всего напоминает работу сверхточного космического прицела. В его фокусе оказываются последовательно город, городской округ, район, квартал и, наконец, искомая точка — точь-в-точь как это показывают в боевиках, когда за какими-нибудь преступниками следит спутник из космоса. На практике же это выглядит так. В современной японской столице 23 городских округа, в каждом есть несколько больших районов, в котором есть свои кварталы с пронумерованными домами, — все очень просто и удобно для поиска. Например, когда я жил в Токио, мой адрес звучал так: Токио-то (губернаторство Токио), Ота-ку (район Ота), Оомори-кита (квартал Северное Оомори), 4 (номер микрорайона), 2–205 (номера дома и квартиры соответственно).

В старом, особенно довоенном, Токио адресная система была почти такой же, за тем исключением, что названия кварталов, их деления, размеры и расположения были иными, но об этом речь еще пойдет впереди.

В целом же автор вполне отдает себе отчет в том, что его труд не свободен от ошибок, поэтому будет благодарен за мотивированные и подкрепленные фактами исправления. И, конечно, я прекрасно понимаю, что пока еще не каждый читатель этой книги побывал в Токио, но искренне надеюсь, что побывает каждый.

Я не могу не высказать слова признательности Игорю Ульянову — выпускнику московской школы № 141 имени Рихарда Зорге, автору идеи этой книги, надоумившего меня в мае 2013 года изложить мои рассказы о «шпионском Токио» на бумаге, и туристической компании «КИР тур», обеспечившей условия для моих исследований и сбора материала в японской столице. Огромное спасибо также всем моим многочисленным помощникам, без которых осуществление этой идеи было бы невозможным!

Глава 1.

ВАСИЛИЙ ОЩЕПКОВ: ОТ ХОЛМА СУРУГАДАЙ ДО «КРАСНОХОЛМСКОГО РАЙОНА»

Внизу наткнулся на двух русских воспитанниц из Владивостока, просивших переводчика. Дал им Василия Ощепкова — в переводчики и провожатые по Токио.

Из дневников святителя Николая Японского, 3/16 июля 1909 года, пятница

Я искал место, где жил Василий Ощепков в Токио, несколько месяцев. Историк борьбы Михаил Лукашев в своей книге «Сотворение самбо. Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской...» сумел, на основании доступных ему в оттепель 1990-х годов документов из архива ГРУ, относительно точно описать район, где в 1925–1926 годах снимал квартиру Ощепков с женой. Я успел даже выступить с одним из докладов на тему русских выпускников Токийской православной семинарии, в котором упомянул это место, в московском Доме Русского зарубежья имени Солженицына, прежде чем мне пришлось изменить свои представления об «ощепковской топографии». Благодаря помощи профессоров Савада Кадзухико и Петра Подалко мне удалось найти в архиве Министерства иностранных дел Японии несколько донесений сотрудников японской тайной полиции — токко — о наблюдении за российскими эмигрантами. Нашелся там и один документ, посвященный В. Ощепкову. В нем, как и положено в таких случаях, адрес подозреваемого. Известно, однако, что адресная система в Токио с середины 1920-х годов менялась несколько раз, а значит, предстояло еще свести старый адрес с картой современного Токио. В книжной лавке в квартале старых книг Дзимботё я нашел карту Токио 1926 года и отправился на поиски. Довольно легко место было найдено — недалеко от перекрестка авеню Аояма-дори и Омотэ-сандо, и... вычисление оказалось неверным. Переводчица документа Имамуре Эцуко указала мне на ошибку: вместо дома № 6 мне следовало искать дом № 60. Я сумел обнаружить его только через пару месяцев — в свой следующий

приезд в Токио. Когда, наконец, нужная точка была найдена, возникло странное ощущение. Выйдя из мини-квартала, своеобразного японского «двора» на улицу, я догадался, в чем дело. Во время первого своего визита в Токио в августе 1998 года, когда я приезжал сюда по коммерческой надобности, офис моей компании находился в соседнем доме — в каких-то ста метрах от того самого места, которое мне так хотелось найти долгие годы. Впрочем, это не совсем так. В 1998 году я только приступил к сбору документов о судьбе этого человека, и процесс этот продолжается по сей день. Я скептически отношусь ко всякого рода «знакам», но... может быть, действительно — просто мы не умеем их читать? Ведь и позже я много раз проходил мимо этого перекрестка, в том числе и тогда, когда голова была уже всю занята размышлениями над судьбой этого человека. А подумать тут было над чем...

Биография — начало

Василий Ощепков родился в «столице сахалинской каторги» — поселке Александровский пост, в семье ссыльнокаторжной Марии Семеновны Ощепковой и «вольного» столяра Сергея Захаровича Плисака 25 января 1892 года по старому стилю или 7 января 1893 года — по новому. Брак между каторжными и сахалинскими поселенцами не мог быть официально признан, и Василий считался незаконнорожденным. В детстве он оказался еще и сиротой: в 1902 году умер его отец, а в 1904-м скончалась мать. Судя по косвенным данным, у мальчика в наследстве осталась собственность: дом № 10 то ли по Александровской, то ли по Большой улице (русские и японские документы на этот счет противоречат друг другу), который, вероятно — прямых подтверждений этого пока не обнаружено — сдавали в аренду его опекуны: Емельян Владыко и В.П. Костров. С той же долей вероятности можно предположить, что усилиями все тех же опекунов Василий был определен на учебу в единственное в то время на Сахалине реальное училище (опять же: то ли Александровское, то ли Новомихайловское). С высот сегодняшнего дня аттестат об окончании такого учебного заведения не выглядит престижным. Однако не только для Сахалина столетней давности, но и для всей России оно было свидетельством относительно высокого уровня просвещенности. Во всяком случае, подавляющее большинство будущих начальников Васи Ощепкова из Разведывательного управления Красной Армии не имело и такого. Год окончания нашим героем реального училища неизвестен, но, судя по всему, это случилось в 1907 году. Сам мальчик выказал при обучении серьезные способности, и опекуны его не остались равнодушными к судьбе сироты. В августе того же года 14-летний Вася Ощепков отправился в Японию — для обучения в Токийской православной духовной семинарии, открытой при русской православной миссии еще в 1875 году.

Один из преданных исследователей биографии Василия Ощепкова Лев Семенович Матвеев успел в свое время услышать рассказы приемной дочери Ощепкова Дины Николаевны Казем-Бек о том, как ее отчим попал в японскую столицу. Деньги на дорогу у мальчика были, хотя и очень немного. Не было четкого понимания того, куда он едет, не было знания языка. Но было главное — характер. Тот ощепковский характер, который потом сделает из сахалинского сироты героя-разведчика, прославленного спортсмена, знатока японского языка, выдающегося тренера,

преподавателя. По воспоминаниям Дины Николаевны, Василий договорился с матросами парохода «Доброфлота» — судовой компании, осуществлявшей регулярные рейсы из России в соседние и дальние зарубежные страны, и в трюме корабля пересек Японское море, чтобы высадиться в японском порту Цуруга — одном из основных пунктов морского сообщения этой страны с материком и с Сахалином. Сегодня от порта Цуруга до холма Суругадай в Токио, где находилась православная семинария, примерно 4 часа езды на двух экспрессах. В 1907 году на преодоление полутысячи километров у Василия ушло несколько дней, и до сих пор непонятно, как ему удалось добраться до русской православной миссии одному, повторюсь, без знания языка, без которого и сегодня в Японии худо, по стране, которая только два года назад воевала с его родиной. Появление белого иностранца в стороне от туристических маршрутов и поныне вызывает у многих японцев шок — никогда не забуду, как в одном маленьком японском городке местная девушка, внезапно столкнувшись со мной в упор, упала в обморок. Что же говорить о 1907 годе? И война, конечно, война... Слишком многие тогда в этой стране искренне ненавидели русских и Россию, слишком многие могли желать ему смерти. Преподавателя японского языка в Восточном институте Владивостока Маэда Кёцугу, приехавшего в Токио в отпуск, фанатик-националист зарезал белым днем в столичном парке Сиба в присутствии местного журналиста — только за то, что Маэда преподавал язык русским, а значит, считался шпионом. Василию еще предстояло в буквальном смысле на собственной шкуре ощутить отношения японцев к бывшему врагу, но пока ему надо было добраться до Токио, и он сделал это. Глава русской духовной миссии, основатель и попечитель семинарии архиепископ Николай Японский годом позже писал с еще не изжитым чувством удивления о этом событии: «1907 г. 1 сентября явился в миссию мальчик Василий Ощепков, сын сосланной на Сахалин, ныне круглый сирота, с письмом от своего опекуна, учителя новомихайловского училища в Александровском посту на Сахалине, потомств. почетного гражданина В.П. Кострова и просьбою о принятии в семинарию. Принят». И здесь самое время сказать несколько слов о том, что такое Токийская православная духовная семинария.

Бывший офицер резидентуры КГБ в Токио однажды рассказал мне, как еще в начале 80-х годов один его коллега, работавший в Подмосковье под прикрытием церковного сана, завидовал «смежникам» из ГРУ — военной разведки: «У них один Иван Касаткин чего стоил! Лучшего разведчика, чем он, в Японии никогда не было!» В этом высказывании четко

сформулирован один из распространенных, созданный когда-то японцами, миф о том, что основатель и глава православной церкви в Японии был разведчиком. Сегодня совершенно точно и достоверно известно, что Иван Дмитриевич Касаткин — архиепископ Николай Японский, причисленный в 1970 году к лику святых, никогда не выполнял никаких тайных миссий, но причина для зависти молодого кагэбиста все же существовала. Дело в том, что на протяжении нескольких лет Токийская православная семинария действительно готовила отличные кадры для российской военной разведки — сама не ведая о том.

За пять лет до внезапного приезда в Токио Васи Ощепкова, в 1902 году к главе русской духовной миссии в Токио, располагавшейся на царившем над японской столицей холме Суругадай, российские военные впервые обратились к епископу Николаю с просьбой принять в семинарию двух мальчиков для подготовки из них переводчиков японского языка. Владыка согласился, и двое казачат из Маньчжурии — Федор Легасов и Алексей Романовский прошли с преосвященным бок о бок все тяготы жизни во вражеском стане во время Русско-японской войны 1904–1905 годов.

В 1906 году, после того как ребята окончили семинарию и убыли в качестве военных переводчиков к местам службы в Россию, их место заняли сразу 8 человек, а потом курс неоднократно пополнялся снова и снова. Стараясь преодолеть провалы в организации разведки, выявленные в ходе войны с японцами, наши военные придумывали самые разнообразные схемы, включая столь экзотические, как открытие в Японии «детского сада» для воспитания в нем сирот из России и подготовки из них кадровых разведчиков. Отправка в Токио казачат была отчаянной попыткой реализации части этого плана на практике: «Принимая во внимание острую нужду в русских людях, владеющих местными языками и, в особенности, японским, начальник Заамурского Округа (г. Харбин) по собственной инициативе выслал в конце 1906 года 8 русских мальчиков в Токио в православную миссию».

Примерно половина семинаристов не выдержала крайне сурового обучения в духовной миссии, больших интеллектуальных, физических и психологических нагрузок и необходимости во всем следовать японским правилам. Они — недоучки — покинули духовную миссию с разрешением служить в русской армии «устными толмачами для переговоров с японцами», и это одно из свидетельств высочайшего уровня владения японским языком в семинарии. Ведь даже в быту, в свободное от занятий время на протяжении всех шести лет обучения русские подростки должны были общаться между собой только по-японски.

Занятия в семинарии строились путем сочетания двух программ: православной духовной семинарии и японской общеобразовательной школы. В число предметов последней входило дзюдо. Владыка Николай однажды записал в своем дневнике: «Путешествующий Генерал-майор Генерального штаба Данилов был, с военным агентом Генерал-майором Самойловым. Хотели посмотреть школы наши... ученики показали ему борьбу “дзюдзюцу”». Запись важная: Юрий Никифорович Данилов, по прозвищу «Данилов Черный» (в одно время с ним в императорской армии служили еще «Данилов Рыжий» и «Данилов Белый»), являлся шефом русской военной разведки. Генерал Владимир Константинович Самойлов — военный агент, или, выражаясь современным языком, военный атташе России в Токио, выдающийся разведчик, курировавший обучение русских семинаристов и частенько их навещавший. Понятно, что высокие чины российской спецслужбы поднялись на Суругадай не только для того, чтобы выразить почтение самому уважаемому члену русской колонии в Токио — архиепископу Николаю.

Но... знал ли об этом, знал ли о будущем предназначении своих воспитанников сам владыка? Судя по его дневникам, статьям, воспоминаниям современников, некоторые из которых, как большой друг семинарии профессор японоведения Дмитрий Матвеевич Позднеев, сами были агентами русской разведки, ответ можно дать однозначный — нет. Более того, свое будущее не сознавали и сами семинаристы, а программа их подготовки, хотя и включала в себя разные особенные виды переводов, в том числе японских писем, газет и тому подобной специальной лексики, полностью была лишена изучения лексики военной. Так что Токийская православная семинария никогда не существовала как «школа шпионов» или, во всяком случае, — как школа русских шпионов. О ее роли в подготовке переводчиков-японцев разговор особый: так уж распорядилась судьба, что многие ее японские выпускники связали свою жизнь со своей разведкой. К судьбе Василия Ощепкова мы еще вернемся, а пока несколько слов о тех его соучениках, о которых известно более остальных — так мы лучше сможем представить себе общую линию судеб русских выпускников токийской духовной миссии.

Исидор Незнайко окончил семинарию на год раньше Ощепкова и отправился в Харбин, где проходил службу в штабе округа — «с отличающей его старательностью, точностью и добросовестностью, проявляя во всех случаях (по отзывам японцев) прекрасное знание японского языка». Всю свою дальнейшую службу, а Незнайко до 1954 года прослужил на различных участках и ответвлениях китайских железных

дорог, он возглавлял переводческие отделы, изумляя окружающих совершенным знанием японского языка. Вот забавная и характерная вырезка из одной из харбинских газет: «Исидор Яковлевич Незнайко — сплошное “неизвецио”. Его японская речь немедленно вызывает в представлении присутствующих пышные хризантемы и миндалевидные глазки прелестных гейш. Недаром даже японцы, знакомясь с И.Я. на улице, в заключение беседы просят его снять шляпу, чтобы убедиться по цвету волос, что он не их соотечественник». В конце жизни Незнайко вернулся на родину — в Советский Союз, где мирно скончался в 1968 году, став одним из немногих японоведов, которых не затронули репрессии. В том, что И.Я. Незнайко действительно был «сплошным неизвецио», мы смогли убедиться в 2012 году, когда стараниями его внука из архива были получены уникальные документы, проливающие свет на другую сторону жизни его деда — человека, назвавшего себя в автобиографии, написанной в 1945 году в СМЕРШе, «секретным связистом» русской разведки в Китае. Связь эта длилась десятилетиями и не зависела от смены режима на родине. Молодой выпускник семинарии служил в казачьих частях по охране Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). После революции по заданию белогвардейской разведки Исидор Незнайко «постарался проникнуть в Комендантское управление [ст. Куаньченцзы]. Занимался тайной информацией о японцах и их передвижении в Сибирь, работа была довольно опасная, приходилось необходимые записи условно делать на спичечных коробках, а затем расшифровывать и делать дома сводки донесений». А несколько лет спустя именно в доме Незнайко на Стрелковой улице в Харбине останавливался первый нелегальный резидент советской военной разведки в Японии Василий Ощепков по дороге к новому месту службы. К сожалению, об остальном мы можем только догадываться: в сопроводительных материалах к документам на И.Я. Незнайко особо отмечено, что ряд их, «в том числе касающиеся работы в Манчжурии в 1945–1954 гг., содержат агентурные сведения, донесения, ФИО офицеров контрразведки министерства государственной безопасности» и «выдаче не подлежат».

Прибывший вместе с Исидором Незнайко в 1912 году в Харбин выпускник семинарии Владимир Плешаков тоже стал профессиональным разведчиком, участником Первой мировой войны. Много позже, на допросах в НКВД в 1937-м, он подтвердил, что в чине поручика служил в разведке Колчака в качестве офицера-восточника, где занимался анализом возможных действий японских союзников, находящихся не в самых теплых отношениях с Колчаком. В качестве переводчика, но без отрыва от

основной службы в разведке, Плешаков участвовал в переговорах забайкальских атаманов с командованием японского экспедиционного корпуса. С 1923 по 1928 год он работал в Центросоюзе в Хакодате — «крыше» резидентуры ОГПУ на самом северном японском острове Хоккайдо, где находился в контакте с резидентом Разведупра в Токио «Монахом» — Ощепковым. Кстати, сам Василий Ощепков в Токио был связан с еще одним русским однокашником — Степаном Сазоновым, служившим личным секретарем атамана Г.М. Семенова. Похоже, что Ощепков и Сазонов готовили операцию по переходу Семенова на советскую сторону, сорванную не по их вине. В январе 1946 года Сазонов был арестован военной контрразведкой «СМЕРШ» и расстрелян в Хабаровске. Сотрудника шифровального отдела НКВД Владимира Плешакова расстреляли на Бутовском полигоне под Москвой в 1937-м.

В 1938 году там же был расстрелян еще один семинарист — Трофим Юркевич, служивший у Колчака разведчик «красного подполья». В документах большевистской разведки он проходит как «агент Р», работающий в штабе японских оккупационных сил во Владивостоке. После Гражданской войны Юркевич стал видным японоведом, преподавателем Восточного института. Мне довелось видеть подписанные им после пыток протоколы допросов — этого не забыть никогда.

Каждый из этих людей заслуживает долгого и подробного отдельного повествования, но пора нам вернуться к их другу — Василию Ощепкову и его первому посещению Токио.

Известно, что с 1908 года при семинарии существовала школа дзюдо, как основа физической подготовки, входящая в программу японских школ. В семинарии тренировки вел один из инструкторов Кодокан — главной дзюдоистской школы или, как говорят японцы, додзё, так как и авторитет православной школы в качестве учебного заведения был велик, и находилась миссия не так уж далеко от штаб-квартиры дзюдо. Видимо, Василий Ощепков показал определенную склонность к борьбе, так как 29 октября 1911 года он, вместе с еще одним семинаристом — Трофимом Попилевым, был приглашен для обучения непосредственно в Кодокане, а 15 июня 1913 года, за неделю до выпуска из семинарии, стал первым известным нам русским и четвертым европейцем, получившим начальную мастерскую степень — 1-й дан по Кодокан дзюдо. Позже, 4 октября 1917 года, будучи в командировке в Японии, Ощепков сдал в Кодокане экзамен и на более высокий — 2-й дан (всего мастерских степеней в дзюдо тогда существовало 5, где 5-й дан был высшим).

Цели и задачи командировки В.С. Ощепкова в Японию в 1917 году нам

неизвестны — после окончания семинарии и до октябрьского переворота в России он служил в контрразведке в Хабаровске, Харбине и Владивостоке. В архивах штабов Приамурского и Заамурского округов, Владивостокской крепости должно храниться еще немало пока сокрытых от нас документов, способных пролить свет на деятельность «унтер-офицера контрразведочного отделения» Василия Ощепкова. Зато точно известно, что все это время он продолжал заниматься дзюдо — и как борец, и как тренер, и как пропагандист. В 1915 году спортивный журнал «Геркулес», выходивший в Петрограде, писал о новостях из Владивостока: «Правление [местного спортивного] Общества, воспользовавшись пребыванием в городе специалиста японской борьбы “джиу-джитсу” г. Ощепкова, пригласило его в качестве преподавателя. Интерес к этой борьбе возрастает среди спортсменов, и они с увлечением принимаются за изучение одного из самых распространенных видов спорта в Японии». Ощепков просьбу спортивного общества удовлетворил, увлечение приморских энтузиастов поддержал, и до 1920 года руководил действовавшим во Владивостоке кружком дзюдо.

В те далекие времена дзюдо действительно было спортом суперменов и тайным оружием шпионов и диверсантов. Не случайно еще в 1896 году в том же Владивостоке самую первую в российской истории школу дзюдо открыл Утида Рёхэй — японский разведчик, теоретик и практик японского ультранационализма, основатель скандально известного в начале XX века «Общества реки Амур» — Кокурюкай. Но школа Утиды была залом для своих, для японцев, и располагалась она в центре Владивостока, на территории буддийского храма Урадзио Хонгандзи, там же, где находилась штаб-квартира «профсоюза» японских проституток в Приморье, и где японские разведчики имели свою перевалочную базу в поездках по русскому Дальнему Востоку. Василий Ощепков в преподавании дзюдо пошел другим путем. Воспитанник школы Кодокан, ученик основателя дзюдо Кано Дзигоро, ясно видевшего спортивные и международные перспективы японской борьбы, Ощепков сделал свою секцию открытой для всех. Уже 4 июля 1917 года он провел во Владивостоке первые в мировой истории международные соревнования по дзюдо, пригласив для этого в Россию дзюдоистов из Коммерческого училища города Отару с самого северного японского острова — Хоккайдо.

К сожалению, 1917-й был не лучшим годом для мирных инициатив. Вскоре после октябрьской революции Ощепков оказывается на службе в армии адмирала Колчака — как переводчик с востребованного тогда японского языка. Одновременно он выполнял эту же функцию и в

Управлении военно-полевых сообщений японского экспедиционного корпуса, расквартированного во Владивостоке. Похоже, что пойти на службу после увольнения из расформированной царской контрразведки его заставила либо мобилизация, либо материальное положение — не на что стало жить. Перед этим Ощепков открыл было школу японского языка и попытался заработать денег, участвуя в торговых операциях с Японией (сохранились документы о закупке им на островах нескольких пудов обуви), но не вышло. Купил кинопроектор «Пауэре» и решил освоить новую, модную специальность — кинопрокатчика, но только вызвал к себе ненужный интерес. Должность, образование и активность молодого сахалинца на государственной японской службе с кинопроектором привлекали внимание красного подполья: есть сведения, что его представители с 1920 года наладили сотрудничество с Ощепковым. А в следующем году, уехав из Владивостока на родной остров, чтобы показывать там кино местным жителям и японским солдатам, занявшим к тому времени весь Сахалин, Василий Ощепков становится секретным сотрудником советской военной разведки — агентом «ДД».

В центре внимания Ощепкова оказались японские гарнизоны в северной части Сахалина. Свободно владеющий японским языком, имевший опыт жизни в Токио, Василий Сергеевич легко сходилась с японскими офицерами, а для солдат выполнял во время киносеансов функции переводчика, растолковывая им содержание крутимых кинокартин — по большей части европейских и американских. Результатом переездов по Сахалину и общения с японскими военными стали разведывательные донесения Ощепкова. Они точны и детальны. В них есть информация о дислокации и вооружении воинских частей, например, такая: «В г. Александровске: две роты пехоты — 4-я и 3-я численностью около 400 человек при 8 пулеметах системы “Гочкиса” без щитов и легкого типа (ружейного обрезания) с прикладом, при каждом пулемете 4 номера прислуги. Казармы расположены в центре города. 5 орудий 3-дюймового калибра, дальность стрельбы $7\frac{1}{2}$ версты (в настоящее время стоят в артиллерийском складе без употребления). Никаких укреплений нет. Кавалерии нет»; о важных экономических объектах: «каменноугольный рудник Ф.Е.М. Петровского. Работал зиму 1922 года. Продажа исключительно частная и на электрическую станцию. Цена угля с доставкой 16 иен тонна. Рудник расположен в 6 верстах от города». Содержится там и подробнейшая информация о крупных военных чинах: биография, родственные и карьерные связи, послужные списки, личные

качества и фотографии японских генералов, служащих на Сахалине. Полнота поставляемых сведений, судя по всему, удовлетворила тогдашнее начальство агента «ДЦ», и оно приказало ему перебраться на давно уже обжитой японцами Южный Сахалин. Ощепков отказался, но предложил взамен другую командировку — в Токио, откуда он уехал всего 6 лет назад, где ему многое и многие оставались знакомы.

Однако прежде, чем перейти непосредственно к «топографической» части нашего повествования об Ощепкове, необходимо упомянуть, что по пути в Токио он оказался в столице «Русского Китая» — Харбине, где остановился у Исидора Незнайко, и где познакомился со своей землячкой Марией. Об этой девушке, к сожалению, известно крайне мало: в дополнение к вышесказанному можно только отметить, что она была молода — в 1924 году ей было всего 17 лет, красива — это хорошо видно по немногим сохранившимся фотографиям, и нездорова — чахотка вскоре оборвала ее земной путь. Фамилия же Марии до сих пор остается государственной тайной, хотя автору этого рассказа не дано понять, в чем именно заключается причина такой секретности. Зарегистрировав брак с Марией, Ощепков отправился через Шанхай в столицу уже «Русской Японии» — Кобэ, куда прибыл 24 ноября. Место прибытия и начала жизни Ощепковых в Японии было выбрано, если даже и неосознанно, то очень удачно. После Великого землетрясения Канто 1 сентября 1923 года Кобэ стал точкой сосредоточения большинства иностранных диаспор Японии. Крупнейший ввозной порт этой страны, он сумел растворить в себе и обеспечить востребованность для довольно большого, по японским масштабам, количества иностранцев. Только русских, по оценке эксперта по изучению русской диаспоры в Японии профессора П.Э. Подалко, там проживало более 300 человек — необыкновенно много для такой закрытой страны, как Япония двадцатых годов прошлого века. В Кобэ до сих пор сохранились остатки «русского квартала» в престижном районе Китано, неподалеку от которого Ощепковы прожили около 7–8 месяцев — до середины лета 1925 года, пока не перебрались в Токио. За это время Василий Сергеевич сумел полностью легализоваться в этой стране, получить информацию о слежке за собой со стороны японской полиции и предложение стать официальным представителем там германской кинокомпании «Вести». Разведывательные возможности в Кобэ вряд ли могли удовлетворить Центр — ничего особенно ценного эмигранты сообщить не могли, а плотность полицейского наблюдения была там слишком высока. Токио сулил новые перспективы, и, перебравшись туда, Ощепков постарался доказать, что ожидания могут быть оправданы. Итак,

Токио Василя Ощепкова...

Акасака

Перед отъездом первый нелегальный резидент советской военной разведки, как и положено, составил план работы в японской столице:

«1). Прежде всего, установить, в каких учреждениях служат учившиеся со мной в японской школе (*под «японской школой» Ощепков имел в виду Токийскую семинарию, называть которую точно избегал по понятным идеологическим причинам: «с волками жить...» — А.К.*) японцы.

2). Найти подходящую квартиру вблизи расположения какого-либо полка.

3). Записаться членом спортивного клуба “Дзю-дзюцу” в районе расположения полка.

4). Завязать знакомства с теми студентами, в семье которых имеется кто-нибудь из военных.

5). Завязать знакомство с фотографом, выполняющим работу для полка.

6). В случае необходимости поручить жене открыть курсы русского языка.

7). Установить время и место регулярного свидания с сотрудником Чепчиным (японец К.).

8). Наладить связь с Плешаковым, который служил в Центросоюзе в Хакодате, через которого была единственная возможность сдавать материалы для отправки во Владивосток или Харбин.

9). Познакомиться с русским служащим в интересных для меня учреждениях.

10). Чаще встречаться с товарищем по школе Сазоновым, который являлся правой рукой атамана Семенова, и через него познакомиться с лицами из политических и военных кругов Японии».

Даже поверхностный взгляд, брошенный на этот план, позволяет судить, что служивший ранее в приморской контрразведке Ощепков решил не мудрствуя лукаво использовать опыт японских разведчиков, любивших перед началом Русско-японской войны найти себе теплое местечко в качестве прачки, а лучше фотографа, неподалеку от какой-нибудь русской воинской части. По сей день многие загадочные иностранцы, особенно из стран Востока, настойчиво ищут жилье в непосредственной близости от КПП здания ГРУ на Хорошевском шоссе в Москве — ничто не ново под

луной.

Еще и сегодня распространена практика фотографирования солдат и офицеров на память в местных фотоателье или с привлечением профессиональных фотомастеров, но во времена, когда мобильных телефонов еще не было, а мода на фото процветала, фотоателье были местом исключительно уважаемым и посещаемым, фотограф мог знать в лицо и наперечет всех военнослужащих ближайших к его ателье частей. Беседа с японским мастером в фотоателье, интеллигентный, хорошо образованный иностранец Ощепков мог рассчитывать на получение массы ценной информации о личном составе расквартированных по соседству частей, а заодно и об их перемещениях, расписании, ворожении. А уж если наш разведчик выполнил не только пункт 5 своего плана, но и пункты 2 и 3, то есть поселился в непосредственной близости от воинских частей, то ценной информацией он должен был быть обеспечен под самую завязку. Ведь именно так поступали японские разведчики у нас. Так рассуждали, вероятно, начальники Ощепкова, так пишут в книгах, так думал и я, и... ошибался. Во всяком случае, сегодня я уверен в том, что ошибался тогда, — точно так же, как ошибался и сам Василий Сергеевич, отсылая в Центр «Дяде» свой план работы в Токио.

Россия — это Россия, а Япония — Япония. Как бы ни банально это звучало, но это данность, и в случае с разведкой непонимание этой простейшей истины может оказаться убийственным или самоубийственным для разведчика. Да, в наших, российских, условиях присутствие в непосредственной близости от воинских частей предприятий инфраструктуры — прачечных, булочных, кафе, фотоателье, синематографа и подобных им заведений — не вызывало беспокойства ни у военных, ни у полиции вплоть до того знаменитого момента, когда «жареный петух» в лице японских флота и армии не клюнул их в известное место пониже портупей. Лишь когда Русско-японская война уже началась, стартовал процесс зачистки прифронтовых территорий, а также местностей вокруг охраняемых объектов от подозрительных лиц, к которым чаще всего относили китайцев. Разобраться в том, сколько из них расстреляли за дело — за шпионаж в пользу Японии, а сколько по ошибке, не представляется возможным. Важно другое: российская контрразведка манеру сбора информации японцев раскрыла, поняла и взяла на вооружение. Но вот только... Россия — не Япония.

Как мы помним, во времена обучения Васи Ощепкова в Токийской православной семинарии военным агентом, то есть военным атташе России в Японии, был полковник, а позже генерал-майор Генерального штаба

Владимир Константинович Самойлов. Проживший в Токио много лет, он прекрасно знал язык, тонко чувствовал культуру страны и менталитет народа, ее населяющего. Понимал, что «в Японии разведка является делом особенно трудным и рискованным». В одном из своих отчетов в Петербург он писал о причинах возникающих трудностей:

«1. Предлагающие свои услуги обычно бывают принуждены к этому денежными затруднениями вследствие игры и кутежей, а так как в Японии игры запрещены, то много шансов за то, что данное лицо уже находится под наблюдением полиции и за каждым шагом его следят, следовательно, он легко может попасться, что обыкновенно и бывает довольно скоро.

2. Японцев никоим образом нельзя обвинить в болтливости. Многие из того, что в европейских странах является предметом обыденных разговоров офицеров, чиновников и пр., никогда не обсуждается вне присутственных мест. Следовательно, уничтожается возможность кому бы то ни было услышать и воспользоваться этим для каких бы то ни было целей.

3. В Японии секретными считаются многие вещи, которые в европейских странах появляются в печати и продаются для публики: большая часть карт, все учебники военных училищ, штаты и пр. секреты.

4. Укоренившаяся среди японцев привычка шпионить и подсматривать друг за другом выработала из них отличных агентов тайной полиции. В Японии не считается позорным ремесло доносчика и шпиона.

5. Без преувеличения можно сказать, что за всеми официальными лицами, живущими в Японии, по пятам следует агент полиции. Иногда он даже не скрывается, и в случае вопроса о том, зачем он неустанно следует, обыкновенно дается ответ, что это делается для безопасности... Японцы не стесняются осматривать вещи в отсутствие владельца, прочитывать письма, подслушивать...»

Стажировавшийся в Японии в 1907–1908 годах офицер Генерального штаба Николай Стромиллов вторил своему шефу и уточнял: «Как в европейских армиях хороший солдат должен быть хорошим разведчиком, так в Японии каждый солдат должен быть шпионом, каждый гражданин должен быть готов (и он готов) к тому же... Стоит только русскому сесть на пароход, отправляющийся в Японию, как за ним тотчас учреждается негласный надзор, о котором он, конечно, и не подозревает и который не прекращается во все время пребывания его в “стране Лотоса”; каждый его шаг (буквально), каждая истраченная копейка, каждое сказанное слово записываются, а в маленьких городах и печатаются в местной газете в статье под заглавием: “Русский шпион такой-то”, о чем не знающий японского языка (каковы почти все русские за исключением нескольких

человек, которые, конечно, у японцев на строгом учете) совершенно не знает. О “тайне частной переписки” в этих случаях смешно и говорить».

Василий Ощепков прибыл в Японию через 14 лет после публикации Военным министерством книги «Японец во весь рост», откуда и взята эта цитата. Очень скоро он мог на собственном опыте убедиться, что полтора десятилетия для этой страны традиций — не срок. В Кобэ, куда пароход доставил чету Ощепковых из Шанхая, их, если верить автору первой биографии М.Н. Лукашеву (а не верить ему нет никаких причин), вскоре навещил полицейский, приставленный для полицейского надзора за ними. По счастью, и это счастливое обстоятельство сопровождало Ощепкова все время пребывания в Японии, полицейский оказался его знакомым — русистов и японистов всегда было мало, и обычным делом было, что они часто знали друг друга лично. Японец за лишней рюмкой сакэ поведал Василию, что на пароходе из Шанхая должен был прибыть советский разведчик под агентурным псевдонимом «ДЦ», киноброкер по профессии. «ДЦ» был, скорее всего, образованный от «дзюдо» или, как тогда говорили «дзюу-до» позывной Ощепкова, и это, конечно, он был тем самым киноброкером-разведчиком. До сих пор неизвестно, кто выдал его японцам, но, по всей вероятности, произошло это либо в харбинской резидентуре, либо в шанхайской. Такой вывод напрашивается в связи с тем, что, несмотря на то что слежка за Ощепковым продолжалась постоянно, он так никогда и не был четко идентифицирован как советский агент, не был раскрыт. Узнав об опасности провала, Центр во Владивостоке лишь срочно сменил псевдоним: теперь Василия нарекли «Монахом» (видимо, его начальники точно знали, что скрывается под расплывчатой «японской школой»), а сам он стал особенно осторожен и внимателен.

Кстати, а насколько он был образован с точки зрения профессиональной подготовки разведчика? Насколько высок был уровень профессиональной подготовки Ощепкова? Ответ на этот вопрос состоит из двух частей. Во-первых, как свидетельствует М.Н. Лукашев, один из начальников Василия Сергеевича уже тогда оценил его следующим образом: «Источником 1043 (*Ощепков. — А.К.*) даны весьма интересные сведения об отказе японского командования от старых принципов военной подготовки, о проведении маневров и ряд других интересных вопросов... ценные сведения о совещании комдивов и другие сведения об исследовании ядовитых газов и применении их (против шаблона — на основе прогресса техники)». В завершающей дело «Учетной карточке» подавляющее большинство доставленных «Монахом» донесений, документов и книг значатся как «ценные» и «весьма ценные». Во-вторых,

есть современная, выполненная в 2011 году, оценка донесений Ощепкова с Сахалина: «...Документ ...написан четким и лаконичным языком без излишней детализации, что наиболее характерно для документов, предназначенных для доклада руководству оперативно-тактического звена управления и выше. Учитывая, что в тот исторический период, которым датируется данный документ, органы военной разведки РККА находились в стадии формирования, а структура табельных разведывательных документов только разрабатывалась, есть основание полагать, что в его основе были использованы шаблоны старых документов Генерального Штаба царской армии. **Отдельно следует отметить характер изложения материала, отличающийся высоким, даже с позиции сегодняшнего дня, уровнем военной, политической и экономической грамотности (выделено мной. — А.К.).** Принимая во внимание общий уровень подготовки сотрудников РККА того времени, можно также предположить, что человек, непосредственно исполнявший (сводивший) документ, имел специальную информационно-аналитическую подготовку и, вероятнее всего, являлся кадровым сотрудником органов военной разведки еще дореволюционного периода....Учитывая наличие на оккупированной территории определенного режима и ограничений на перемещение (упоминание об этом также имеется в тексте), фотографирование объектов и сбор сведений для нанесения обстановки на карту должны были потребовать значительного времени и сил...»

Для чего я привожу эти цитаты? Для того, чтобы читатель понял, что Василий Ощепков был профессионалом, высокий уровень подготовки которого адекватно оказался оценен только после его возвращения из Японии. Он умел делать выводы из сложившейся ситуации, менять линию поведения, мог самостоятельно, учитывая результаты собственного анализа обстановки, совершенствовать методы сбора информации. Урок, преподанный нашему специалисту полицейским в Кобэ, тоже пошел на пользу: переехав из бесперспективного с точки зрения военной разведки эмигрантского порта в Токио, Ощепков выстроил линию своего поведения и тактику разведывательной работы совсем не так, как он сам предполагал это еще несколько месяцев назад, и не по той схеме, которую одобрило его командование. Топография Токио поможет нам убедиться в этом.

В «канонической» литературе, посвященной биографии Василия Ощепкова, место его жизни в Токио, а заодно и место работы, определено с ошибками, но вычисляется довольно точно. Собственно, единственным первоисточником для всех последующих описаний стала уже не раз упоминавшаяся книга М.Н. Лукашева «Сотворение самбо...», сведения для

которой Михаил Николаевич почерпнул в агентурных делах резидента «Монаха». Исходя из них, получается, что Ощепковы сняли квартиру (двухкомнатный номер в немецком пансионе барона Шмидта) рядом с казармами 3-го Адзабского (в книге — «абазского») пехотного полка. Знакомство с фотографом тоже состоялось в соответствии с планом задач. Причем ателье располагалось напротив казарм 1-го Адзабского полка. Через его хозяина Ощепкову удалось достать сохранившееся в деле расписание занятий с солдатами. Тут сразу возникают два простых вопроса. Первый: зачем советской разведке это самое расписание (за исключением разве что военно-спортивного любопытства)? И второй: где в то время находились эти полки?

Ответ на первый вопрос несложен. Если задание было таким, каким оно описано в книге, то это чистой воды «отписка»: расписание занятий пехотного полка страны, с которой 20 лет назад еще велись боевые действия, было давно известно и изучено досконально с учетом изменений еще до прибытия Василия Сергеевича в Токио: сохранилось немало документов, исполненных старшими коллегами Ощепкова. Для советской военной разведки исполнение «Монахом» ее нового задания не могло дать ничего, кроме самих отчетов об успешно выполненном задании. Ощепков, с его десятилетним опытом оперативной работы (с 1913 по 1924 год), не мог этого не понимать. И все же планировал свои действия по японской модели? Зачем? Если перед Русско-японской войной, в 1902–1904 годах, такое поведение японских агентов было хоть как-то оправданно — надо было собрать массу даже мелких деталей об армии противника, то в 1925 году Советский Союз явно не собирался воевать с Японией, что называется, на следующий день, завтра. Советской разведке сведения о японской армии были нужны не тактического — таких было в достатке, а оперативно-тактического и стратегического уровней. Вот только с помощью фотоателье такую задачу не выполнить.

Куда сложнее, на первый взгляд, казался ответ на вопрос номер 2. Впрочем, при понимании, что «абазский» — это «адзабский», сразу возникает мысль, что искать их надо в одном из центральных районов Токио — Адзабу. Правда, наличие в нашей армии, например, Таманской и Кантемировской дивизий никак не обуславливало необходимость их нахождения в Тамани или Кантемировке — обе стояли под Москвой. Но... вдруг у японцев иначе? Оказалось, что действительно в Японии все было устроено по-другому. В результате долгих разысканий удалось выяснить, что Адзабу — вполне конкретная географическая привязка. Более того, полки, входившие в состав элитной 1-й пехотной дивизии (не путать с 1-й

гвардейской дивизией!), находились по соседству друг с другом. 3-й адзабский пехотный полк на картах конца эпохи Тайсё и начала эпохи Сева, то есть 1920–1930-х годов, отмечен вполне определенно. Несмотря на большой урон, нанесенный ему Великим землетрясением Канто 1923 года, он не поменял своей дислокации, и прибывший в Токио в июле 1925 года Василий Ощепков должен был застать его в состоянии реконструкции и восстановления после подземных толчков, но на прежнем месте — в квартале Синрюдо-мати. Это большой холм, лежащий примерно в двухстах метрах западнее улицы Гаэн Хигаси-дори и возвышающийся над уже тогда существовавшим огромным кладбищем Аояма. Если посмотреть на подробную карту местности того времени, то окажется, что казармы 3-го полка были выстроены в виде гигантской русской буквы «Ф», но на самом деле, конечно, это был иероглиф «Хи» — «солнце», первая часть названия страны Нихон или Ниппон. Перед казармами существовал огромный плац, были выстроены конюшни и парк для хранения боевой техники и вооружения, а вся территория была окружена забором. После окончания Второй мировой войны эти помещения передали в распоряжение одного из местных университетов и до самого последнего времени использовались для нужд токийского студенчества. В 2007 году на месте расположения 3-го Адзабского пехотного полка открылось уникальное сооружение: Государственный Новый музей изобразительных искусств (Кокурицу Синбидзюцукан), автором проекта которого стал гений японской архитектуры Курокава Кисё. Удивительное по красоте, необычайно эффектное здание в футуристическом стиле стоит теперь на месте бывших казарм, да не просто стоит, но и помнит об этом. На первом этаже уникального музея, в огромном стеклянном холле установлен макет тех самых казарм в масштабе 1:100, воспроизводящий не только их общий внешний вид, но и помещения в разрезе, и даже снабженный малюсенькими копиями солдат, стоящих в строю на плацу, лошадей и техники. Пояснительная надпись к макету гласит, что при строительстве здания Синбидзюкан использованы оконные стекла из тех самых казарм. Немного фантазии — и, глядя через стеклянную стену музея на хранилище для зонтиков, более всего напоминающее пришвартованный в Токио инопланетный корабль, мы сможем представить себе, как через это же самое стекло косился мордатый унтер на подозрительного высокого иностранца в светлой шляпе и с тросточкой в руках, то и дело прохаживавшегося мимо полкового КПП...

Итак, первая точка, к которой, в соответствии с планом оперативной работы, должен был быть привязан Василий Сергеевич Ощепков, найдена.

Где вторая? В пяти минутах ходьбы от первой. Казармы 1-го адзабского пехотного полка размещались тогда через дорогу — через ту самую Гаэн Хигаси-дори.

Когда я впервые приехал в Токио в 1998 году, для меня сняли номер в отеле «Akasaka Marroad Inn». Придя вечером в гостиницу, я, по русской привычке, открыл окно, чтобы посмотреть на «красоты Токио». Но через окна японских бизнес-отелей редко можно увидеть привлекательные пейзажи. Чаще всего они выходят на стену какого-нибудь соседнего здания. В моем случае открывался вид на темный и довольно мрачный участок города, где горели несколько фонарей, виднелись невысокие здания, но по контрасту с сияющими рекламой соседними кварталами это место казалось пустырем. Окно пришлось закрыть, но каждую ночь я выходил на прогулку и инстинктивное изучение Токио. Инстинктивное потому, что у меня не было не только никакого словарного запаса, но даже карты города. Было только желание, опыт занятий военной топографией и память: я запоминал отличительные особенности зданий на поворотах — вывески, магазины, банки и направление своего движения. Скоро я оказался перед тем самым загадочным темнеющим пятном, что виднелось из моего окна. Совсем еще недавно служивший в армии, я по характерным признакам — длинный забор, КПП (контрольно-пропускной пункт), скрывающиеся в тени дежурные в форме — понял, что это воинская часть. Неимоверное мое удивление вызвало обилие негров вокруг этого КПП, норовящих сунуть мне в руки какие-то открытки с рекламой заведений «женского бизнеса». Представить себе такое в России я в то время еще не мог. Кажется, тогда я и узнал, что район, рядом с которым я поселился и по которому гулял в ту ночь, называется Роппонги, и это одно из любимых мест проведения ночного досуга иностранцами. Еще позже мне стало известно, что за КПП находится... Управление национальной обороны Японии.

В 2000 году офисы главного военного ведомства страны убрали отсюда в район Итигая, а на месте бывших казарм 1-го Адзабского полка в 2007 году открылся роскошный торговый и гостиничный центр Токио Мидтаун.

Что ж, получается, что Василий Ощепков жил где-то в районе нынешнего здания Синбидзюцукана и напротив нынешнего Мидтауна? Возможно. На старых картах это место соответствует небольшому кварталу Рюдо-мати или домам 10 и 12 квартала Синрюдо-мати (запомним это место — вокруг нынешней автозаправки на угол от Мидтауна — оно нам еще пригодится!). Очень возможно. Во всяком случае, именно к такому выводу пришли мы с доктором политологии Василием Молодяковым, с которым

вместе искали место жительства первого советского резидента. Выбор, что и говорить, странный: огромный белый иностранец (а Василий Сергеевич имел около 180 см роста при тогдашнем японском стандарте в 155–160, и весил около 80 килограммов) решил поселиться между расположениями двух элитных японских воинских частей с целью вести постоянное наблюдение за ними? Человеком Ощепков был, по отзывам знавших его современников, обаятельным, японским языком владел блестяще, представляя одну из самых модных и уважаемых в то время в Японии профессий — бэнси: Василий не просто показывал фильмы, но и артистически озвучивал их, комментируя и разъясняя зрителям происходящее на немом экране. Наконец, его второй дан школы дзюдо Кодокан не мог не вызывать уважение среди японских военных, которые тогда поголовно должны были заниматься боевыми искусствами, в первую очередь, фехтованием и дзюдо. И все же: не слишком ли много внимания, не многовато ли экзотики для иностранца, истинная цель пребывания которого в Восточной столице должна остаться неизвестной для окружающих? Ведь Рюдо-мати и его окрестности — Адзабу и Акасака — не просто место, где расположены воинские части. В предвоенные годы это был один из военных кварталов Токио, где не только несла службу, но и проживала значительная часть офицерского корпуса соединений японской армии, расквартированных в столице.

С XVII века и до сих пор в Восточной столице сохраняются остатки феодального еще деления города на кварталы, когда в одном месте было принято торговать оружием, в другом книгами, а в третьем, например, рыбой. Даже когда миновало самурайское средневековье, привычка токийцев к поквартальной профессиональной ориентации осталась и отчасти сохраняется и сегодня. Уже после Второй мировой войны в этом городе возникли кварталы Акихабара как центр продаж радиодеталей, превратившийся позже в «Электриктаун», а сейчас стремительно трансформирующийся в «городок анимэ» Акиба. Тогда же появилась «аллея мод» Омотэсандо, а чуть позже район молодежной моды Харадзюку, вытянувшийся на местах, где когда-то стояли усадьбы адмиралов императорского флота Такэсита и Того. Сегодня район военных — это Итигая-Кудан, а в 1920-х годах множество воинских частей располагалось в кварталах Адзабу и по соседству — в Акасакаку — в переводе на русский язык, в «Краснохолмском районе». Помимо упомянутых частей 1-й пехотной дивизии, там располагались еще два крупных воинских формирования, в том числе 1-я гвардейская дивизия, а старшие офицеры и генералы издавна облюбовали эти живописные

кварталы, испещренные крутыми спусками и подъемами для своих квартир, домов и даже поместий. Совсем рядом, напротив расположения обоих полков, находится небольшая и очень скромная усадьба завершившего свой земной путь в 1912 году генерала Ноги Марэсукэ. Это о нем советский писатель Борис Пильняк, впервые побывавший в 1926 году в Японии и живший здесь же, прямо по соседству, вспоминал в своей книге «Корни японского солнца»: «Я был в доме маршала Ноги, в том доме, где он вместе с женою сделал себе харакири, — в том доме, около которого теперь храм маршала Ноги. Этот дом теперь — достояние музеев, — храм около дома — достояние молящихся, — Ноги — национальный герой. Имя Ноги известно в России, ибо это один из маршалов, побивших Россию».

Не маршал, но генерал Ноги действительно был одним из самых прославленных японских полководцев, героем взятия Порт-Артура. Ему самому эта победа стоила так дорого, что вскоре после подписания Портсмутского мира с Россией генерал на личной аудиенции у императора попросил разрешения уйти из жизни. Он считал потери японской армии, понесенные во время осады русской крепости, чрезмерными: не менее 60 тысяч человек, но главное — на той войне у него погибли оба сына, офицеры японской армии. Слишком высокая цена за победу — даже для героя. Император Мэйдзи запретил тогда генералу Ноги думать о самоубийстве и назначил воспитателем своего сына, будущего императора Тайсё. Через семь лет смерть императора освободила Ноги от обещания, и, посетив похороны обожаемого сюзерена и сфотографировавшись на память (фото это долгие десятилетия было важнейшей иллюстрацией тезиса о преданности долгу самурая), он с супругой решил исполнить давно задуманное. Перед портретом покойного императора генерал взрезал себе крест-накрест живот, а его жена ударом короткого меча пронзила себе горло с такой силой, что рассекла позвоночник. Впрочем, может быть, это сделал ее муж перед тем, как убить себя, — свидетелей не было.

Борис Пильняк писал: «Я пошел туда. Там стоит небольшой домик, по-нашему вроде тех, где по уездам живут земские врачи и агрономы. Там вокруг дома проложена галерейка, откуда видна внутренность дома. На взгляд европейца — это пустой дом: ни одного стола, ни одного стула, пол покрыт татами (циновками), какэмоно на стене, туалетный столик в комнате жены, такой, перед которым надо одеваться, сидя на полу, — письменный стол маршала, такой, за которым надо писать, сидя на полу, — и все, больше ничего. В угловой комнате указаны места, где сидел маршал и его жена в момент, когда они сделали себе харакири. Там в углу трубкой свернуты циновки, залитые кровью маршала и его жены. Они перед

смертью сидели на полу посреди комнаты, около хибати. Маршал и его жена перед смертью написали танки. Быль жизни маршала Ноги и его смерть — суть экстракт понятий японского парода о чести и правильности жизни, — маршал Ноги — национальный герой, патриот и гражданин своей родины. Обстановка его дома, тот быт, в котором он жил, — до аскетизма просты: и до аскетизма проста его смерть, ставшая над смертью. Вокруг дома маршала Ноги растут тенистые деревья, те деревья, которые дают покой нервам, — вишневые деревья (они в Японии величиной с березу), цвет которых есть символ души мужчины: вишневые цветы в Японии делают себе харакири, то есть особым таким ножом разрезают себе живот... Я ушел из дома Ноги, из парка, где приютился храм его имени, — малость обалделым».

Пильняк отправился в усадьбу Ноги, к слову сказать, в неизменном виде существующую до сих пор, по той простой причине, что в 1920-е годы это было одним из мест массового паломничества японцев, воспитываемых в самурайском духе. Сегодня многое изменилось, но и сейчас это действительно поразительный по своему духу, щемящий душу уголок Токио, к которому нельзя относиться без уважения. Но было ли такое соседство на пользу советскому военному разведчику? Не думаю, что ответ на этот вопрос может быть утвердительным. Конечно, чисто теоретически, Ощепков мог строить свою линию поведения с той же четко моделируемой бесшабашной лихостью, с какой это делал несколькими годами позже Рихард Зорге. Но помимо того что это были абсолютно разные по воспитанию, образованию, характеру и темпераменту люди, Зорге жил в основном среди иностранцев и общался с иностранцами, более-менее привычными к тому, что у каждого могут быть свои странности. Ощепков же был полностью погружен во внешне ровную, однородную, но энергетически напряженную, до крайности милитаризованную в те годы японскую среду. Вряд ли это окружение смогло бы долго с дружелюбным доверием относиться к странному иностранцу, а значит, Ощепков был бы неминуемо и скоро раскрыт. Но Василий Сергеевич не выглядит в документах самоубийцей. Вряд ли он сам предложил своему руководству в разведке отправить его вместо Южного Сахалина в Японию, а затем перебросить из Кобэ в Токио только для того, чтобы здесь, при помощи бдительных японских военных, его могла быстро вычислить японская контрразведка. Зачем же он поселился в столь необычном месте? Ответ на этот вопрос нашелся в январе 2013 года.

Роман на краю кладбища

Незадолго до этого мне удалось заинтересовать своими исследованиями истории русских выпускников Токийской православной семинарии профессора университета Сайтама Савада Кадзухико, выступавшего с докладом в Москве, в Доме Русского зарубежья. Он рассказал мне, что составил поименный список всех русских эмигрантов, на которых в архиве японского Министерства иностранных дел сохранились донесения агентов тайной полиции — токко. Всего таких донесений сохранилось более 13 тысяч, и, конечно, найти нужные среди них было бы задачей, рассчитанной на многие месяцы работы. По счастью, вскоре уже мне довелось выступать в Токио с докладом в Обществе исследования российской истории, и профессор Савада после выступления передал мне листок именно с теми фамилиями, которые меня интересовали. Значился в этом списке и Василий Ощепков. Найти по указанному в списке номеру документ в архиве МИДа не было слишком сложно. Куда тяжелее оказалось его прочитать. Написанный полицейским от руки, старыми иероглифами (в 1947 году в Японии была проведена реформа письменности), он оказался почти недоступен моему пониманию. Одно из немногих мест, с прочтением которого не возникло вообще никаких затруднений, был адрес: «Акасака-ку, Аояма Минами-мати, 3–60». Именно последнего «0» в адресе я не увидел, приняв его за характерную японскую точку «мару» — нечто среднее между нашей точкой и маленьким ноликом. Радостный от обладания долгожданной тайной, я бросился в квартал старых книг Дзимботё, чтобы приобрести там карты времен Тайсё, а купив, с ними в руках отправился в Минами Аояма — «Южное Синегорье» — раз уж начал переводить японские названия на русский язык, продолжу эту традицию.

Ошибочный, как потом оказалось, адрес привел меня на перекресток Аояма-дори и Омотэ-сандо. Там, неподалеку от университета Аояма Гакуин, где я только что выступал с докладом, и должен был находиться, по моим расчетам, дом Ощепкова. Примерное место его нахождения было найдено, но тут преподавательница русского языка Имамура Эцуко, взявшая на себя перевод донесения на русский язык, сообщила мне, что я ошибся. Мнимая точка оказалось нулем, и место поиска резко сместилось на карте. К тому времени сместился по ней и я, оказавшись в Москве. Продолжить поиск удалось только через пару месяцев, предварительно

обзаведясь справочником, по которому можно было проследить изменение токийских адресов за последние сто пятьдесят лет. Дело в том, что Восточная столица постоянно строится, перестраивается, и карты ее, соответственно, непрерывно перекраиваются. Особенно решительно этот процесс выглядел до 1964 года, когда город терзали многочисленные пожары, нередко возникающие после землетрясений. Самое страшное из них случилось 1 сентября 1923 года, после полудня. Его эпицентр находился в 90 километрах к юго-западу от Токио, в заливе Сагами. Сильнейший удар пришелся на города Иокогама, Камакура, Канагава, которые еще и накрыла 12-метровая волна цунами. В молодой, отстроенной на западный манер, Иокогаме первые же толчки разрушили пятую часть кирпичных и бетонных зданий, фрагменты их развалин и сегодня еще можно найти на набережной этого города. Трясло так сильно, что развалило в мелкую пыль множество надгробий на Иностранном кладбище: навсегда исчез, например, самый первый памятник, возведенный над могилами русских моряков, зарубленных за полвека до этого фанатиками-самураями. Деревянными, с бумажными стенами, зданиям в японском стиле не повезло еще больше — они сгорели в пламени адского пожара, начавшемся сразу после толчков. Даже в порту, из-за разлившихся из хранилищ нефтепродуктов, горело море, да так, что высота пламени достигала 60 метров. В Токио было еще страшней: город больше, и горело сильнее. Сильный ветер разносил огонь верхом, как это бывает во время сильных лесных пожаров, а задымление было настолько плотным, что, как говорили, на одной из площадей столицы около 40 тысяч человек задохнулись дымом. Выгорело около половины города, в том числе сгорел православный собор Воскресения Христова, о котором речь еще впереди. Погибло более 700 тысяч жителей Токио и пригородов, а места, где они жили, превратились в пепелище. Поэтому, когда мне надо было купить карты города, продавцы обязательно уточняли мой запрос: «Вам до Великого землетрясения Канто или после?» — настолько сильно изменилась топография столицы после 1923 года.

Но и это еще не всё. Токио сильнейшим образом пострадал от американских авианалетов во время Второй мировой войны. Только в результате одной, хотя и самой ужасной, бомбардировки 10 марта 1945 года погибло около 100 тысяч человек, температура пожара была такой, что одежда на людях загоралась сама собой. Тогда в пламени исчезло более 40 процентов городских строений, а если добавить к этому результаты других авианалетов, то можно поверить на слово советскому разведчику Михаилу Иванову, побывавшему в Токио в 1945 году и говорившему мне, что по

сравнению с японской столицей Сталинград в 1943-м выглядел «слегка поврежденным городом».

Однако и последний год войны был не последним поводом для великой перестройки Токио. Настал еще и год 1964-й — время Токийской олимпиады. Мало кто знает, что сегодняшний Токио в значительной мере выглядел так уже во времена, когда нашей страной еще руководил странный человек с бородавкой на щеке, в кургузом костюмчике, заставлявший колхозников сажать кукурузу. Японцы бестолковыми сельскохозяйственными опытами в масштабах государства никогда не занимались, а к первому после войны грандиозному международному событию подготовились столь серьезно, что режиссер Андрей Тарковский в 1972 году снимал Город будущего для своей картины «Солярис» именно там — в Токио. Бесконечные многоуровневые развязки, автострады, то ныряющие в тоннели, то вылетающие из них куда-то ввысь, существовали в японской столице уже тогда. Но, чтобы построить их, пришлось еще раз заново перекроить весь план города, в том числе сменив и адресную систему. Поэтому сегодня, чтобы найти какой-то старый, довоенный, а тем более допожарный адрес — координаты дома, существовавшего до Великого землетрясения 1923 года, необходимо сначала обзавестись специальной литературой, найти которую, по счастью, в столичных книжных магазинах совсем нетрудно. В некоторых магазинах есть даже отдельные полки для литературы в стиле *time-trip*. Вооружившись таким специальным справочником, я вновь отправился в квартал, известный сегодня как Аояма Минами 2-тёмэ, чтобы отыскать там дом, где снимало квартиру семейство Ощепковых. Сличив несколько карт, я установил, что место, находившееся по адресу Аояма Минами-мати 3-60, уже в те времена было окраиной крупнейшего в центре Токио кладбища Аояма. Возможно, здесь и стоял известный нам по документам «немецкий пансионат барона Шмидта», а возможно, это было жилье, снятое Василием Сергеевичем уже позднее. В любом случае, выбор места для жизни, во-первых, весьма необычный, а во-вторых, он никак не соответствовал первоначальному плану и утверждению о том, что Ощепковы жили в непосредственной близости от казарм 3-го Адзабского полка. В чем же дело? Попробуем разобраться.

«Разведка без денег — кружок кройки и шитья», — приводит М.Н. Ощепков остроумное замечание одного из наших сотрудников спецслужб, но именно в таких «кружках» долгие годы и «занимались» лучшие наши специалисты тайной войны. Группа «Рамзай» под руководством Зорге долгое время существовала на деньги фирмы, которую создал и которой

руководил радист Макс Клаузен, и Василию Ощепкову, несмотря на обещанное ежемесячное жалование в 300 иен (неплохая сумма по тем временам), приходилось выкручиваться самому — возможно, обещанное финансирование так и осталось в проекте? «Живу на деньги, получаемые от фирмы, где служу. Итигути (*псевдоним завербованного агента-японца. — А.К.*) с сентября не платил ничего, и он, благодаря личным отношениям, никогда даже не напоминает, работу продолжает...» — отчитывался в Центр наш резидент. Снимать жилье в Японии дорого сегодня и было дорого всегда. Особенно иностранцам, особенно в Токио, особенно в центре, к которому относится и интересующий нас район Аояма. Один из немногих способов найти квартиру подешевле, но в хорошем районе — поселиться рядом с кладбищем. Именно так Ощепков и поступил. Устраивало ли его это жилье? Ответ очевиден: нет. Он пошел на это от безвыходности, из-за условий, в которые поставил его Владивосток. «Мои незавидные обстоятельства с жильем окончательно ставят меня в незавидное положение», — передает он в Центр, но в ответ получает вопрос: «А где вторая комната?» Что ж, теперь мы знаем, что советский разведчик снимал 2-комнатную квартиру на краю огромного кладбища. Но почему это названо «незавидными обстоятельствами»?

Из докладов Ощепкова нам известно, что именно в этот период частыми гостями в его доме становятся представители своеобразного военного бомонда: барон, лейтенант от кавалерии Такэити Ниси и еще один барон, лейтенант артиллерии Датэ Мунэацу. Первый из них, незаконнорожденный сын члена Тайного совета, выпускник придворного колледжа Гакусюин, где учились представители императорской фамилии, блестящий герой-кавалерист, в скором времени станет национальным героем Японии, победив в соревнованиях по конкуру на Олимпийских играх в Лос-Анжелесе в 1932 году. После него никто из японцев так и не смог повторить это достижение. Героическая гибель уже подполковника Ниси в боях с американскими войсками в 1945 году стала одной из сюжетных линий фильма «Письма с Иводзимы». В музее воинской доблести Юсюкан скандально известного храма Ясукуни ему посвящены целых два стенда, на которых можно увидеть спортивные и военные реликвии, напоминающие об этом человеке (кстати, очень рекомендую моим читателям при возможности посетить этот музей). Барон Датэ не стал так знаменит, но происходил из более древнего и богатого рода, учился в Англии и, похоже, был целью перспективной разработки для советского разведчика, использовавшего для этого собственную супругу. М.Н. Лукашев свидетельствует, что Датэ испытывал вполне определенную

симпатию к Марии Ощепковой, а Василий Сергеевич, как ни цинично это звучит, надеялся обратить в свою пользу. Бароны заезжали за Марией на автомобиле, вручали ей букеты алых роз и возили кататься по Токио. Разведчик вынужден был как-то отвечать на любезности молодых военных аристократов, но даже если он и не приглашал их в дом — в гости в Японии ходить не принято, само по себе проживание в этом месте вряд ли добавляло веса и положительной репутации Ощепковым. А вот тот же барон Ниси пригласить Ощепковых к себе мог: его огромная усадьба занимала площадь нынешней штаб-квартиры телекомпании «Асахи» у небоскреба «Роппонги-хиллс» — прямо около 3-го Адзабского пехотного полка. И социальный контраст между жильем «друзей» резал глаз. Несмотря на то что Ощепков и Ниси фактически были соседями, несмотря на то что дом Ощепковых был расположен в престижном районе, в пяти минутах ходьбы от трамвайной остановки на широкой и престижной Аояма-дори (сейчас здесь станция метро Гаэнмаэ линии Гиндза), кладбище... кладбище портило всё.

Нам доподлинно неизвестно, почему рухнул первоначальный план и в целом вся история с попыткой поселиться в непосредственной близости от расположения частей 1-й пехотной дивизии — по стечению обстоятельств или по воле советского разведчика. Так или иначе, Ощепков выбрал другое место жительства, а значит, вся домашняя заготовка в стиле «сиди и смотри» рухнула. Я проверил шагами: от места, где находилась квартира Ощепковых, до расположения обоих полков около 10–15 минут ходьбы — напрямик, через кладбище. Еще минут 5 до усадьбы Ниси. Однако ходить туда постоянно, чтобы понаблюдать за перемещениями военнослужащих императорской армии, — весьма странное «хобби» для иностранца, которого и так-то видно за версту, и за которым, судя по всему, велось полицейское наблюдение (возможно, не очень эффективное, но об этом чуть позже). Логично предположить, что разведчик не ходил туда напрямик, а специально запутывал наблюдение, выписывая по городу сложные зигзаги. Японцы — слабые аналитики, но если человек, числящийся на подозрении в тайной полиции токко или военной полиции кэмпэйтэй, как это было с Ощепковым, раз за разом в сложных маршрутах своих перемещений по городу постоянно оказывался бы у расположения воинских частей, они должны были это заметить. Для неоднократного посещения этого района необходимы были серьезные, очень серьезные основания, да и времени на «пеший туризм» требовалось бы немало. М.Н. Лукашев пишет, что Ощепков разместил в уже не раз упоминавшемся фотоателье большой заказ на изготовление рекламных фотографий,

возможно, каких-то постеров, афиш, фильмов, которые собирался закупать и показывать. Если это так, то такую мотивировку стоит признать вполне убедительной. В таком случае и петлять по Токио в тщетной надежде уйти от хвоста было совсем не обязательно. Но мог ли «Монаха» ходить в это ателье хотя бы раз в неделю, чтобы получать свежие данные по перемещениям войск от фотографа? Теоретически да — время от времени мог, и наверняка посещал. Даже самое известное фото разведчика в образе франтоватого молодого человека в привычно скошенной на правый висок шляпе и с тросточкой в руках, скорее всего, сделано именно тут — в Адзабу. Возможно, ходил он и в клуб дзюдо. Пока неясно, где этот клуб находился в двадцатые годы, но перед войной он располагался у холма Мамояма — рядом с ним жил преемник Ощепкова Рихард Зорге. Дорога к клубу тоже проходила мимо полков. Но сама по себе возможность посещения ателье никак не могла вернуть разведчика к первоначально утвержденной схеме. Появляться там время от времени, не слишком часто, — это одно, а сидеть каждый день — совсем другое. Ощепков это понял, и не такую уж важную роль играла в его работе эта самая фотостудия, и не в дружбе с его хозяином заключалась суть его работы. Невозможность жить вблизи тех самых полков, но доступность их спортклубов и шанс удивлять своим прекрасным японским языком местную военную аристократию сопутствовали перестройке всей его разведывательной деятельности.

Еще в 1920 году во Владивостоке Ощепков в спортклубе на Корабельной набережной, 21 познакомился с командующим японской экспедиционной эскадрой адмиралом Като Хирохару, который звал нашего разведчика «Василий Великолепный» и приглашал на флагманский корабль, где боролся с ним сам и наблюдал за спаррингами-рандори с офицерами эскадры. Так что опыт вхождения в самый тесный контакт с высокопоставленными военными у Василия Великолепного был и раньше. Теперь здесь, в Токио, ему особенно нужны были молодые, не слишком осторожные, но уже много знающие бароны-лейтенанты, которых и подобных которым он называл «несознательными сотрудниками»: «Живешь дольше, появляется широкий круг знакомых. Не “банто” (клерки, служащие. — А.К.), а людей с аристократическим положением. Публика очень интеллигентная». Богатые, титулованные офицеры, «несознательные сотрудники», окончившие Гакусюин и военные академии, необходимость разрешать жене флирт с японскими офицерами с прицелом на получение от них интересных сведений — все это совсем иная тактика разведки по сравнению с той, что до сих пор считалась присущей первому нелегальному резиденту советской военной разведки в Токио. Японский

журналист, которому я когда-то рассказал эту историю, был убежден, что в ней неверно расставлены акценты и что, наоборот, бароны использовали Ощепкова в своих целях. Весьма сомнительное, на мой взгляд, утверждение, но в любом случае получается, что Василий Сергеевич вовсе не был статистом, сидящим у окна своего домика в квартале, который сегодня называется Роппонги, и не отмечал карандашиком на салфетке число входящих и выходящих через КПП японских солдат. Получается, что был он настоящим разведчиком, резидентом с серьезными задачами, намерениями, развитым аналитическим мышлением, дающим возможность эти разведывательные намерения осуществить, а понять это нам помогли карты Токио 1926 года издания. Один из допущенных к архиву ГРУ биографов приводит список донесений агента «Монах» из Токио: «О политике Японии в Маньчжурии», «Материалы по японской авиации», «О маневрах японской армии в Маньчжурии», «О совещании командиров дивизий японской армии», «Об использовании ядовитых газов и принципах применения их японской армией». Естественно, что для получения таких данных разведчику был нужен широкий фронт работы, интересные информаторы и почти неограниченные возможности, а не скудное финансирование на общение с хозяином фотоателье.

Встав сегодня на краю кладбища Аояма, там, где оно вплотную подходит к детской площадке, бейсбольному стадиону и младшей школе района Аояма, рядом с синтоистским святилищем Микава инари, то есть оказавшись на месте, где в 1925–1926 годах жили супруги Ощепковы, невольно задаешься вопросом: а куда еще вели отсюда пути нашего разведчика? Чтобы узнать это, мы можем обратиться к нескольким точкам на карте, которые в известных нам донесениях Ощепкова ни разу не упоминаются, но относительно которых у автора нет никаких сомнений — он там был. Речь идет о православной миссии и соборе Воскресения Христова на холме Суругадай и о школе дзюдо Кодокан. Туда и отправимся. Причем, найдя у М.Н. Лукашева упоминание о том, что Ощепков хотел бы ездить в Кодокан, да средства не позволяли — дорог был проезд в японской столице, начнем именно оттуда.

Кодокан

«Дом постижения Пути», как примерно можно перевести с японского языка название Кодокан, был основан в 1882 году создателем дзюдо Кано Дзигоро. Причем изначально и по сей день название это принадлежит школе японских единоборств — традиционному, как сегодня говорят, выделяя его и обособляя от спортивного, дзюдо. Само по себе здание, где находилась школа, не называлось раньше никак. Первое время школа размещалась в храме Эйсёдзи в Токио, в так называемом Нижнем городе — районе, где селился преимущественно простой люд. Эйсёдзи находится в пяти минутах ходьбы от большой железнодорожной станции Уэно, сразу у выхода со станции Инаритё линии Гиндза токийского метро. Тогда, разумеется, никакого метро не было — как раз эта — старейшая ветка от Уэно до станции Асакуса, к которой относится и станция Инаритё, была пущена только в 1927 году, а окрестности в то время были заполнены огромным количеством небольших буддийских храмов, нашедших себе место между двумя гигантскими святилищами — Канъэйдзи в Уэно и Сэнсодзи в Асакусе. Фактически храм Эйсёдзи предоставил для школы Кодокан одно из своих помещений — пустой зальчик площадью 12 татами, то есть около 20 квадратных метров. Когда я жил в Токио, то снимал квартиру общей площадью, точно равной первому залу дзюдо, и с трудом могу себе представить, как там могли тренироваться более двух человек, но так было: Кодокан начинался с Эйсёдзи. В дальнейшем школа, или, как ее скоро стали называть, институт дзюдо, переезжал не раз. К 1911 году, когда в него поступили двое воспитанников Токийской православной семинарии Трофим Попилев и Василий Ощепков, Кодокан находился совсем в другом районе. Бывал ли в Эйсёдзи Василий Сергеевич? Учитывая, что он учился у основателя дзюдо — самого Кано Дзигоро, а тот, будучи талантливым и исключительно системным педагогом, огромное внимание уделял сохранению традиций, нет сомнений, что место, с которого начиналось дзюдо, молодые борцы посещали. Но вряд ли Василий Сергеевич приезжал сюда позже. Точно так же, как и сомнительно, чтобы ностальгия привела его в район, где находился Кодокан во времена его учебы: 114, Банта, Оцука, Сакасита-тё, Койсикава-ку. Тем не менее разыскать это место стоит.

Русскому ученому Василию Молодякову из университета Такусёку, что, кстати, раскинул свои корпуса в колониальном стиле относительно недалеко от станции Оцука, удалось определить примерное место

расположения Кодокана, и вместе с ним мы одним февральским утром отправились на поиски. Дело оказалось довольно сложным, и в какой-то момент мы, уже не очень надеясь на чудо, обратились в местный полицейский пост — кобан. Средних лет патрульный не смог ответить ничего внятного, но, когда мы вновь разбрелись по улицам в тщетной надежде на везение, догнал нас и попросил вернуться. В кобане мы увидели его коллегу столь преклонного возраста, что возникли вопросы о пенсионном пределе в токийской полиции, которые мы предусмотрительно не стали задавать. Тем более что, прикрыв веки и открыв рот, ветеран вдруг поведал нам главное: «давным-давно, когда он был еще очень маленьким», на холме напротив полицейский будки, где мы сидели, находилось огромное додзё — зал для занятий воинскими искусствами. Полицейский не знал, что это было за додзё, как называлось, и кто в нем преподавал, но это уже точно знали мы. Едва ли не бегом мы поднялись на тот самый холм на границе между нынешними пятым и шестым кварталами Оцука и увидели большую площадку, на которой выстроено здание банковского общежития — отличное место для большого спортивного зала. И тут нам снова повезло. Свернувший в ближайший проулок Василий Молодяков обнаружил табличку с еще дореформенным адресом: Оцука, Сакасита-тё. Кодокан был здесь! Это сюда юный Вася Ощепков бегал на занятия из семинарии на холме Суруга, это здесь в октябре 1911 года он выдержал экзамен на поступление в институт дзюдо, два года проливал здесь пот и кровь на татами, пытаясь выстоять в жестоких схватках с теми, кто всего несколько лет назад воевал против русских. И ведь смог — выстоял, выдюжил, став первым русским, получившим мастерскую степень — 1-й дан в июне 1913-го. Потом он, уже будучи сотрудником царской контрразведки, приезжал сюда снова, чтобы в октябре 1917 года, когда на родине все рушилось, снова стать первым русским, но обладателем уже следующего — 2-го дана. Сохранилась фотография, запечатлевшая старей, как раз примерно 1917 года, додзё во время церемонии повышения данов, то есть передачи экзаменов на более высокий мастерский уровень, которую как раз в это время прошел и Василий Ощепков. Жаль, лиц на старом фото не разглядеть — он мог быть там — в додзё «У подножия холма», как можно перевести название района Сакасита. Это место должно быть святым для всех россиян, занимающихся не только дзюдо, но и любым видом японских единоборств, ведь именно здесь, на этом холме начиналась их история...

Но если бы сам Ощепков в 1925 году захотел бы приехать в Кодокан (а скорее всего, так оно и было, и он, как и мы, стоял на этом холме, глядя на

место, столь важное для его судьбы), ему удобнее всего было бы добираться сюда на электричке. Для этого надо было сесть на трамвай на Аояма-дори в районе Гаэнмаэ и доехать до ближайшей от его дома станции Сибуя железнодорожной линии Яманотэ. Можно дойти до нее пешком — от его дома дорога заняла бы минут двадцать. Там, на станции Сибуя, Василий Сергеевич вполне мог встретить перед входом симпатичного крупного щенка породы акита, каждый день приходящего ко входу в ожидании своего хозяина — профессора сельскохозяйственного университета, обычно возвращавшегося около трех часов пополудни с работы. В мае 1925 года профессор умер, а пес ждал его каждый день аж до 1935 года. Наш разведчик наверняка не раз проходил мимо того самого щенка по имени Хатико, о котором потом режиссеры разных стран будут снимать фильмы, и памятник которому воздвигнут еще при его жизни и в его присутствии... Прах верного пса захоронили по-человечески — в могиле на кладбище Аояма, недалеко от дома Ощепковых.

Полутора десятилетиями ранее, когда Вася Ощепков учился в семинарии и в школе дзюдо, а Хатико еще не родился, юному семинаристу приходилось бегать из русской православной миссии в Кодокан пешком. Это довольно далеко: даже с использованием метро дорога занимает около тридцати минут, а пешком — не менее часа. Проложить этот маршрут каждый из вас может самостоятельно, зная исходные точки, но вот что интересно: в 1925 году, проходя по этому пути, Василий Сергеевич почти неизбежно должен был прийти в новое, только что возведенное, здание школы дзюдо, находившееся там же, где и сегодня располагается многофункциональный девятиэтажный комплекс института дзюдо Кодокан: у самого края развлекательного городка и стадиона «Токио Доум», по адресу 1-16-30, Касуга, Бункё-ку. Здание это находится вблизи станции Суйдобаси и стоит того, чтобы его посетить: на одном из его этажей, с отдельного входа — слева от главного, расположен музей дзюдо. В нем собраны реликвии, имеющие отношение к основоположникам этого единоборства, многие из которых были преподавателями и даже спарринг-партнерами Васи Ощепкова. В нише первого этажа, на улице стоит памятник основателю Кодокан и учителю будущего советского разведчика — Кано Дзигоро. В 1925-м наставник еще преподавал здесь, и нельзя исключать того, что встреча с лучшим русским учеником спустя семь лет после церемонии вручения 2-го дана тоже состоялась именно здесь. А то, что Ощепков находился в то время в Токио с тайной миссией, — что ж, для Кодокана это не было чем-то необычным.

Памятник у Мансэйбаси

В марте 1904 года во время попытки преградить путь русским военным кораблям из гавани Порт-Артура погиб капитан 2-го ранга Хиросэ Такэо. Погибший был личностью весьма неоднозначной, но остался в памяти японцев героем и даже был канонизирован в как «гунсин» — военное божество. В его честь построен храм на родине бога-героя в городке Такэта на острове Кюсю, а в Токио ему был поставлен памятник. Сегодня в России, в целях соблюдения политкорректности и по причине благостной исторической безграмотности подавляющей части населения, принято капитана Хиросэ представлять как большого друга нашей страны. Мол, жил в России, изучал русский язык, хорошо отзывался о Петербурге и якобы был влюблен в русскую девушку Ариадну — дочь адмирала Ковалевского. Чем не русофил? Знаменитым японским писателем об этой истории написана художественная книга, журналистами обеих стран подготовлена масса статей — красивых, героических и сентиментальных одновременно. Не так давно в Японии был даже снят сериал об этих событиях, в консультировании съемок которого принимали участие представители России. Слушая их рассказы о безмерной любви капитана Хиросэ к России, начинаешь особенно отчетливо понимать, что главное в жизни — не знать, а верить в то, что ты говоришь... К реальности японская ТВ-драма, равно как и роман, и большинство статей, имеет примерно такое же отношение, как советский сериал «Семнадцать мгновений весны»: красиво, похоже, вот только на самом деле было все по-другому...

Капитан Хиросэ Такэо являлся сотрудником военно-морской разведки, одно время даже возглавлял японский военный атташат в императорском Санкт-Петербурге, а его «возлюбленная» была дочерью русского капитана, офицера картографической службы, чьи работы представляли для японской разведки особый интерес (как тут не вспомнить Марию Ощепкову и ее дружбу с баронами-лейтенантами!). Никакого адмирала Ковалевского, равно как и его дочери (естественно), в природе не существовало вообще. Были интересы японской разведки и отсутствие контрразведки российской. И еще было дзюдо. В японском сериале есть эпизод, где Хиросэ обучает японской борьбе российского императора Николая II («большого поклонника спорта», как пояснила мне консультант фильма с российской стороны, пишушая «научные» работы по материалам ТВ-драмы). Конечно, и здесь нет ровным счетом ничего похожего на реальные события, кроме

того, что японский разведчик действительно учился дзюдо, в том числе в Кодокане. В те времена это единоборство было самым новым, прогрессивным и боевым — вспомним школу дзюдо во Владивостоке. Владение им если и не выводило человека в статус супермена, то все равно считалось очень полезным не только для здоровья, но и для карьеры, особенно если это была карьера разведчика.

Капитан 2-го ранга Хиросэ при осаде Порт-Артура пытался своим брандером перегородить русским кораблям выход из бухты, но был убит. Снарядом ему оторвало голову. О том, как его смерть взволновала японское общество, вы уже знаете: обожествление, скорбь, памятники. Нечто необычное происходило и в Кодокане. Основатель дзюдо посмертно присвоил Хиросэ, имевшему при жизни предпоследний из возможных, 4-й дан, несуществующую, а потому особенно почетную — 6-ю степень. Портрет Хиросэ Такэо и сегодня висит в музее дзюдо, а изображенный на нем герой относится к числу наиболее почитаемых выпускников Кодокана. Это еще раз заставляет нас задуматься о том, каким было отношение к русскому подростку со стороны японцев во время занятий в школе единоборств всего пару лет спустя после гибели ее «военного божества», и почему он потом так самозабвенно работал против Японии.

Памятник капитану Хиросэ был открыт в 1910 году перед вокзалом Мансэйбаси — одним из самых оживленных в ту пору в Токио. Место это — в нескольких сотнях метров от сегодняшней вечно шумной станции Акихабара и совсем рядом с православной миссией, собором Воскресения Христова (Николай-до), тем склоном, на котором когда-то стояла семинария. Сегодня нет уже ни вокзала, ни самого памятника. Чтящие историческую память японцы устроили на их месте мемориал в честь снесенных достопримечательностей, фактически — памятники памятникам. Такое отношение к истории не может не вызывать уважения, но для нас важно еще и то, что семинаристы, как и глава миссии — святитель Николай, наверняка пользовались в своих немногочисленных поездках ближайшей к ним станцией, а значит, не раз видели этот памятник, проходили мимо него. Что испытывал русский разведчик-дзюдоист, глядя на памятник японскому разведчику-дзюдоисту? Можно только догадываться... Зато мы сами можем испытать множество эмоций, придя на это место и оглядевшись вокруг. От вокзала Мансэйбаси, при жизни своей очень похожего на старый Токийский вокзал, сохранилась только часть красно-кирпичной эстакады под железной дорогой, идущей от станции Канда к Синдзюку. Сохранились и несколько домов, помнящие нашего героя. В этом районе когда-то жили представители искусства,

творческого бомонда: писатели, художники, актеры театров Но и Кабуки. Возможно, благодаря этому Канда — один из немногих уголков Восточной столицы, где еще можно если не ощутить дух, то лицезреть факт старого Токио: дома эпохи Тайсё (1912–1926). Один из них стоял прямо напротив памятника Хиросэ, его хорошо видно на старых снимках. Когда я писал эту книгу, он смотрел на мемориальную площадку на месте памятника. Когда дописал — его снесли. Еще три пока существующих расположились метрах в двухстах от этого места по дороге к Николай-до. В них сейчас рестораны, а еще один, в котором тоже располагалось одно из старейших заведений токийского общепита — «Канда ябусоба», тоже исчез пока писалась эта книга, — сгорел на глазах у автора. Жаль — его тоже наверняка видел Василий Ощепков, видели его друзья и враги, направлявшиеся к русской православной миссии. Это очень важное место. Пора направиться туда и нам.

Собор Воскресения Христова, или Николай-до

Основатель православной церкви в Японии архимандрит Николай (Касаткин) прибыл в Токио 28 февраля 1872 года. В то время в стране было запрещено и христианство, и проживание иностранцев за пределами специально выделенных для них территорий. В Восточной столице таким местом стал район Цукидзи на берегу Токийского залива. Сейчас там можно найти следы первых западных мигрантов в Токио — это хорошо известный японцам госпиталь Святого Луки — Сэйрока. Само здание госпиталя сегодня представляет собой грандиозный небоскреб на берегу залива с характерной перемычкой между двумя составляющими его «карандашами» где-то под облаками, но во дворе этого здания сохранился домик основателя Рудольфа Тесслера, дающий возможность представить облик всей клиники. Именно там провел последние дни своей жизни святитель Николай Японский, только умирать вернувшийся в миссию, там же лежал после мотоциклетной аварии в 1938 году Рихард Зорге.

В 1873 году положение с проповедованием в Японии иностранных религий резко изменилось, запрет был отменен, и немедленно на самом высоком холме города, к северу от императорского дворца, русским правительством была выкуплена в бессрочную аренду площадка под строительство духовной миссии. Выбор места был странным с точки зрения китайской геомантии фэншуй, очень популярной в средневековой Японии. Считалось, что именно с севера приходят злые силы, и высокий Суругадай как бы защищал от них императорский дворец. Значение построенного на вершине холма православного храма в таком случае могло расцениваться как минимум двояко. Но, так или иначе, ставший более чем на полвека абсолютной высотной доминантой Токио собор Воскресения Христова был возведен японской строительной компанией «Симидзу» в 1891 году по проекту русского архитектора Щурупова и под руководством главного застройщика Восточной столицы той эпохи английского архитектора и инженера Джошуа Кондера. Золотой крест на 35-метровом куполе был виден отовсюду в радиусе двадцати километров. Этот купол и верхнюю часть колокольни покрыли медными листами, а крепость сооружения, конструктивно никак не приспособленного к сейсмоактивной местности, должны были обеспечивать почти крепостные стены, местами достигающие толщины в 260 сантиметров. В плане храм имеет форму креста размером 44,5 метра с востока на запад и 36 метров — с севера на

юг, и с самого начала вызывал удивление и восхищение всех, кто его видел. Сам владыка Николай гордился своим детищем и писал о нем: «Собор будет памятен, будет изучаем, подражаем — многие, не десятки, а, смело говорю, сотни лет, ибо он, действительно, замечательнейшее здание в столице Японии, — здание, о котором слава разнеслась по Европе и Америке еще прежде его окончания и которое, ныне будучи окончено, по справедливости вызывает внимание и удивление всех, кто есть или кто бывает в Токио».

Очень скоро храм Воскресения Христова получил в японском народе прозвище, популярное и сегодня: «Дом Николая» — Николай-до или, с учетом местного произношения, Никорай-до. Сразу после его освящения 8 марта 1891 года японцы отправились на осмотр собора как достопримечательности. Храм был открыт круглые сутки, а специально назначенный «гид» давал проходящим пояснения. В журнале «Православный вестник» была опубликована статистика посещений: с 7 апреля по 31 мая 1891 года в Никорай-до побывали 3646 человек, из коих 226 немедленно возжелали принять православие.

Воскресенский собор стал центром всей русской православной духовной миссии, сконцентрировавшейся вокруг него. Рядом с собором и еще до его постройки были возведены два двухэтажных корпуса миссии, в которых в том числе находились домовая церковь и кабинет самого Николая Японского — с полукруглым выступом на втором этаже на южной стороне здания миссии. В соседнем строении разместилась женская семинария, в которой готовились к служению японские девочки-подростки, а чуть дальше, в северо-западном углу, была выстроена трехэтажная библиотека. Еще дальше, но уже к юго-западу, располагалось двухэтажное деревянное здание в традиционном японском стиле с деревянными и бумажными перегородками и покатыми склонами черепичной крыши — семинария мужская. Она была открыта задолго до постройки собора, еще в 1875 году, и предназначалась для подготовки священнослужителей-японцев. С историей попадания в нее русских учеников вы уже знакомы, а потому вернемся к храму. По меткому замечанию историка православия в Японии Э.Б. Саблиной, «с самого начала XX века на Воскресенский собор с каким-то роковым постоянством... стали обрушиваться несчастья». Русско-японская война, смерть архиепископа Николая 16 февраля 1912 года, революция в России — все это сильно подорвало и популярность Никорай-до, и его возможности. Из-за прекращения финансирования с родины пришлось закрыть в 1918 году духовные училища, и в здание мужской семинарии въехал японский госпиталь. Он и сейчас находится там

же — на том месте на склоне холма, где когда-то фотографировались у входа в японскую школу русские и японские ученики, где располагался зал для занятий дзюдо, где готовились к жизни, как они думали, будущие переводчики, а на деле — разведчики. Пусть они не представляли себе свою судьбу, и никогда семинария не была «школой шпионов», но она накрепко оказалась связана с судьбами наших и японских сотрудников спецслужб. Тяжесть этой школы они не забудут никогда: в дошедших до нас уникальных свидетельствах этого выражена такая боль и такая мощь воспоминаний о семинарии, что лучше, чем это передали они, мне рассказать не под силу. В одном из официальных документов разведки сохранилась запись Василия Ощепкова (напомню: семинарию он по идеологическим мотивам всегда называл школой): «Я русский патриот, воспитанный хотя и в японской школе. Но именно эта школа научила меня любить свою родину, свой народ...» То, что Ощепков сказал о японцах далее, до сих пор не подлежит публикации.

Исидор Яковлевич Незнайко, единственный из известных мне семинаристов, доживший до глубокой старости, на склоне лет записал аудиописьмо, обращенное к детям и внукам. Две минуты речи ветерана японоведения, «секретного связного советской разведки», наполнены энергией и даже пафосом, но в одном месте голос Незнайко срывается на рыдания: «Тут тоже было для меня нелегко... И даже скажу — очень и очень тяжело! Оторванному от родины и от родителей... Но я... крепился и пережил все трудности». В устах людей, привыкших ходить по лезвию самурайского меча и под прицелом чекистского нагана, такие признания дорогого стоят...

Сейчас, чтобы подойти к госпиталю, нужно перейти дорогу, а тогда вся миссия была обнесена единым забором.

Результаты подобного деления в прошлом значительной храмовой территории — обычное дело для Японии, а особенно для больших ее городов. Уже знакомый нам храм Эйсэджи, например, будучи колыбелью дзюдо, располагал значительно большей территорией, чем нынешнее более скромное святилище. Но, когда Василий Сергеевич Ощепков поднялся к своей альма-матер в 1925 году, он мог бы посмотреть на здание, где прошли важнейшие шесть лет его жизни, где сформировался его характер, его взгляды на мир и на себя. Мог бы — если бы не одно важное обстоятельство: семинария сгорела, и на ее месте уже стояло заново построенное здание госпиталя.

Преемник святителя Николая на его посту, принимавший в 1913 году выпускные экзамены у Ощепкова, митрополит Сергей (Тихомиров) позже

вспоминал: «Утро 1 сентября 1923 года не предвещало ничего особенного. Время до обеда... В эти часы приходил ко мне по делу молодой катехизатор Яков Ямагути и, вероятно желая сказать мне приятное, сказал по-японски: “Давно не было землетрясения, прекрасно”, — на что я ему шутя ответил: “Наоборот, худо; если теперь и тряхнет, то уже сильно, и, кто знает, не тряхнет ли и сегодня”. А нужно заметить, что в Токио небольшие толчки и неразрушительные землетрясения бывают часто. В 1923 же году их не было с ранней весны. И это обстоятельство многих беспокоило... 11 часов 58 минут 44 секунды... Я стою у стула в столовой и читаю газету. Затрясло... Продолжаю читать газету. Однако начало качать так, как я не испытывал ни разу с 1908 года. Стоять на ногах было трудно...»

Далее архиепископ Сергей описывает, как он спустился во двор миссии, где все было скрыто облаком пыли. Когда пыльное облако рассеялось, то его взору предстала картина разрушений: «С крыш всех миссийских домов спала вниз черепица, вместе с сухой глиной, на которую сорок семь лет назад она была наложена... Трубы или сломаны и лежат уже внизу на земле, или сломаны, но еще стоят на крышах, на своих местах... Начался второй удар. Земля колебалась, как волны в море. Дома тряслись как легкие ящики. Сломанные трубы на крышах прыгали на своих местах, но не валялись вниз, напоминая движения “ваньки-встаньки”. Черепица продолжала лететь вниз. Чугунный забор миссии раскачивало в стороны на аршин. Шум бьющихся друг о друга телефонных, телеграфных и электрических проводов. Бледные лица собравшихся. Слезы на глазах. Жуткая картина». После первого толчка северная стена главного здания миссии отделилась от стен восточной и западной и задержалась от падения только стропилами. Ее пришлось разобрать позже вручную, чтобы она никого не придавила. Сегодня на ее месте выстроена новая, но со значительно сокращенным (на три окна) северным выступом. Сорокаметровая колокольня собора переломилась и упала вниз на купол — на ее месте поднята новая, несколько измененной формы, с закругленным куполом и пониже. Крест с купола упал. Но самое страшное было еще впереди: в деревянно-бумажном Токио во время землетрясения почти везде готовили обед на открытом огне. Начался грандиозный пожар, унесший жизни сотен тысяч человек. Сгорел Николай-до, сгорели все миссийские здания, семинарии и библиотека. Митрополит Сергей вспоминал: «Я вошел в него (собор. — А.К.) северными дверями; западные двери и паперть были завалены развалинами колокольни. Уже ни дыму, ни чада. Вот догорает над южной дверью рама иконы. Во всем соборе не осталось ни вершка несгоревшего дерева. А было его много: восьмивершковые

балки, везде вершковыые полы, дощатые обшивки сводов потолка и купола, деревянные полы и лестницы на колокольню, деревянный трехъярусный иконостас. Деревянный шпиль. В таком величественном соборе и столько горючего материала! Как будто нарочито были собраны подтопки! Железные каркасы купола от жары размякли и обвалились внутрь собора. Колокола расплавились полностью. Металлическая и серебряная утварь вся или расплавилась, или сильно повреждена. Облачения, митры — все сгорело. Велик ли убыток? Колоссальный! Но “колоссальность” потери нужно измерять не стоимостью вещей, а тем, что все это 30 лет, с 1892 года, выпрашивалось, собиралось, тщательно хранилось; что все сгоревшее — “жертвы”, “сердца” добрых благодетелей. И вдруг в один вечер — не осталось ничего... Все я потерял: иконы, книги, труды, одежду, дома, библиотеку, школу, собор...»

Восстанавливать Никорай-до и здания миссии начали 1 сентября 1927 года, собрав с миру по нитке необходимые средства для этого. Значит, в 1925 году, поднявшись на Суругадай, Василий Ощепков увидел только пепелище и развалины миссии, стены погибшего в огне собора. Горькая картина. Фотографии тех лет передают это кошмарное зрелище, хотя, конечно, не могут передать ощущение ужаса и опустошения, которое должно было посетить душу человека, связанного с этим местом так глубоко и так сильно, как Василий Ощепков. Он наверняка встретил там своих знакомых. О чем они говорили? Это навсегда останется неизвестно для нас. Сегодня мы можем только попытаться себе это представить, глядя на стены собора, на заново выстроенную северную стену миссии, на полукруглый эркер южной ее стены, над которым когда-то был кабинет архиепископа Николая — второй этаж при восстановлении здания поднять не смогли. Представить все это очень нелегко, ибо сегодня собор не только не выглядит самым высоким зданием Токио, но даже и найти его из-за окружающих его высоток непросто. Здание так зажато, что выглядит совсем невыигрышно на фоне небоскребов. Один из немногих интересных ракурсов для фотографирования Никорай-до — восточный склон холма, где собор отражается на солнце в зеркальной стене огромного современного здания. Если подойти к зданию чуть ближе, то окажется, что в каких-то ста метрах от собора сохранилось удивительное сооружение — традиционный японский дом в стиле «минка», построенный то ли в начале эпохи Тайсё, то ли в конце эпохи Мэйдзи. Во втором случае это означает, что дом, в котором когда-то размещался магазин компании «Исэтан» — одной из самых дорогих и престижных сегодня торговых фирм, мог видеть сам святитель Николай Японский. Возможно, и сам юный Вася Ощепков

пробежал мимо него не раз и не два по дороге к станции Мансэйбаси. Дом чудом не пострадал во время землетрясения 1923 года. Когда все вокруг рушилось и горело, мимо этого дома бежал глава миссии митрополит Сергей за помощью в посольство Российской империи. Кстати, а где оно тогда находилось и связано ли как-то с историей нашего героя?

Посольство России

Посольство Российской империи, а затем и полномочное представительство (полпредство) Союза ССР в Токио не могло остаться вне сферы интересов Василия Ощепкова и его коллег и друзей, но сначала стоит сказать несколько слов о самом здании посольства и месте, где оно было возведено изначально.

Соглашение о начале строительства официального дипломатического представительства Российской империи еще не в Токио, а в Эдо, как тогда назывался этот город, было подписано в 1858 году. Прошло еще 14 лет, прежде чем императором Мэйдзи, после встречи с великим князем Алексеем Александровичем, было утверждено разрешение о строительстве (уже в Токио) русских православной и дипломатической миссий. Об истории первой, под которую на холме Суругадай была выкуплена земля у частного владельца, я уже рассказал. История второй была не менее драматична.

5 сентября 1873 года российский посланник в Японии Е.К. Бюцов обратился к местным властям с просьбой о содействии в приобретении участка земли «для моего правительства под постройку домов для дипломатического представительства России и служащих при нем чиновников». Земля для размещения российского Генерального консульства (посольства еще не было) была выделена в квартале неподалеку от императорского дворца — дальше, чем располагалось посольство Британии (Хандзомон), но несколько ближе, чем находилось посольство американское, хотя с последним мы оказались в одном районе — Тораномон. Строительство началось в 1876 году при новом представителе России в Японии — К.В. Струве.

Сохранилось несколько эскизных проектов здания русской дипломатической миссии, над которыми работали архитекторы И.П. Ропетт и Ф.С. Харламов. Проекты эти были выполнены в «русском стиле» — с теремными башенками. Известный в ту пору художественный критик В.В. Стасов так отзывался о этой картине: «Каменное здание Ропетта — дом нашего посольства в Японии — мало назвать домом; это настоящий дворец, и ничто не могло быть более кстати для достойного представления нас в архитектурном отношении на Дальнем Востоке, как эта, талантливо созданная, московская красивая башенка с орлом вверху; это здание, стройно протягивающееся со своими аркадными двойными окнами... эта

чудесная гармония масс и частот, это благородное, спокойное общее, вместе и как будто азиатское, и русское». Самое же удивительное в этом проекте было то, что он так и не был осуществлен...

Здание посольства было построено англо-австралийским архитектором Дж. Смэдли, принимавшим активное участие в застройке всего центра Токио и пользовавшимся поддержкой японского правительства. Он-то и возвел в квартале Ура-Касумигасэки двухэтажный светлый дворец с двумя боковыми эркерами и верхним полукруглым фризом, где красовался имперский двуглавый орел. По верхнему карнизу здания протянулась белая балюстрада, а фасад украшали белые сдвоенные колонны. Входные ворота были оформлены по моде тех лет изящной чугунной решеткой и уличными фонарями на воротных столбах, но при этом сохраняли общий для всего Токио стиль ворот японских усадеб — такая токийская эклектика хорошо заметна на сохранившихся фотографиях.

В 1870-е годы центр Токио и особенно районы Касумигасэки-Маруноути активно застраивались такими зданиями в европейском стиле, но, к сожалению, ничего из этого архитектурного наследия не сохранилось, хотя немного более поздние строения (Токийский вокзал, здания музея «Мицубиси» и Генеральной прокуратуры) до наших дней дошли. В этом смысле они могут быть утешением нам — ведь когда они строились, их соседом было здание русского дипломатического представительства. Другой профессиональный архитектурный критик — знаменитый художник В.В. Верещагин — отзывался о нем сдержанно: «...дом “Russia Legation” в Токио очень недурен, вероятно, немного уступает помещениям посольств других держав. Он... с честью несет знамя русского министерства».

В 1907 году, когда Вася Ощепков самостоятельно добрался до холма Суругадай, миссия получила статус посольства, и представителем Российской империи в Японии был назначен Николай Андреевич Малевский-Малевич. При нем здание посольства было расширено: к торцевой стене был пристроен роскошно декорированный двухэтажный зал приемов. Новый посол поддерживал теплые отношения с главой миссии православной — архиепископом Николаем, не раз бывал в семинарии, принимая экзамены у будущих наших разведчиков или присутствуя на их самодеятельных театральных вечерах. Неслучайно 1 сентября 1923 года, во время Великого землетрясения, жители миссии православной, в том числе епископ Японский Сергей и епископ Владивостокский Михаил бежали и искали спасения здесь — в миссии дипломатической. Направление ветра уберегло здание посольства от пожара (американское и французское

выгорели дотла), а качество застройки оказалось столь высоким, что здание от землетрясения пострадало относительно мало: было нарушено центральное отопление, рухнули трубы. Продавив перекрытия, обрушилась внешняя стена миссии. Здания же, например, британского и итальянского посольств были разрушены значительно сильнее. На территории представительства России был размещен палаточный лагерь для российских беженцев и пострадавших, где соблюдался порядок, и даже место каждого из несчастных было определено ему в соответствии с протоколом...

В 1925 году, когда Ощепковы поселились в Токио, посольство переживало, пожалуй, самый драматичный момент своей истории. В январе, после многомесячных переговоров, Япония признала Советский Союз и вечером 15 февраля 1925 года последний посол уже несуществующей державы — Дмитрий Абрикосов — покинул здание миссии, переехав в заранее арендованный им особняк в квартале Акасака. В опустевший ненадолго дворец русской дипломатической миссии въехали, как вскоре оказалось, тоже ненадолго, сотрудники полномочного представительства СССР в Японии — начался советский период истории нашей дипломатии в этой стране, и над Касумигасэки взвился красный флаг с серпом и молотом.

Стоя сейчас перед площадкой, где располагалось то первое русское посольство, картину прошлого представить почти невозможно. Сегодня вместо особняка русского посольства здесь раскинулось другое важное здание в классическом стиле — Министерство финансов Японии, а весь квартал Касумигасэки распланирован между огромными прямоугольниками местных оплотов бюрократии. Трудно поверить, что когда-то по широким дорогам этого квартала пешком, в экипажах, на рикшах и на трамваях передвигались наши соотечественники, а следом за ними, не отставая ни на шаг, поспешали агенты особой политической полиции токко.

Тайники, закладки, явки

Материалы наблюдений токо за Василием Ощепковым скудны. Помимо домашнего адреса в Минами Аояма единственное известное нам донесение полицейского чиновника фиксирует еще только один адрес — рабочий: «Нихон-баси, Мотодайку-тё, 4, здание “Судзуки Билдинг”». Там находился офис принадлежавшей Василию Сергеевич маленькой кинопрокатной компании «Film» или, по другим данным, «Slivy Film». Сейчас это ничем не примечательный бизнес-квартальчик в минуте ходьбы от выхода Яэсу станции Токио. Пожалуй, единственное, чем он памятен лично для меня, так это книжный магазин, где я купил целый набор старых карт Токио, рассматривая которые, писал потом эту книгу — еще одно, но далеко не последнее, удивительное совпадение, которыми была богата история подготовки «путеводителя по шпионскому Токио». Но в целом можно только еще раз убедиться в том, что Василий Ощепков не просто жил в Восточной столице, собирая «слухи на военную тему», а планировал деятельность, которая помимо его воли могла бы составить ему такую же славу (как бы она ни была специфична), которая досталась его преемнику — доктору Рихарду Зорге. В отличие от последнего у Ощепкова не было нескольких лет на «раскачку», вхождение в образ и обзаведение связями: Зорге приступил к активной деятельности через три года после приезда в Японию; Ощепкова отозвали менее чем через полтора года после прибытия, мотивируя это, в том числе, «отсутствием видимых результатов». Сама по себе советская разведка того времени не была готова к присутствию в своих рядах разведчиков уровня Ощепкова, она была попросту недоразвита. Вынужденный после отзыва в СССР еще и из своего кармана оплатить расходы резидентуры, в том числе на оплату единственного завербованного за это время агента «Чепчина», служившего в военном училище, Василий Сергеевич еще пытался как-то оправдаться, пояснив, что из одного года и трех месяцев командировки (с 24 ноября 1924 года по 5 апреля 1926) семь месяцев он находился в Кобэ под полицейским надзором и месяц был в командировке в Харбине, где встречался со своим разведывательным начальством. Он прекрасно понимал, какого уровня сведения он добывал в Токио, и недоумевал: «Ведь должна быть груда ценных материалов, если они переведены на русский язык!» То же самое переживал ранее военный агент Самойлов, чьи донесения о нарастании военной мощи Японии так ни разу и не прочли до самого начала войны в

1904 году, и ровно это же ждало потом и Зорге, чьи телеграммы нередко попадали в папку «сомнительных и дезинформационных материалов». Ощепков объяснял безграмотному начальству во Владивостоке: «... прежде чем обвинять меня, нужно: 1) знать самому условия работы; 2) вспомнить, было ли правильное руководство в моей работе; 3) была ли налажена регулярная связь из Владивостока ко мне; 4) высылались ли мне аккуратно средства; 5) было ли принято во внимание содержание моих писем, в которых я неоднократно подчеркивал тот тупик, из которого не находил выхода; 6) был ли дан мне правильный план работы...»

Одним из примеров того, как осуществлялось руководство резидентом в Токио, можно считать инцидент с пароходом «Декабрист», когда прибывший курьер доставил Ощепкову флаконы с вытекшей жидкостью для тайнописи, а затем разведчика вызвали на связь... телеграммой. Этот фантастический сюжет или эта фантастическая глупость чуть не стоила разведчику жизни. «По поводу последней передачи я хотел бы высказаться отрицательно, так как, если бы не “Митрич”, случайно оказавшийся в Токио, я провалился бы с головой.

В дальнейшем ни под каким видом не телеграфируйте мне... Связь — лишь через “Митрича”. Он — хоккайдскому консулу, а тот — своей связью», — передавал в Центр Ощепков. «Митрич» — это Владимир Дмитриевич Плешаков, уже знакомый нам ровесник и соученик Василия, окончивший семинарию на год раньше. До революции Плешаков служил в Харбине, вероятно, в качестве переводчика либо разведывательного, либо контрразведывательного отдела штаба Заамурского отдельного корпуса пограничной стражи, и участвовал в Первой мировой войне. В войну Гражданскую служил в разведке Колчака, работал против японцев, а после гибели адмирала оказался переводчиком полковника Хондзэ Сигэру, командовавшего одной из воинских частей в оккупационном корпусе в Сибири. С окончанием интервенции Владимир Плешаков появился на Хоккайдо в качестве переводчика местного представителя «Центросюза» — организации, занимавшейся координацией взаимодействия японских и советских рыбаков к северу от Японии. Его шефом был установленный резидент советской разведки на Хоккайдо Михаил Яхонтов (Бабичев).

И Яхонтов, и Плешаков неоднократно фиксировались токко в качестве «подозреваемых российских граждан» в японской столице. За ними велось постоянное наблюдение. Правда, оно так ничего и не дало японской контрразведке, но нам подарило еще один адрес ощепковской группы в Токио. Вот характерный отрывок из донесения токко: «Переводчик отдела “Центросюза” в Хакодате Владимир Плешаков жил в гостинице

«Маруноути» в районе Кодзимати. О приезде этого человека в столицу вместе с членом отделения «Центросоюза» в Хакодате Лышковым (Рыжковым? — А.К.) уже сообщалось в секретном донесении № 649 от 25-го числа прошлого месяца. В префектуру Ибараки сообщено по телефону о выезде этого человека из Токио со станции Уэно в сторону Хакодате вчера в 10 часов вечера с тем, чтобы там на него обратили внимание».

Гостиница «Маруноути» была постоянным местом остановки советских агентов, прибывающих в Токио, насколько это можно проследить по сохранившимся донесениям токко. К сожалению, в этих документах не сохранился адрес гостиницы, поэтому сегодня мы можем только прийти в район станции метро Кодзимати линии Юракутё, что между воротами Хандзомон императорского дворца и большой станцией Ёцуя, а оттуда прогуляться к Касумигасэки, где стояло когда-то советское полпредство, куда обязательно навещались гости с Хоккайдо. Идти придется мимо мест, которые часто посещались другим советским резидентом, приехавшим в Токио семь лет спустя после отъезда Василия Ощепкова, но это уже следующая история.

Конец биографии

По воле начальства Василий Ощепков покинул Токио настолько спешно, что страдавшая от чахотки жена была оставлена в Японии и добиралась на родину сама. Спустя всего полтора года новый, сменивший Заколоткина, начальник разведки округа докладывал в Москву: «Я хочу выразить глубокое возмущение по поводу снятия с работы Ощепкова, этот факт не лезет ни в какие ворота... Я глубоко убежден, что если бы в свое время было дано надлежащее руководство, он во сто крат окупил бы затраты на него... Это тип, которого нам едва ли придется иметь когда-либо... Я полагаю, что если бы вы дали нам Ощепкова сейчас, мы сделали бы из него работника такого, о котором может быть не позволяем себе и думать».

Ощепкова в разведку больше не «дали», да это было бы и бессмысленно — объяснить в Токио столь долгое присутствие в Советском Союзе и последовавшее за этим «чудесное возвращение» в Японии все равно не удалось бы. В 1927 году Василий Сергеевич переехал в Новосибирск, где тогда был расквартирован штаб округа, и продолжил службу переводчиком. Как всегда, он немедленно приступил к пропаганде своего любимого дзюдо, но не среди любителей-спортсменов, как делал это в дореволюционном Владивостоке, а среди военных. В этом решении видны и опыт жизни в столь же милитаризованной Японии, и профессиональная принадлежность. В окружной газете появляется большая статья «“Джиу-Джицу” в Новосибирске»: «На собрании ячейки ОСО при штабе СибВО состоялся интересный доклад тов. Ощепкова о японской самозащите — “Джиу-Джицу” и был показан ряд ее приемов...» О докладе Ощепкова пишут и другие газеты, его цитируют и ждут новых выступлений. Но в женскую группу не записывается его жена — чахотка доконала ее в сибирском климате, и, похоронив супругу, Ощепков в отчаянии обращается к своим московским друзьям помочь ему выбраться из Сибири.

В октябре 1929 года мечта Василия Сергеевича сбылась — он в Москве. Более того, он востребован Инспекцией физической подготовки РККА для участия в разработке нового наставления по рукопашному бою как обязательной части физической подготовки красноармейцев, и сразу назначается на должность инструктора дзюдо в Центральный дом Красной Армии (1ЩРА) и преподавателя дзюдо в Государственный центральный

институт физической культуры имени Сталина (ГЦИФК). Наконец, вскоре после переезда в Москву он знакомится с молодой вдовой, вернувшейся после смерти мужа из Казани, — Анной Казем-бек, и через некоторое время Василий и Анна начинают жить вместе.

Ограниченный возможностями в изучении дзюдо, вынужденный вариться в собственном «советском» соку, лишенный возможности общения с иностранными инструкторами и спортсменами, Ощепков вносит в родное ему Кодокан дзюдо одно изменение за другим. В СССР нет татами, и Ощепков заменяет его борцовским ковром. От этого сразу же меняется стойка борцов, становится ниже, больше напоминая позицию цирковых борцов, и увеличивается количество приемов в партере. Об ковер ломаются пальцы ног, и Ощепков вводит специальную обувь — борцовки, тем более что многих студентов — недавних крестьян, правильнее было обувь, чем разуть, — из чисто эстетических соображений. Не прижилась и японская форма — кэйкоги. Белые штаны слишком напоминали кальсоны, и Ощепков начинает бороться в спортивных трусах и в белой куртке. Со временем куртка становится приталенной, а пояс вшивается в специальные проймы — складывается внешний вид того, что после войны назовут словом «самбо». Пока же новое единоборство называют в учебном плане на 1934/35 год «борьбой вольного стиля (дзюу-до)». Кстати, тогда же — в 1934 году — Ощепков открывает первую спортивную секцию по дзюдо в Москве — в обществе «Крылья Советов», и через несколько месяцев ее аналоги появляются в Ленинграде, Харькове, Владивостоке. В марте 1935-го прошел первый чемпионат СССР по борьбе вольного стиля (дзюдо), а в 1937 году Василий Сергеевич еще успел создать и Всесоюзную федерацию этого вида единоборств, начал писать книгу, подготовил большую статью о необходимости преподавания дзюдо в армии, но упоминания о Японии в его статьях и выступлениях звучали все реже по мере того, как меняется общая тональность политического имиджа этой страны в СССР.

20 сентября того же 1937 года народным комиссаром внутренних дел СССР Н. Ежовым был подписан приказ № 00593 — так называемый «приказ о харбинцах»: «Органами НКВД учтено до 25 000 человек, так называемых “харбинцев” (бывшие служащие Китайско-Восточной железной дороги и реэмигранты из Маньчжоу-Го), осевших на железнодорожном транспорте и в промышленности Союза. Учетные агентурно-оперативные материалы показывают, что выехавшие в СССР харбинцы, в подавляющем большинстве, состоят из бывших белых офицеров, полицейских, жандармов, участников различных эмигрантских шпионско-фашистских организаций и т.п. В подавляющем большинстве

они являются агентурой японской разведки, которая на протяжении ряда лет направляла их в Советский Союз для террористической, диверсионной и шпионской деятельности».

Ощепков был «харбинцем» — он прожил в этом городе около двух лет, не раз бывал там, и харбинский след в его биографии прослеживался вполне очевидно. Более того, Ощепков был сотрудником царской контрразведки, в терминологии того времени — «жандармом», он служил в японской армии, служил у Колчака и, наконец, долго жил в Японии. Ордер об аресте Ощепкова был подписан 29 сентября, а в ночь с 1 на 2 октября 1937 года Василий Сергеевич был доставлен в Бутырскую тюрьму. Одновременно с Василием Сергеевичем были схвачены такие корифеи отечественного японоведения, как профессора Д.М. Позднеев и Н. А. Невский, много других, менее известных японистов, но, судя по степени организованности «изъятий», давно находившихся в поле зрения НКВД как подлежащие аресту в соответствии с п. За приказа № 00593. Ощепков попал под молот, уничтоживший почти до основания отечественную школу японоведения, но в его следственном деле нет ни одного протокола допроса. Выдающийся спортсмен и тренер давно страдал от стенокардии и не расставался с нитроглицерином. В 46-й камере 7-го коридора Бутырской тюрьмы, куда его доставили после ареста, никаких таблеток, конечно, держать не разрешалось, и в 18 часов 50 минут 10 октября 1937 года Василий Сергеевич Ощепков скончался от приступа, как тогда говорили, «грудной жабы».

Несмотря на то что в 1957 году В.С. Ощепков был полностью реабилитирован, его фамилия не попала в списки репрессированных в годы сталинского террора. Ощепков не значится среди японистов — ни как один из первых практиков и преподавателей японского языка, окончивших Токийскую семинарию, ни как жертва «чисток среди японоведов» (трое его соучеников — Г.Н. Журавлев, В.Д. Плешаков, Т.С. Юркевич в эти списки попали). Японист и разведчик Василий Ощепков как будто исчез. Его помнят только спортсмены, хотя здесь речь может идти скорее о легендарном образе, чем о реальном человеке, — проводятся соревнования по дзюдо и самбо памяти Василия Ощепкова, в Подмосковье есть школа самбо его имени. Для остальных же он пока так и остается человеком из ниоткуда, шагнувшим в никуда. Наша короткая прогулка по «ощепковским местам в Токио» — скромная попытка почтить память этого незаурядного человека.

Глава 2.

ПО СЛЕДАМ ГРУППЫ «РАМЗАЯ»

Во время моей работы в Китае я посетил Японию, будучи в отпуске, и провел три дня в «Империал-отеле». Япония произвела на меня столь благоприятное впечатление, что, когда я вернулся в Москву из Китая, и мне предложили вновь заняться шпионажем, я шутливо предложил Токио в качестве возможного места назначения.

Из протокола допроса Рихарда Зорге

Когда я начал собирать материал к главе о токийской жизни знаменитого советского разведчика, меня поразило следующее обстоятельство. О Зорге у нас написана примерно дюжина книг — удивительно мало, и несколько десятков статей. Значительная часть последних так или иначе спускается своими изыскательскими корнями к двум материалам, подготовленным в начале 1960-х годов советскими журналистами Всеволодом Овчинниковым и Виктором Маевским. Прославить разведчика было велено к двадцатой годовщине его гибели 7 ноября 1944 года, что и было исполнено усилиями агитпропа. Вслед за этим и появились те несколько книг, о которых я говорил, а к ним позже добавились исследования, основанные на открытии части архивов в девяностых годах прошлого века. Тем временем за рубежами отечества Зорге о нем писали и пишут непрерывно, не дожидаясь каких-либо дат. Одна только его японская возлюбленная — Исии Ханако — написала о нем три книги, первая из которых вышла в 1949 году, когда в нашей стране даже не планировалось рассекречивать его имя. Следующая глава не содержит каких-либо глубоких изысканий по делу Зорге, и я не претендую на научную новизну изложенных далее материалов, но то, что я узнал и почувствовал, собирая материалы для нее, глубоко потрясло меня эмоционально. Моя личная история Зорге началась осенью 2002 года, но, прежде чем рассказать, как это было, стоит напомнить о том, кто такой Рихард Зорге, имея в виду, что, в отличие от Василия Ощепкова, он все-таки «прославлен», и основные эпизоды его биографии, хотя и покрыты сусальным золотом пропаганды, все же хорошо известны.

Биография

Рихард Зорге родился 4 октября 1895 года — на три года позже Василия Ощепкова, но тоже на окраине Российской империи — в поселке нефтедобытчиков Сабунчи недалеко от Баку, в месте, которое Горький назвал «гениально сделанной картиной мрачного ада». Матерью будущего героя стала русская женщина Нина Кобелева, а отцом был немецкий инженер Густав Вильгельм Рихард Зорге. В 1898 году семья Зорге переехала в Германию, и детство Рихарда прошло в пригороде Берлина.

Не доучившись в реальном училище (Ощепков такое же успел окончить), Зорге добровольцем ушел на фронт в Первую мировую войну, был трижды ранен, награжден Железным крестом и комиссован из армии по инвалидности. Для двадцатилетнего юноши это был страшный удар, навсегда перевернувший его судьбу. Экзамены на аттестат зрелости он сдавал в госпитале, постепенно, но неуклонно становясь убежденным противником войны и проникаясь все более и более левыми взглядами. «Мировая война... оказала глубочайшее влияние на всю мою жизнь, — писал он в японской тюрьме. — Думаю, что, какое бы влияние я ни испытал со стороны различных факторов, только из-за этой войны я стал коммунистом».

Демобилизовавшись, Рихард учился последовательно в Берлинском Королевском и Кильском университетах, а в университете Гамбурга получил сначала ученую степень доктора государства и права, а затем и экономики (Василий Ощепков после окончания семинарии вынужден был довольствоваться самообразованием).

С 1917 года Зорге стал социалистом, а с 1919-го — членом коммунистической партии Германии и активным пропагандистом, эмиссаром компартии в различных рабочих организациях. В 1924 году он приехал в СССР, где начал работу в Коминтерне, занимаясь вопросами теории и практики развития рабочего движения, совмещая эту деятельность с выполнением тайных миссий международной коммунистической организации. В 1925 году Зорге вступил в ВКП(б), а в ноябре 1929-го был рекомендован на службу в Четвертое управление Генерального штаба РККА, бывший Разведупр — военную разведку, тот же самый орган, который три года назад отозвал из Токио своего первого нелегального резидента Василия Ощепкова.

В январе 1930 года Рихард Зорге отправился в длительную

командировку в Шанхай, где познакомился с некоторыми будущими членами своей группы, прежде всего, с японским журналистом Одзакэ Хоцуми и радистом Максом Клаузенем. 12 ноября 1932 года Зорге вернулся из Шанхая в Москву, где, видимо, и произнес слова, вынесенные в эпиграф к этой главе. Уже 6 сентября 1933 года Рихард Зорге — нелегальный резидент советской военной разведки под псевдонимом «Рамзай» — сошел на японский берег в порту Иокогамы в качестве корреспондента германских газет и журналов «Берлинер бёрзен курир», «Франкфуртер цайтунг», «Теглихе рундшау», «Дойче фолксвирт», «Геополитик» и голландской газеты «Алхемеен ханделсблат».

Он проработал в Японии 8 лет и, хотя первые два года ушли на устройство группы, обрастание связями, совершенствование конспирации (напомню: Ощепкова отозвали через полтора года за «отсутствие результатов в работе»), срок, в течение которого Зорге выполнял тайную миссию в милитаристской стране с глубокими традициями шпионажа, вызывает изумление. Его успех связан во многом с его высокими аналитическими способностями — Зорге был великолепным востоковедом, хотя и плохо говорил по-японски, высочайшей работоспособностью — он превзошел всех прочих немецких журналистов на фронте их профессиональной деятельности, хотя они не были озадачены еще и разведывательными задачами, и обаянием.

На протяжении основного срока своей затянувшейся командировки «Рамзай» передавал важнейшую для Москвы информацию, а часть ее, по разрешению той же Москвы, сообщал в германское посольство, где сумел стать фактически советником-референтом посла Эйгена Отта. Зорге даже было предложено возглавить партийную ячейку гитлеровской Национал-социалистической партии Германии в посольстве. Он сумел создать исключительно эффективную разведывательную группу, в число которой входили несколько десятков человек, но костяк ее составляли: Одзакэ Хоцуми — крупнейший специалист по Китаю, где Япония имела в те годы основные интересы, включенный за это качество в число неформальных советников премьер-министра принца Коноэ Фумимаро, Макс Клаузен — гениальный радист, Бранко Вукелич — французский журналист югославского происхождения, обладавший полезными связями в кругах иностранных журналистов Токио, и Мияги Ётоку — японский художник коммунистических убеждений, талантливый вербовщик и получатель военной информации.

Апофеозом деятельности группы Зорге стал 1941 год, когда ей вначале удалось подтвердить примерную дату нападения Германии на Советский

Союз, а затем и получить убедительную информацию о том, что осенью Япония не станет нападать на СССР, а развернет свою стратегию против США. Это способствовало принятию решения о переброске под Москву так называемых «сибирских» дивизий — соединений, дислоцированных ранее в Приморье, Забайкалье и Восточной Сибири, окончательно решивших исход битвы под Москвой.

Зорге был арестован 18 октября 1941 года. Примерно в эти же дни была схвачена вся его группа. К суду в итоге привлекли 35 человек, но основной удар пришелся на первую пятерку. Все члены группы дали признательные показания, а из ответов самого Зорге на вопросы следователей сложилась книга, изданная впоследствии на русском языке в переводе генерала ГРУ А. А. Прохожева и других японоведов под названием «Тюремные записки». Однако это не облегчило участь разведчиков в глазах японского суда. Рихард Зорге и Одзакэ Хоцуми были приговорены к смертной казни, которая состоялась утром 7 ноября 1944 года. Остальные члены группы получили разные сроки заключения, но Бранко Вукелич и Мияги Ётоку погибли в тюрьме от невыносимых условий существования. Из «ядра» группы выжил только радист Макс Клаузен.

Основной интерес к делу Зорге сразу же проявили американцы, считавшие «Рамзая» и его группу отчасти ответственными за развязывание войны Японии против США. Что касается самих японцев, то после окончания этой войны их взгляды, по японской традиции, резко переменились, и сегодня о нем больше помнят и знают не как о разведчике вражеской страны, а как об обаятельном шпионе-мотоциклисте (Зорге любил скорость), любителе пива, вина и женщин — эдаком «агенте 007», но только «красном», умном и существовавшем в реальности. О мотоцикле, вине и женщинах еще пойдет речь впереди, а пока стоит напомнить, что, по данным опроса, проведенного в 2000 году крупнейшей японской газетой «Асахи», Рихард Зорге вошел в первую полусотню наиболее значимых фигур японской истории минувшего тысячелетия! Удивительный рейтинг для иностранного шпиона, не правда ли? Что касается нашей страны, то тут можно только ритуально напомнить, что в 1964 году, через 20 лет после смерти в японской тюрьме, Рихарду Зорге было присвоено звание Героя Советского Союза, а именем Зорге названы улицы в Москве, Липецке, Казани, Уфе, Ростове-на-Дону, Астане, Новосибирске, Санкт-Петербурге. В Баку, где он родился, существует Дом-музей Зорге, его именем названа одна из главных улиц города. Наконец, как минимум две российские школы, одна в Москве, а вторая в Токио, носят его имя — имя Рихарда Зорге.

Прошли десятилетия после его смерти, и всё, что делал Зорге, всё, чем он занимался, стало сегодня исключительно важным для профессиональных исследователей — зорговедов и зоргологов, историков спецслужб, японоведов, журналистов. Мы препарировали его жизнь, заботливо растянув ее за лапки писем и шифровок на своих письменных столах, и принялись изучать ее сквозь лупу. Я присоединяюсь к этим исследованиям с чувством опасения и вины: не слишком ли мелкими смотримся мы рядом с объектом изучения? Особенно странно и тревожно-неприятно (почему бы?) выглядят такие исследования у нас в стране — государстве, ради которого он жил и умер — как влюбленный, как фанатик, и... как дурак — для очень многих из тех, кто живет в ней сегодня, несмотря на все школы и улицы его имени.

В 1960-е годы, действуя строго в русле «установок сверху», супруги Колесниковы положили жизнь Зорге в мраморный саркофаг книжной серии «Жизнь замечательных людей». Фигурой он был крупной, и поэтому пришлось пристраивать ее в идеологическое прокрустово ложе — там усекли, тут кастрировали, зубы вставили, бутылку из ослабевшей руки вынули. Очень неплохую, в общем-то, книжку втиснули в канонические три буквы: ЖЗЛ. Сделали из него породистого разведчика — «Штирлица» Дальнего Востока. Но потом, когда грянула перестройка и бывшие партийные историки оказались во главе процесса демократизации отечественной науки, направление взгляда переменялось.

Зорге снова оказался фантастически удачной находкой. Открыли архивы КГБ? И от военных ждут, чем те могут ошарашить «демократическую общественность»: Зорге был двойным шпионом! А при ближайшем рассмотрении тройным и даже четверным! Прошла борьба с пьянством и даже президентам не возбраняется, укушавшись, падать в речку? Нет проблем: вы знаете, как Зорге пил? А потребовалась срочно на обложку свежего номера голую женщину, но с политическим подтекстом, так пожалуйста: Зорге — сексуальный маньяк, обесчестивший всех дам германского посольства и, возможно, пристававший к полицейскому комиссару Майзингеру!

Но вот ведь что интересно: для каждого специалиста по Зорге действительно есть реальная основа для исследований. Уж очень он был многогранным, странным, неординарным человеком — этот Рихард Зорге. Мне кажется, такие люди только в то время и могли жить. Сейчас Зорге не влез бы, не поместился на наши улицы, так и стоял бы недалеко от здания ГРУ, возвышаясь над всеми и не глядя ни на кого, как стоит сейчас его памятник на этом месте. За пару десятков лет своей жизни он обеспечил

работой кучу народа. Да, наверно, он был великим шпионом. Вполне возможно, что и двойным, — почему нет? Впрочем, говорят, что двойные агенты столько не живут. Он точно был великолепным журналистом, который, не зная досконально языка и не имея базового образования, глубоко понял страну и людей, в ней живущих, а поняв, делал прогнозы, которые удивительным образом сбывались, удивляя «спецов». Был он геополитиком, когда слово это не снилось даже отцам тех, кто сегодня вворачивает его куда попало, не понимая смысла. Был он и... Много кем был Зорге. Лично мне важно, что он просто был.

Я много раз видел его фотографии, сделанные в Токио, и не понимал, но чувствовал, что что-то не так, что-то важное ускользает от меня, уходит. Чтобы догадаться, что именно, пришлось в Японии пожить. Конечно, это была совсем другая жизнь — в Токио начала XXI века. Да и я, к счастью, не шпион. Мне было несопоставимо проще: общение с русскими почти каждый день, море иностранцев на улицах, да и японцы совсем не те, что 70 лет назад. Но там, в Токио, я впервые понял, что такое быть одному, что такое тоска, извините за банальность, по родине, усугубляющаяся к тому же внешней и внутренней «крайней азиатчиной» страны пребывания. Попробуйте каждый день ходить по улицам, возвышаясь на голову, а то и на две, над окружающими, выделяясь из толпы цветом кожи и волос, языком и разрезом глаз. Попробуйте каждый день приходить в комнату площадью в шесть татами и устраиваться на ночлег, зная, что в щель занавесок за вами внимательно наблюдает в бинокль 80-летняя старушка из дома напротив. Привыкнуть к незнакомому языку, к еде, к людям. Которых, кажется, невозможно понять. Ерунда это, если представить, каково было Зорге в его ситуации в ТОМ Токио.

В баре токийского отеля

6 сентября 1933 года в порту самого европейского города этой страны — Иокогамы — пришвартовался пришедший регулярным рейсом из Ванкувера трехтрубный черный гигант под названием «Императрица России» («Empress of Russia»). По иронии судьбы именно на корабле с русским названием прибыл со своей миссией к берегам Страны восходящего солнца советский разведчик. Оформив на месте пограничные и таможенные формальности, Зорге добрался до железнодорожной станции и поездом выехал в Токио. Там он, видимо, по чьей-то рекомендации, полученной еще в Европе, остановился в фешенебельном, построенном всего за год до описываемых событий, отеле «Санно». Входивший в тройку лучших гостиниц Японии (наряду с «Империалом» и «Дайити»), «Санно» располагался в районе Акасака, на улице Сотобори-дори, у синтоистского храма Хиэ. Сейчас на этом месте находится высотное здание «Санно Парк Тай-эр», а чуть дальше — столь же роскошный отель «Кэпитал Токио». В 1936 году «Санно» стал штабом мятежных военных, пытавшихся взять власть в свои руки, и, вообще, он всегда был особенно любим именно военными. В 1945 году отель сгорел при бомбардировке американской авиации, но уже через два года был отстроен заново на прежнем месте и сдан в лизинг американскому посольству. Сначала в «Санно» размещалось офицерское общежитие, а затем, после реконструкции, — квартиры старших офицеров и генералов оккупационной армии. На рубеже восьмидесятых годов прошлого века «Санно» прекратил свое существование, став в завершение сценой для одного из самых громких шпионских скандалов того времени. И снова — с участием советской разведки. Новый «Санно» отстроен в районе Ад-забу. Большинство из 149 его номеров традиционно заняты гражданами США.

От «Санно» до германского посольства пешком — минут десять. Несколько странной поэтому выглядит фраза Юлиуса Мадера в книге «Репортаж о докторе Зорге»: «По прошествии нескольких дней, которые он посвятил знакомству с городом, Зорге явился в германское посольство, расположенное поблизости от императорского дворца, с целью обычного в таких случаях представления». Зачем ему понадобились эти несколько дней, и как Зорге мог знакомиться с Токио, если у него не было ни провожатых, ни знания японского языка, непонятно. Ясно, однако, что он наверняка начал свое знакомство с японской столицей с подъема на холм,

высившийся сбоку от отеля, и, вероятно, удивился своеобразию святилища Хиэ-дзиндзя.

Этот храм был особо почитаем во времена Зорге: официальная религия страны того периода — государственное синто — объявила Хиэ-дзиндзя государственной святыней 1-го класса (кампэй тайся). В нем поклоняются божеству горы Хиэ в префектуре Сига — Оямакуй-но ками, или Санно, что значит «Повелитель гор». Поэтому и отель, возведенный поблизости от храма в 1932 году, получил название «Санно». Популярность Хиэ-дзиндзя среди населения Токио и его высокий статус были вызваны тем, что еще в XVII веке военный диктатор страны сёгун Токугава Иэясу стал покровителем этого святилища и считал его небесным защитником города Эдо (Токио). Посланцем Оямакуй на земле и его олицетворением в Хиэ-дзиндзя считают обезьяну, поэтому вход в храм охраняют прекрасные деревянные изваяния четырехруких богов. Подъем же на холм Санно с юго-западной стороны очень красив и украшен многочисленными красными синтоистскими воротами — тории. Их количество свидетельствует о статусе святилища, так как они ставятся в знак уважения жертвователей — спонсоров святилища. Сам же храм построен в виде буквы «Н», где несколько павильонов соединены сложной системой переходов. В этих павильонах ныне хранятся 13 древних мечей и одна алебарда-нагината — все они причислены к национальным сокровищам, или, как говорят в Японии, Важным культурным ценностям этой страны. Во времена Зорге храм выглядел значительно более древним — на нем за четыре с половиной столетия существования (с 1478 года) отпечатались патина времен. В 1945 году американская авиация сожгла храм, как и весь город, и то, что мы можем наблюдать сегодня, — лишь точная копия того, на что смотрел советский разведчик в 1933 году, лишенная, к сожалению, аромата времени, но дающая нам возможность представить то, с чего Рихард Зорге начал знакомство с Японией.

«Санно» был не только одним из лучших, но и, что естественно, одним из самых дорогих отелей страны. Это обстоятельство заставило Зорге искать жилье подешевле, но гостиницу «Санно» он запомнил и, видимо, рекомендовал во время пребывания в Москве два года спустя, как место первой остановки для своего нового радиста. 28 ноября 1935 года в Японию прибыл Макс Клаузен с женой Анной, и, приехав в Токио, они тоже немедленно остановились в «Санно».

Репортер информационного агентства «Дзидзи» (по другим данным — «Фудзи симпо») Мицукадо Аритоми, говоривший по-немецки, свел знакомство со «свежеприбывшим» коллегой и предложил ему переехать в

гостиницу «Мэгуро». К сожалению, ее адрес установить пока не удалось, но очевидно, что она находилась в значительно более удаленном от центра районе Токио, именем которого и была названа. В «Мэгуро», хотя Зорге и прожил там недолго, успели произойти некоторые важные события. Например, служивший в ту пору дипломатом в германском посольстве в Токио, а позже написавший книгу «Кто вы, доктор Зорге?» Ганс Мейснер так рассказывает о знакомстве Зорге с одним из основных членов его группы Бранко Вукеличем: «...однажды вечером Вукелич официально встретился со своим начальником в баре гостиницы “Мэгуро”. Высокий худощавый человек заказал стакан вина, присел к столу и начал читать книгу. Вошел Вукелич и сел за тот же стол. “Вы Зорге из «Франкфуртер цайтунг», не правда ли? — любезно осведомился он. — Если помните, мы встречались на прошлой неделе на пресс-конференции в Министерстве иностранных дел”».

Зорге оторвался от книги и улыбнулся. “Конечно! Вас зовут Вукелич. Рад вас видеть!” Вукелич взглянул на книгу. “Увлекательная книга. Я читал ее, — заметил он. — Как помнится, в ней описывается необыкновенная женщина... Вы знаете, у меня привычка запоминать номера страниц с эпизодами, заинтересовавшими меня. Я время от времени их перечитываю. Вспомнил... страница сто двадцать восемь. Образ этой женщины поразил меня, потому что она удивительно похожа на мою двоюродную сестру. Я даже собирался написать ей и спросить, не думает ли она, что знакома с автором гораздо ближе, чем это подобает приличной девушке”.

“О, тогда я с удовольствием познакомился бы с вашей двоюродной сестрой. — Зорге широко улыбнулся и стал листать страницы. — Каждый мечтает встретить такую девушку, и, если вы имеете в виду тот же эпизод, что и я, память на этот раз подвела вас. Это страница сто семьдесят один”.

На лице Вукелича появилась усмешка. Придумают же такое! Он имел в виду пароли, которыми они только что обменялись. Страница 128 была паролем Вукелича, а страница 171 — отзывом Зорге...»

Очень скоро Зорге начал подозревать Мицукадо в связи с японскими спецслужбами и постарался прекратить связь с японским репортером. По ряду свидетельств, о подозрительных знакомых бойкого японца советскому разведчику намекнул то ли администратор, то ли владелец гостиницы «Мэгуро». Поэтому Зорге был готов к возможным провокациям и не среагировал на русский язык одного из знакомых японского журналиста, который таким образом пытался прощупать своего нового «друга». После того, как в дополнение к этому инциденту Зорге обнаружил, что и номер его в отеле был втайне обыскан, он предпочел прервать контакты с

Мицукадо, хотя и воспользовался его помощью для переезда на постоянное место жительства, сняв квартиру в районе Адзабу — прямо напротив полицейского участка.

Но прежде чем мы последуем туда, стоит навестить еще один отель Токио — «Империа́л». Ведь, если верить шутке Рихарда Зорге, именно из-за него в Москве на беседе в Раз-ведупре он назвал местом своей следующей (и последней) командировки Японию. И хотя по своей воле он больше никогда не останавливался в «Империа́ле», с этой гостиницей было связано очень многое в его жизни.

Даже сегодня, когда этот отель полностью перестроен, окружен со всех сторон высокими зданиями, почти полностью скрывающими его архитектурный облик, и стал почти незаметен в плену роскошных бетонных соседей, он все еще продолжает хранить атмосферу старого — современного Токио, когда страна была другой, люди иными, и даже японский язык отличался от современного. Кстати, «Империа́л» относится к числу тех отелей, название которых на английском языке может ничего не сказать, например, токийскому таксисту. «Империа́л»? Извините, это ни о чем. «Тэйкоку» — так называется этот отель по-японски, и именно под этим названием он и сегодня известен большинству японцев. А уж тогда...

В том виде, в котором застал его Зорге, «Тэйкоку» был построен американским архитектором Френком Ллойдом Райтом в 1923 году — аккурат к Великому землетрясению Канто. В японской столице было разрушено около 380 тысяч домов, в том числе погибли многие кирпичные и бетонные строения новой эпохи. Но Райт строил «Империа́л» с учетом сейсмической нестабильности Японии, заложив в конструкцию элементы, позволяющие гасить колебания землетрясений. Отель выстоял (хотя и пострадал), влиятельный политик барон Окура по телеграфу поздравил американского архитектора с победой, Райт сделал телеграмму достоянием журналистов, а те создали ему имя как великому архитектору, а отелю — славу как не только одному из лучших в Японии, но еще и самому безопасному из всех строений Токио.

В «Империа́ле», разумеется, останавливались самые богатые и важные гости. Среди них было немало иностранцев, а многочисленные рестораны и бары отеля способствовали проведению времени в совершенно европейской обстановке с легким налетом экзотики. При этом лучший западный отель страны соседствовал с императорским дворцом, окруженным широким рвом и крепостной стеной, да и сам внешне выглядел довольно странно. Вот как описывают его Ф. Дикин и Г. Стори в книге «Дело Рихарда Зорге»: «В вестибюле отеля с низкими потолками,

устроенными на разных уровнях, и в подземных барах, напоминающих пещеры, и в магазинах-пассажах собирались пестрые компании туристов, правительственных гостей, журналистов и работников иностранных посольств и деловых контор. Японцы, казалось, были здесь явным меньшинством, а их хорошие манеры и вовсе делали их присутствие временами почти незаметным. Те из них, кто часто посещал отель, были, как правило, людьми, жившими когда-то за границей и приобретшими иностранные вкусы и друзей-иностранцев. В книжном магазине отеля в продаже были две ежедневные токийские газеты на английском языке. Обилие улыбок и вежливости словно окутывали приезжавших европейцев и американцев в кокон благорасположения, что весьма льстило их личному тщеславию. Но «Империял-отель», подобно Токийскому клубу или международным клубам Иокогамы и Кобе, был крошечным анклавом, островком в этой чуждой иностранцу обстановке господства японских нравов, японского языка и японского народа».

Неудивительно, что Зорге любил экзотичный, но интернационалистский по своему духу «Тэйкоку» и часто посещал его «пещерные» питейные заведения. В то же время, будучи опытным разведчиком, а главное, очень умным человеком, он прекрасно понимал, что такое скопление иностранцев служит не только питательной средой для нуждающихся в постоянном обновлении информации бизнесменов журналистов и разведчиков, но и находится на особом учете в полиции. Отель кишел переодетыми сотрудниками тайной полиции токко и кэмпэйтэй, а также их многочисленными агентами, в том числе из числа служащих отеля. По возможности и Зорге, и другие члены его группы старались исключить общение на важные темы, и особенно с интересующими их людьми, в подобных местах. «Я редко посещал европейские рестораны, и если бывал там, то только с Одзакэ. Я избегал отеля «Империял», опасаясь полицейской слежки», — вспоминал «Рамзай» в своих «Тюремных записках». Однако полностью исключить это было нельзя, особенно на первом этапе работы группы в Японии, когда Зорге и Клаузен еще плохо ориентировались в Токио и совсем не говорили по-японски. Поэтому «Империял» все-таки выполнил свою важную миссию точки встречи для агентов советской разведки. «Рамзай» вспоминал, что то ли в конце 1933-го, то ли в самом начале 1934 года в Японию прибыл первый связной из IV — Разведывательного — управления Генерального штаба РККА: «Он позвонил в посольство и передал письмо на мое имя. Он писал, что в назначенный день я должен прийти в отель «Империял», где меня по его просьбе будет ждать швейцар и проводит к нему. Встреча

состоялась в соответствии с этим планом». Американский журналист Роберт Ваймант уточняет: «...В первую неделю января 1935 года Зорге уведомили о прибытии в Токио советского агента “Ингрид”, после чего он встретился с ней в отеле “Империял”. Новоприбывшей была Айно Куусинен, жена финна Отто Куусинена, секретаря Исполнительного комитета Коминтерна...» Сама «Ингрид», чья миссия в Японии, по ее собственным воспоминаниям, более напоминала стажировку вольноопределяющейся студентки, чем выполнение разведывательного задания, вспоминала: «В начале января 1935 года, в точно назначенное время, я сидела в фойе “Империяла”. В дверях появился мужчина и едва заметно мне кивнул. Я сразу узнала доктора Рихарда Зорге, с которым познакомилась еще десять лет назад, когда он работал в немецком секторе Коминтерна... Я еще немного посидела, потом вышла на улицу, где меня в такси ждал Зорге. Разговор наш был короток. Я сообщила, что собираюсь переехать, он знал, что я — “Ингрид”, но понятия не имел о моем задании. Он не имел полномочий ни приказывать мне, ни давать инструкций, но вся связь между мною и четвертым управлением должна была идти через него. Зорге предложил встретиться через неделю в одном из баров». Она же довольно точно охарактеризовала сам «Тэйкоку»: «Отель “Империял”, длинное низкое здание желтого и красного кирпича, находился неподалеку от императорского дворца... По стилю он совершенно отличался от окружающих его современных зданий, напоминая скорее древнее жилище индейцев в Центральной Америке. Чтобы избежать разрушений во время землетрясения, под здание не был подведен единый монолитный фундамент, и стояло оно, как ни странно, у самого моря, на илистом берегу (*сильное преувеличение.* — А.К.)... Фойе и ресторан отеля “Империял” были излюбленным местом встреч элитарной публики из разных стран. Там назначали встречи дипломаты, коммерсанты, журналисты, а порой даже разведчики. Выходившая на английском газета “Джапан Тайме” публиковала имена вновь прибывших и давала светскую хронику об иностранцах в Токио. Постоянно жить в “Империяле” было не очень удобно, хотя это был очень уютный, со вкусом обставленный отель».

С «Тэйкоку», как свидетельствует Ганс Мейснер, связан еще один эпизод знакомства между собой членов группы Зорге: «Как-то в конце ноября [видимо, 1935 года. — А.К.] Мияги сидел в холле токийской гостиницы “Империял”, пил кофе и читал “Джапан Адвертайзер”. Вдруг он заметил объявление, которое гласило: “Куплю гравюру”. Был указан адрес известного рекламного бюро, по которому мог обратиться любой заинтересованный... Человек, которого встретил Мияги в Токио, был

Вукелич».

Там же, в «Империаде», в начале октября 1933 года только что прибывший на японскую землю Зорге встретился и со своим первым радистом — «Бернгардом» (его настоящее имя неизвестно), остановившемся в Иокогаме. Так отель «Тэйкоку» какое-то время существовал в качестве главной коммуникативной точки группы «Рамзай», хотя, повторюсь, никто из членов группы не рисковал там останавливаться.

Один — совершенно кинематографический по своему трагизму — пассаж, связанный с Зорге, произошел в отеле «Империад» уже на закате работы разведгруппы. Ю.В. Георгиев сохранил для нас рассказ Эрвина Бикарда — германского дипломата, в июне 1941 года находившегося в Токио. В жаркое воскресенье 22 июня Бикард и военно-воздушный атташе посольства Германии Вольфганг фон Гронау возвращались в столицу из дачного местечка Каруидзава. «На станции Уэно мы купили только что вышедший экстренный выпуск газеты. В нем бросался в глаза крупный заголовок: “Германия напала на СССР”. Я жил тогда в отеле “Империад” и, зайдя в свой номер, сразу же спустился перекусить в бар. Там я увидел Рихарда Зорге. Он уже был пьян и пытался высказать посетителям бара, что он думает о Гитлере. В баре были американцы, англичане, французы. Всем своим видом они демонстрировали, что не хотят слушать Зорге. Тогда он начал громко кричать по-английски, что Гитлер — большой преступник, что он напал на СССР после того, как недавно заключил договор о ненападении со Сталиным.

Я сел рядом с Зорге. Никто не слушал его выкрики. Я тихо сказал ему: “Зорге, будь осмотрительней. Кругом американцы, англичане и французы, в баре могут быть сотрудники жандармерии”. — “А мне плевать на это!” — ответил он. Когда бармен отказался налить ему очередную порцию виски, Зорге выругался. Он был здорово пьян».

Действительно, в тот трагический день, несмотря на знание обстановки и обычную осторожность, Зорге сорвался. Но его можно понять: восемь лет работы на острие ножа в стране, чудовищно трудной для жизни иностранца вообще, а тем более для ведения тайной жизни, заканчивались таким, мягко говоря, неприятным, сюрпризом... Бикард же объяснил этот срыв Зорге воздействием виски и токийской жарой. Он снял для коллеги номер в том же «Империаде» и отвел Зорге вверх. Исторический анекдот повествует о том, что, проснувшись, агент «Рамзай» звонил послу Отту и кричал, что Германия проиграет войну...

Старый отель «Империад» закончил свое существование в пятидесятых годах прошлого века. Одним из его последних знаменитых

постояльцев стал Юрий Гагарин. В конце мая 1963 года первый космонавт планеты останавливался здесь во время своего турне по Японии. Кадры киноплёнки сохранили для нас образ Юрия Алексеевича, входящего в «Империял». Кстати, по одной из версий, именно Гагарин привлек внимание Никиты Хрущева к истории Зорге. Владимирский журналист Николай Фролов показал эту известную историю в необычном ракурсе: «Как-то японские журналисты спросили у необычного гостя:

— Почему вы забыли о своем знаменитом разведчике Рихарде Зорге, казнённом империалистами в тюрьме Сугамо во время Второй мировой войны?

— Какой Зорге? — удивился Гагарин. Сопровождавший его советник посольства СССР Михаил

Иванов, лично работавший с Зорге, кратко рассказал Юрию Алексеевичу о судьбе “разведчика № 1” и его гибели.

— Как же так? — ещё больше удивился космонавт.

Со свойственной ему непосредственностью он попросил сотрудников посольства заказать венок с надписью “Первому разведчику Рихарду Зорге — от космонавта Ю.А. Гагарина”, передав из выданной ему валюты 50 долларов, и заявил, что собирается возложить этот венок лично. Дипломаты, включая нашего посла в Японии Николая Федоренко, стали уговаривать Гагарина не предпринимать поспешных действий. Космонавт вспыхнул и обозвал трусами сотрудников МИДа, включая самого посла, пообещав рассказать обо всем тогдашнему лидеру страны Никите Хрущеву». Поневоле рождается мысль, что и вопрос-то этот был задан на пресс-конференции в том самом «Империяле»...

В 1968 году на месте творения Фрэнка Ллойда Райта был построен новый многоэтажный роскошный гостиничный комплекс, но часть главного входа и лобби старого отеля были аккуратно разобраны, перевезены в архитектурный музей под открытым небом «Мэйдзимура», неподалеку от города Нагоя, и заново собраны там. Японцы гордятся своим старым «Тэйкоку», но и нам, как мы теперь видим, есть что о нем вспомнить.

«Рамзай» у себя дома

Впервые задумавшись в 2002 году во время своей стажировки в Токийском университете о том, каково было Зорге жить в ТОЙ Японии и в ТО время, я очень скоро пришел к успокоительному выводу, что наверняка у него были «смягчающие обстоятельства», что жил он, допустим, где-то во дворе германского посольства, на улицу выходил редко, общался все больше с женой посла Отта, изредка выбегая в город для закладки тайника и встреч с агентами — я встречал таких дипломатов... Да бог еще знает, что могло быть такого в истории с Зорге, на что я надеялся. Хотелось верить, что ему не было так плохо, как я об этом начинал думать, постепенно понимая сложности жизни в Японии, но для уверенности не хватало того, что японские журналисты называют «гэмба» — места событий, того, с помощью чего можно наглядно представить картину произошедшего. За поисками «гэмбы» я отправился однажды к своему другу — русскому ученому Василию Молодякову, живущему в Токио давно, немало знающего о Зорге в силу научных пристрастий. Мы полистали книги и очень скоро нашли описание места, где жил Зорге, в работе Ю.В. Георгиева «Рихард Зорге».

Собственно говоря, эти описания мы встречали и в других произведениях, как правило, в сильно искаженном варианте: улица Нагасаки-маси, 30, но было очевидно, что по адресу с сильными ошибками в написании, да еще без всяких ориентиров, найти что-либо будет просто невозможно. Поэтому мы так обрадовались приведенным Ю.В. Георгиевым данным о распорядке дня Зорге и сведениям по топографии, тем более, что наш старший коллега был японоведом, и, работая с его материалами, можно было не опасаться ошибок. Итак: «Дом, который снимал Зорге, находился в квартале Адзабу района Минато. Он стоял на улице Нагадзака под номером 30. Это был японский деревянный двухэтажный дом. В протоколах допроса Зорге после его ареста содержатся некоторые данные о его доме. На первом этаже находилась гостиная (12 кв. м), столовая (около 7 кв. м), кухня, деревянная японская ванна (офуро) и туалет, тоже японский — без унитаза. На втором этаже располагались кабинет с телефоном (12 кв. м) и спальня (9 кв. м). Кровать Зорге заменяла стопка японских тюфяков — футонов.

Как правило, Зорге вставал в 5 часов утра (*в Японии рано светает и рано темнеет* — около шести часов вечера, так что распорядок дня

Рихарда Зорге был привязан не только к часовой разнице с Европой, вечерние новости из которой он читал рано утром, но и к японскому световому дню. — А.К.), принимал офуро и делал гимнастику с эспандером. К этому времени в дом приходила горничная, которая готовила завтрак и обед. После завтрака Зорге читал или печатал на машинке до обеда. После обеда час отдыхал. Затем направлялся в Дом прессы или в германское посольство. После пяти вечера его можно было видеть в баре отеля “Империял” или на каком-либо приеме. Естественно, начавшаяся в 1939 году мировая война внесла коррективы в этот стандартный распорядок дня. В частности, Зорге с самого раннего утра направлялся в германское посольство, где просматривал сводки новостей и составлял информационный вестник “Дойчер динст”.

В те годы улица Нагадзака была очень тихой и зеленой, кроны деревьев практически смыкались над нею, давая благодатную тень в жаркую погоду и частично защищая от потоков воды в дождливое время года. Улица круто сбегала вниз по склону с шумного холма Роппонги.

Сегодня эта улица называется Отафукудзака. Она застроена высокими доходными домами, в которых сдаются квартиры для состоятельных людей. На ней сохранилось много зелени и еще не выветрилась атмосфера спокойного и респектабельного квартала, в котором приятно жить. Один из таких доходных домов стоит и на месте жилища Зорге. Хорошим ориентиром может служить 18-этажное здание полицейского общежития, сооруженного на месте старого полицейского участка Ториидзака, который находился неподалеку от дома Зорге».

Что ж, из приведенного описания явствовало, что дома вдоль бывшей улицы Нагадзака перестроены, а сама улица переименована в Отафукудзака, найти которую можно по отличительной примете — 18-этажному зданию полицейского общежития. Других примет не было, но сборы были недолги. Зная, что речь может идти о тех кварталах Адзабу-Роппонги, в которых и тогда и сейчас селилось множество иностранцев, мы немедленно отправились туда. Больше четырех часов плутали мы по Адзабу и Роппонги, и круги, выписываемые нами по этим районам, последний из которых справедливо считается центром ночной жизни кутящих иностранцев, стали настолько часты и назойливы, что на нас начали коситься обитатели этого веселого квартала. Улицу Отафукудзака мы все-таки нашли. Нашли, когда уже начало темнеть, и почти потеряли надежду на удачу. Тем более, что никакого 18-этажного общежития рядом не наблюдалось.

Именно тогда — когда я увидел, где жил Зорге, я понял, чего мне

недоставало в представлении об этом человеке. Наверно, тогда же в моем сознании начала выстраиваться идея пока еще устных рассказов об «обратной стороне Токио», о людях, живших и работавших здесь, «в тени Восходящего солнца». Это было удивительно: дом советского шпиона стоял в нескольких сотнях метров от советского посольства. Выйдя на улицу Гаэн-Хигаси, Зорге мог видеть посольство СССР. В тридцатых годах прошлого века оно находилось там же, где и сейчас. Мы стояли на этой улице и пытались представить, как должно было быть трудно человеку, да не просто иностранцу в чужой стране, а шпиону, работающему против всех, кто его окружал, — против Японии, Германии, Америки, как трудно ему было одному, но при этом каждый вечер возвращаться именно сюда! Попробуйте вообразить, что такое ежедневно проезжать мимо стен посольства единственной страны, где, как он думал, его знают и ждут. Пусть не сегодня, пусть после войны, но ждут как своего — он был уверен в этом, несмотря на все новости, приходившие из Москвы. Какой силы должна была быть идея, чтобы человек сознательно пошел на это? Каждый день — утром и вечером проходить, проезжать мимо стены, за которой свои. Каждый день на грани фолла — восемь лет. А фолл для него — не высылка и даже не тюрьма, а веревка и люк, который однажды все-таки провалится прямо у него под ногами. Теперь мне стало понятно и отчасти — от миллионной части — прочувствовано всё: и женщины, флирт с которыми был не столь приятен, сколь опасен, и пьянство — извечное русское лекарство от тоски, и мотоцикл — как захватывающее дух средство от жизни. И такой от этого чувства прошиб мороз по коже... А ведь тогда я еще не знал, что мы ошиблись и это — не то место.

Опыт — сын ошибок трудных, но главное — сын времени. Со временем, расследуя топографическую загадку Токио Василия Ощепкова, я вернулся к делу Зорге со старыми картами Восточной столицы в руках и онемел от изумления и досады: Нагадзака и Отафукудзака — отнюдь не одно и то же! То, что мы нашли, не имело непосредственного отношения к Рихарду Зорге, хотя, наверно, ему доводилось проходить и этим крутым тенистым склоном. Более того, искомая Нагадзака — вообще не улица, а средних размеров квартал в составе района Адзабу, к востоку от Отафукудзака, которая, в свою очередь, в интересующее время входила в состав совсем другого района — Хигаси Ториидзака! Теперь, уже с картой старого Токио в руках, я снова двинулся на поиски места дома Зорге и — удивительное дело — нашел его, хотя именно здесь город оказался на диво сильно перестроен.

Итак, Нагадзака (или Нагасака — можно и так) — большой район,

зажатый между холмами Мамиана (с востока) и Ториидзака (с запада). Нумерация домов в то время отсчитывалась с северо-восточного угла — от советского посольства. Дом номер 30 на моей карте оказался не обозначен (нужную, более подробную, карту я нашел уже позже на любопытном японском веб-сайте «Токио курэнайдан»), но кварталчик, в котором он должен находиться, виден четко и образован домами с номерами 26, 28 и 31 — это южная граница с кварталом Адзабу-дзюбан. Дом, который арендовал советский разведчик, под номером 30, стоял в середине между двумя точно такими же — под номерами 29 и 31. Что ж, искомое место найдено. Правда, чтобы представить себе, как оно выглядело тогда, сегодня надо обладать очень мощной фантазией. Дело в том, что сейчас на этом месте — расположенный под скоростной автодорогой выход из станции метро «Адзабу-дзюбан» под названием «Мост Итинохаси». Отафукудзака недалеко, но западнее. Вверху с холма Роппонги вдоль скоростной автодороги недолго петляет улица Нагадзака — единственное сохранившееся упоминание о существовавшем на этом пригорке одноименном квартале. Внизу должен находиться синтоистский храм Такэнага-дзиндзя — его нет. Видимо, снесен во время строительства виадука. Правда, появилось (а может, и раньше было, но не оказалось обозначено на карте) святилище Дзюбан-инари — тоже совсем рядом. Пытаясь определить точнее место, где мог находиться дом Зорге, я «цепляю» глазом высокое здание у метро и... считаю этажи: один, второй, третий... восемнадцать. Подхожу ближе, табличка перед входом гласит: «Полицейское общежитие. Ведомственная территория».

Не знаю, почему опытный японовец Юрий Владимирович Георгиев перепутал Отафукудзака с Нагадзака, но полицейское общежитие в качестве основного ориентира он указал абсолютно точно. Если раньше на этом месте действительно находился полицейский участок Ториидзака, то сцена ареста из японского фильма «Шпион Зорге» неточна. В кино полицейские наблюдают за домом разведчика в бинокль. На деле расстояние между строениями не превышало полутора сотен метров. Бинокль не нужен — если бы дом Зорге не заслоняли стоявшие перед ним строения или деревья, при раскрытых окнах они могли бы видеть все, что происходило в штаб-квартире советской разведгруппы, невооруженным глазом.

Но и советское посольство отсюда намного ближе, чем от Отафукудзака, — не более пяти минут пешком. Да, все-таки странное место для жизни выбрал доктор Зорге — за забором дипломатической миссии страны, отправившей его сюда, и на виду, как на блюде, у

полицейского участка. Тенистое, зеленое, но... очень и очень странное. Профессор музыковедения и просто красивая женщина Эта Гарих-Шнайдер вспоминала, как утром 11 июня 1941 года она возвращалась в компании соотечественников с затянувшейся вечеринки у Зорге: «... маршрут проходил мимо советского посольства, и здесь Людде Норат сделал озорное замечание: “Ну что, Зорге! Мне заехать, чтобы ты повидался со своими друзьями?”» Помимо того, что это говорит о знании, как минимум немецкими дипломатами, прошлого «Рамзая», это снова напоминает об опасной близости дома разведчика к посольству. Почему он жил именно здесь, создавая дополнительный повод для таких шуточек? Мне не дано понять, как он не сошел с ума на «улице Нагасаки-маси»...

Как же выглядела квартира Рихарда Зорге, его дом, в котором он провел последние восемь лет своей жизни? Описаний холостяцкого гнезда сохранилось довольно много, но некоторые из них несколько противоречивы. Например, в книге Колесниковых «Рихард Зорге» дом назван «довольно-таки невзрачным» и заброшенным. Якобы именно такое жилище соответствовало статусу иностранного корреспондента в Японии. Утверждение, мягко говоря, весьма сомнительное, а потому не станем принимать его всерьез. Неширокая, но проезжая улица перед домом в престижном районе тоже описывается ими как «переулок шириной в два метра». Но дальше все более-менее соответствует истине или, во всяком случае, не противоречит другим источникам, в том числе уже известному нам по книге Ю.В. Георгиева плану дома. Во всяком случае, есть смысл свести все эти описания вместе.

Итак, у Колесниковых: «Внизу находилась столовая, ванна и кухня. Наверх вела крутая деревянная лестница (*отнюдь не признак низкобюджетности жилища, просто большинство домов тогда в Токио были полностью деревянные. — А.К.*). Тут находился рабочий кабинет. В кабинете с левой стороны стоял большой письменный стол. Посреди кабинета — стол поменьше. У стены — диван. Циновки были покрыты ковром.

Утром приходила работница, женщина лет пятидесяти, маленькая японка, которую Рихард называл Онна-сан (*то есть просто «Женщина»? — А.К.*); она готовила ванну, наводила порядок. Вечером уходила домой. Иногда она готовила обед. Но обычно Зорге обедал в ресторане или у друзей. Клаузену у Зорге нравилось: “У Рихарда была настоящая холостяцкая квартира, в которой царил беспорядок (*интересно, чем в таком случае каждый день занималась «Онна-сан».* — А.К.). Но Рихард хорошо знал, где что лежит. Я должен сказать, что у него было очень

уютно. Было видно, что он много работал. Он всегда был занят и любил работу. У него был простой книжный стеллаж, на котором стояли книги. Дверь из рабочего кабинета вела в его спальню. У него не было кровати, он спал на японский манер — на разостланном на полу матрасе»».

В письмах к русской жене — Екатерине Максимовой — Зорге описывал свое жилище так: «Я живу в небольшом домике, построенном по здешнему типу, совсем легком, состоящем главным образом из раздвигаемых окон, на полу — плетеные коврики. Дом совсем новый, и даже современнее, чем старые дома (*вот это действительно соответствует статусу журналиста уровня корреспондента нескольких германских газет!* — А.К.), и довольно уютен.

Одна пожилая женщина готовит мне по утрам все нужное: варит обед, если я обедаю дома.

У меня, конечно, снова накопилась куча книг, и ты с удовольствием, вероятно, порылась бы в них. Надеюсь, что наступит время, когда это будет возможно... Если я печатаю на своей машинке, то это слышат почти все соседи. Если это происходит ночью, то собаки начинают лаять, а детишки — плакать. Поэтому я достал себе бесшумную машинку, чтобы не тревожить увеличивающееся с каждым месяцем детское население по соседству»».

К этому лирическому описанию Ю.В. Георгиев добавляет маленький, но показательный штрих: «На втором этаже дома... висели занавески с цветами, вышитыми Хельмой (*женой германского посла Отта.* — А.К.). Посол быстро заметил характер отношений, установившихся между Зорге и Хельмой, но не пошел на скандал, а просто стал спать отдельно от жены»».

Ф. Дикин и Г. Стори тоже замечают, что жилье у разведчика было холостяцкое во многих смыслах: «Как сказал однажды Клаузену сам Зорге, “когда у меня над дверью горит лампа, пожалуйста, не входите ко мне, потому что это означает, что у меня посетитель”»», — ночные посетители, а точнее, посетительницы, навевались в холостяцкое жилище часто.

Что же касается «Онна-сан», то она приходила в шесть утра, а уходила после четырех часов дня. Она действительно была пожилой женщиной и однажды скончалась. Зорге нанял вместо нее другую старушку, работавшую ранее поваром в... советском посольстве, которая прослужила у него до самого ареста в октябре 1941 года. Это еще одна загадка: зачем осторожный и внимательный к мелочам разведчик пустил в свой дом человека, работавшего ранее в посольстве СССР? Вполне вероятно, что она была связана с японскими спецслужбами, могла определять на слух

русский язык (хотя сам Зорге на нем почти не говорил), и все вместе это только повышало градус риска в его работе. Зачем? Учитывая, что до сих пор точно не известна причина провала группы «Рам-зая», странно, что такого рода мелочи остались без внимания зорговедов. Тем более что, по свидетельству немецкого журналиста-зорговеда Юлиуса Мадера, квартирная хозяйка Зорге работала на военную контрразведку — кэмпэйтэй, его дом время от времени обыскивали, а в одну из стен, по крайней мере в первый период жизни Зорге там, было вмонтировано подслушивающее устройство. Токийский знакомый «Рамзая» — германский дипломат Ганс Мейснер и вовсе вспоминал, что в доме Зорге было двое слуг: повар и мальчик-помощник. Мейснер подробно описывает странную ситуацию, когда Зорге заметил необычное поведение слуг (заметьте — в соответствии с этим рассказом, среди них не было ни одной женщины!) и вызвал их на беседу. Под угрозой увольнения они рассказали хозяину, что в его отсутствие в дом заходил сотрудник кэмпэйтэй и, в соответствии с обычным японским порядком, потребовал от них полный отчет о каждом шаге Зорге, привычках, имуществе, гостях, особенностях личной жизни. Слуги согласились стать осведомителями кэмпэйтэй — в условиях Японии тех лет это было единственно возможным решением, но не могли между собой решить, как лучше исполнять обязанности. Именно во время очередного такого обсуждения они и вызвали подозрение Зорге. Узнав, в чем дело, «Рамзай» успокоил новоявленных агентов и сам начал передавать через них в кэмпэйтэй такое количество сведений о своих передвижениях и личной жизни, что быстро утомил контрразведчиков. Еще раз заметим, что ни о какой пожилой женщине в этой версии домашней истории Зорге речь не идет.

Английские исследователи продолжают: «Дом Зорге представлял собою то, что японцы называли “бунка ютаки” или “комфортабельное жилье” (вероятно, имеется в виду «бунка отаку», т.е. «культурное жилье». — А.К.), однако по современным европейским или американским стандартам он был довольно маленьким. Немецкий писатель Фридрих Зибург, который был частым гостем этого дома в 1939 году, описал его как “едва ли чуть больше летнего домика в небольшом саду. Но большинство японских домов в уединенном районе Адзабу — квартале обеспеченной буржуазии — были точно такими же”». Дикин и Стори тоже описывают кажущийся хаос и беспорядок, царившие в кабинете Зорге, но добавляют: «Там же висели одна или две прекрасные японские гравюры и стояло несколько хороших вещей из бронзы и фарфора. В комнате также находился граммофон и клетка с ручной совой... Зорге с уважением

относился к японскому обычаю снимать обувь у входной двери, надевать шлепанцы на ступеньках или в крошечном коридоре и проходить на циновки в носках... Князь Урах, описывая ванную Зорге, вспоминает, что «фанатично чистоплотный Зорге ежедневно тер и скреб себя на японский манер и потом, подобрав колени, забирался в деревянный чан, наполненный горячей водой»».

«Рамзай» жестоко страдал от токийской духоты и зноя, царящего здесь около трех-четырех месяцев, с июня по сентябрь. Колесниковы, видимо, ознакомленные в свое время с документами, которые нам с вами вряд ли когда-нибудь придется увидеть, говорят, цитируя личную переписку Зорге с Екатериной Максимовой, что почти в каждом послании к ней он жаловался на токийский климат: «Здесь сейчас ужасно жарко, почти невыносимо.

Временами я иду к морю и плаваю, но особенного отдыха здесь нет»; «Что делаю я? Описать трудно. Надо много работать, и я очень утомляюсь. Особенно при теперешней жаркой погоде... Жара здесь невыносимая, собственно, не так жарко, как душно вследствие влажного воздуха. Как будто ты сидишь в теплице и обливаешься потом с утра до ночи». Неслучайно Зорге так любил белые льняные костюмы, в которых он, как правило, и запечатлен на сохранившихся фото: лето в Токио — настоящий ад для европейца. Впрочем, токийская зима тоже приносила мало облегчения: «Теперь там у вас начинается зима, а я знаю, что ты зиму так не любишь, и у тебя, верно, плохое настроение. Но у вас зима, по крайней мере, внешне красива, а здесь она выражается в дожде и влажном холоде, против чего плохо защищают и квартиры, ведь здесь живут почти под открытым небом...» После этих строк так и видится «Рамзай», идущий, опустив голову в плечи, навстречу ветру в пальто с поднятым воротником — так, как он изображен в виде памятника в Москве...

Юлиус Мадер приводит в своей книге воспоминания уже знакомой нам Эты Харих-Шнайдер, побывавшей незадолго до ареста разведчика у него в гостях: «В квартире было жарко как в духовке. Очертания пыльных улиц расплывались в нестерпимом блеске солнечных лучей; на террасе, расположенной на крыше его дома, даже по ночам царила невыносимая духота... Из соседних домов доносились звуки радио и детский смех... Дом Зорге затерялся среди жилищ бедных японцев, построенный в небрежном, европейско-японском стиле, он выглядел неряшливо. Две комнаты внизу, вся их убогая обстановка ограничивалась несколькими шаткими столиками, на одном из которых лежал клочок потертого красного бархата... За стенкой находилась кухня. Наверху — его рабочая комната с большим диваном, письменным столом и граммофоном, во всю стену от

пола до потолка — книжные полки. За дверью — спальня, которую почти целиком занимала широкая двуспальная кровать. К спальне вел узкий коридорчик. Двери обеих комнат верхнего этажа выходили на террасу».

Разъяснение по поводу то ли «стеллажа» с книгами, то ли заполненной ими целой стены, дал сам «Рамзай» в «Тюремных записках»: «Во время моего ареста у меня дома было от 8000 до 1000 книг, что, похоже, явилось источником значительного раздражения для полиции (*прозрачный намек на долгий и тщательный обыск.* — А.К.). Большая часть этих книг посвящена Японии. Создавая свою библиотеку, я собирал все издания японских книг на иностранных языках, которые мог достать; лучшие книги, написанные иностранцами о Японии, и лучшие переводы основных японских художественных произведений. Например, у меня были английский перевод “Ниппон секи” (книга, высоко ценимая коллекционерами), английский перевод “Кодзики”, немецкий — “Манъёсю”, перевод выдающегося, с мировой славой произведения “Минамото-си моногатари” и другие. Я с большим усердием занимался древней японской историей. Я скрупулезно изучал эпохи императрицы Дзингу, Вако и Хидэёси, довольно многое написанное мной основано на материалах экспансии Японии с древних времен. В моих исследованиях очень пригодились многочисленные прекрасные переводы по древней японской экономике и политике».

Теперь, собрав воедино все эти описания и свидетельства, мы можем наконец представить себе дом Зорге в Токио: в спальняной части довольно дорогого и престижного района, напротив полицейского участка Ториидзака и в двух шагах от дзюдоистского додзё (это мы выяснили, когда ходили «тропой Ощепкова») располагался новый, но совершенно японский по конструкции, непритязательный деревянно-бумажный дом с небольшой террасой на втором этаже, и эклектичным — японско-европейским — убранством внутри. Улица, на которой он располагался, не относилась к числу оживленных и пролегал у подножия холма Мамиана, в двух шагах от советского посольства. Возможно, в то время она действительно была довольно зеленой, что никак не спасало хозяина от невыносимой, изнуряющей токийской жары, от как будто в насмешку воспетого Мандельштамом «роскошного буддийского лета». Главными достопримечательностями дома была уникальная, едва ли не в тысячу томов библиотека книг о Японии, ручная сова и граммофон. Ну и, конечно, люди: гости хозяина — таинственные мужчины, умные и прекрасные женщины, и он сам — резидент советской военной разведки «Рамзай», журналист, исследователь, человек с пылким сердцем и острым умом —

Рихард Зорге. А где он бывал, когда выходил из дома?

Разбившийся мотоциклист

Естественно, основную часть своего времени, ту его часть, которая была видна и должна была быть видна всем, Зорге отдавал легальной работе. В Японию разведчик прибыл «под крышей» корреспондента или сотрудника целого набора западноевропейских газет и журналов. Уже из Токио Зорге наладил сотрудничество с влиятельной в нацистских кругах «Франкфуртер цайтунг». Периодически он писал и для других европейских газет и информационных агентств — немецкий журналист стал самым авторитетным экспертом по Японии среди стран, находившихся под гитлеровским влиянием, хотя даже «Известия» однажды по недосмотру умудрились напечатать статью доктора Зорге. Конечно, уже широко известно, что едва ли не важнейшим местом службы советского резидента было германское посольство, где со временем он даже получил отдельный кабинет, что положительно сказалось на продуктивности его второй, скрытой от глаз посторонних, службы. Как ему удавалось совмещать все это чисто физически? Мы уже знакомы с распорядком обычного для Рихарда Зорге дня, и знаем, что в большинстве случаев рев его мотоцикла впервые раздавался между полицейским участком Ториидзака и советским посольством во второй половине дня, и чаще всего этот мотоцикл летел в германское посольство.

Зорге обожал быструю езду. На афише японского фильма «Шпион Зорге» он и изображен на своем «Цундапе», который купил у радиста группы Макса Клаузена, легализовав, таким образом, часть финансирования группы из Москвы. На этой картинке разведчик в галстук и очках воплощает собой образ «советского Джеймса Бонда», но и в действительности он, очевидно, был лихачом. Случившаяся с ним авария — тому яркое свидетельство. Советские биографы Зорге приводят версию произошедшего в голливудском стиле: 12 мая 1938 года он якобы получил срочное сообщение от своего главного агента и друга — Одзаки Хоцуми (как получил — по телефону?) о начале сверхсекретных переговоров между Японией и Германией в целях заключения военного соглашения, направленного против СССР. И якобы Одзаки даже имел на руках некие совершенно секретные документы, подтверждающие эту информацию. Абсолютно непонятно, откуда он — журналист — мог их получить, как он мог таскать их с собой по Токио, однако, если верить этой версии, то Одзаки назначил Зорге randevu у некой аптеки на Гиндзе в 2 часа ночи.

Мне не раз доводилось ездить по Токио ночью и на автомобиле, и на велосипеде, правда, 65 лет спустя после того, как это делал Зорге на своем «Цундапе». Могу свидетельствовать, что шанс быть остановленным японской полицией с целью проверки документов или недопущения вождения в нетрезвом виде есть всегда. И всегда можно гарантировать, что остаться незамеченным здесь нельзя. Мчаться же среди ночи на мотоцикле в центр города, когда практически все рестораны уже закрыты, улицы пусты, и вы чувствуете себя один на один с полицией Токио, — это слишком даже для Джеймса Бонда. Однако, по Колесниковым, Зорге забрал документы и на обратном пути на одной из улиц наскочил колесом на камни, врытые в качестве ограждения вдоль дороги (такое действительно встречается в японских городах). Мотоцикл «дал козла», опрокинулся, а Зорге ударился головой об один из таких камней.

Западные биографы Зорге рассказывают другую историю. В конце апреля 1938 года германского посла Отто фон Дирксена сменил бывший военный атташе и друг Зорге Эйген Отт. Новый посол попросил Зорге выполнить деликатную и неофициальную миссию по доставке секретных материалов посольства в Манилу. Правда, тоже не очень понятно, почему это нельзя было сделать дипломатической почтой, но все же такое предположить легче, чем представить бродящего среди ночи по Гиндзе Одзаки с секретными документами в руках. Зорге согласился, тем более что на обратном пути он должен был посетить Гонконг, где его ждал советский связной. Таким образом, в этой поездке Зорге выполнил функции курьера сразу для двух разведок, и неудивительно, что очень устал от нервного напряжения.

Вернувшись в Токио совершенно измотанный, он пригласил своего близкого друга князя Альбрехта фон Ураха отпраздновать возвращение в немецком ресторане «Рейнгольд» на Гиндзе. Когда ресторан закрылся — это произошло как раз около двух часов ночи 13 мая, — Зорге решил последовать японской традиции «хасиго» — перемещаться из бара в бар, потребляя разные спиртные напитки. Дальше ситуация становится не очень понятной: то ли они вместе поехали в отель «Империял», а оттуда домой к Зорге, где, по свидетельству князя, хозяин квартиры выпил еще одну бутылку виски, то ли, напившись в «Империяле», Зорге предложил вместе отправиться к нему в Адзабу, что больше похоже на правду по причине более разумной логистики. Так или иначе, Урах от пьяной гонки отказался, и Зорге помчался на мотоцикле один. Если он ехал из «Империяла», где оставил жившего там Ураха, то, проехав ресторанные кварталы Акасака, мотоциклист свернул налево там, где сейчас стоит огромный отель «АНА-

Интерконтиненталь». Промчавшись мимо главных ворот американского посольства (оно и поныне тут), Зорге повернул направо и поддал газу, взбираясь по довольно крутому подъему в сторону Роппонги. Если он ехал из дома, то... куда он ехал? В любом случае, именно здесь, на склоне у американского посольства, его «подрезал» какой-то автомобиль, но вполне вероятно и то, что сильно пьяный мотоциклист просто не справился с управлением, и Зорге врезался в стену посольства прямо в нескольких десятках метрах от входа в него. Полицейский, находившийся там в сторожевой будке, немедленно поднял тревогу. Прежде чем потерять сознание, Зорге успел назвать полицейским адрес князя Ураха в «Империале» как официального представителя германских властей и потребовал отправить себя к немецкому доктору Штедфельду в лучшую европейскую больницу Токио — клинику Святого Луки в Цукидзи — ту самую Сэйрока, где провел свои последние недели святитель Николай Японский. Урах, примчавшийся на такси на место происшествия, еще застал Зорге и, прежде чем тот потерял сознание, услышал от него просьбу разыскать Клаузена — бизнесмена, видного члена германской диаспоры, которого знали как друга Зорге.

Ф. Дикин и Г. Стори цитируют Клаузена: «Сильно побитый, но не потерявший самообладания, он протянул мне отчеты на английском и американскую валюту, находившуюся в его кармане, которые нельзя было показывать посторонним, и только освободившись от них, потерял сознание. Из госпиталя я напрямик отправился к нему домой, чтобы забрать все его бумаги, имевшие отношения к нашей разведывательной деятельности, прихватив и его дневник. Чуть позже сюда прибыл Вейс из ДНБ (чиновник германской службы новостей), чтобы опечатать всю собственность Зорге, чтобы никто не мог ничего тронуть. Я вздрогнул, подумав, что вся наша секретная работа выплыла бы наружу, приди Вейс раньше меня». Колесниковы, естественно, тоже пишут о секретных материалах, которые Клаузен вытащил из карманов Зорге в госпитале Святого Луки. Но позвольте: в случае с советской официальной версией откуда у Зорге в карманах взялись какие-то «отчеты на английском», если он ехал со встречи, на которой Одзаки передал ему секретные документы о миссии Осима? Не составляли же их в японском правительстве на английском языке, чтобы разведчикам не надо было тратить время на перевод? Или Одзаки сам уже подготовил по результатам их анализа отчет? Но зачем тогда было вызывать резидента среди ночи на Гиндзу, где «улица, фонарь, аптека»? Если же это были действительно «отчеты на английском», а именно на этом языке Зорге составлял шифровки в Центр, то как и зачем

они оказались в его карманах во время пьянки с Урахом? Трудно представить, что Зорге засунул в карман секретные отчеты перед тем как поехать в «Рейнгольд», когда цели поездки были ему значительно яснее, чем время и место окончания ее окончания. Почему, если мы знаем, что прислуга Зорге, скорее всего, докладывала о каждом шаге хозяина полиции, а сам дом неоднократно осматривался контрразведчиками, там настолько открыто хранились секретные материалы, что их сразу («при свете карманного фонарика», как он пишет) нашел не только Клаузен, который вполне мог знать места нахождения тайников, но и обязательно нашел бы Вейс? Они лежали на столе? Вряд ли хорошо знавший Зорге и неоднократно бывавший у него в гостях Вейс стал бы шарить по укромным местам квартиры своего друга — во всяком случае, о его работе на гестапо ничего не известно.

Позже, 18 октября 1941 года, после ареста Зорге, в его доме помимо всего прочего обнаружили фотокамеру со специальным оборудованием, черный кожаный бумажник с 1782 долларами, шестнадцать записных книжек, в которых «Рамзай» фиксировал подробности связи с агентами группы и финансовые расчеты, две странички черновика готовящейся шифровки в Москву на английском языке. Поразительная беспечность. Но даже она не дает ответа на вопросы, возникающие при внимательном изучении истории с мотоциклетной аварией. Не дает, если только не предположить, что историю с шифровками в карманах разбившегося мотоциклиста не выдумал потом сам Макс Клаузен, чье предательство после ареста группы и негативные отзывы Зорге о его поведении в последние годы работы бросало на радиста черную тень недоверия и скепсиса. Ведь если убрать показания Клаузена, то это всего лишь ДТП — дорожно-транспортное происшествие. Да, ставящее под угрозу само существование группы «Рамзая» и его жизнь, но лишь случайность, ведь и Зорге, и Клаузен не раз попадали в автоаварии. А вот если «отчеты» были, то все случившееся — подвиг. В описанной им самим ситуации Клаузен выглядит героем, спасшим разведгруппу от обнаружения, от неминуемого провала. Позже, когда Зорге в госпитале пришел в себя, он и вовсе становится его фактическим заместителем: «Время от времени, когда я приходил к нему, он давал мне для передачи написанную от руки информацию, которую он собирал в больнице от этих людей (*посол Отт и другие чиновники навещали Зорге, но с какой частотой они это делали, и о чем они говорили, неизвестно. — А.К.*). Я приносил ему в больницу радиogramмы, которые получил». Но снова... «был ли мальчик?». У нас, к сожалению, нет возможности посмотреть полный список радиogramм,

отправленных Рамзаем в этот период, — это дало бы ответ на вопрос об интенсивности радиообмена и правдивости слов Клаузена, развеяло бы все сомнения. Есть еще один нюанс. От удара от стену Зорге лишился нескольких зубов и сломал челюсть. Судя по всему, получил сотрясение мозга. Мог ли он в таком состоянии говорить? Мог ли вообще называть адрес Ураха и вызывать Клаузена? Зависит от места и тяжести увечий, но точных ответов у нас по-прежнему нет.

Ганс Мейснер, тоже не пройдя мимо этой загадочной и драматической истории, описывает ее несколько иначе, но столь же фантастично. По его версии, Зорге разбился в первый же день после покупки мотоцикла. Видимо, еще не освоившись хорошенько с машиной, он не справился с управлением, когда на том злосчастном спуске наперерез ему все-таки выехал какой-то автомобиль. По мнению Мейснера, прохожие, а не полицейский, вызвали карету скорой помощи, и Рамзая отправили в госпиталь Святого Луки просто потому, что там привыкли обслуживать иностранцев и персонал говорил там на нескольких европейских языках. Клаузен, каким-то образом узнав об аварии (Мейснер не знал, каким именно), отправился в госпиталь, так как знал, что Зорге поехал кататься с секретными документами в кармане куртки. «В этом донесении приводились подробные сведения о сосредоточении японских войск в Китае, а также был перечень авианосцев, которые предполагалось построить в ближайшие два года. Донесение было написано по-английски и могло стать вполне достаточным основанием для самых строгих санкций против его владельца», — пишет Мейснер. Он утверждает, что Зорге вообще не мог говорить и жестом показал Клаузену на карман куртки, когда тот приехал и они остались в палате одни на какое-то время. Сразу после этого вошел полицейский чиновник, который обнаружил в другом кармане пачку долларов, что было довольно подозрительным имуществом для Японии 1938 года, но почему-то не придал этому должному значения, а просто пересчитал купюры и внес их в опись имущества. Однако все это не имеет ровным счетом никакого отношения к версии советской — о том, что в кармане Зорге были какие-то уникальные материалы о начале японо-германских переговоров.

«На следующий день Клаузен собрал в доме Мияги всех членов группы и, подробно рассказав им о случившемся, выразил опасение, что Зорге вышел из строя недели на две, — продолжает Мейснер. — Очевидно, в Москве остались очень недовольны происшедшим. В принятой Клаузеном под утро радиотелеграмме группе, временно потерявшей своего руководителя, предписывалось в недельный срок представить информацию

о складывающихся отношениях между США и Англией, с одной стороны, и Японией — с другой».

В последний день отведенной «Мюнхеном» недели Вукелич отправился в госпиталь к Зорге. 13 мая 1938 года — день аварии — был пятницей. Значит, Вукелич в госпиталь Святого Луки пришел тоже в пятницу, 20 мая. Зорге был еще слаб, но чувствовал себя лучше. Когда коллега рассказал ему о задании Москвы и о том, что группа не смогла его выполнить, Зорге потребовал врача в палату и в тот же день на свой страх и риск выписался из больницы. Так что «руководство» Клаузена длилось совсем недолго. Он просто не мог приходить к Рамзаю «время от времени», чтобы принимать информацию, которую тот, еще очень слабый после аварии, якобы получал от своих невольных информаторов из посольства.

В письме к жене Екатерине Максимовой, составленном в начале осени 1938 года, Зорге, обещавший ей вместе провести лето, использовал инцидент у американского посольства как оправдание своей неявки: «...Сомной произошел несчастный случай, несколько месяцев после которого я лежал в больнице. Однако теперь уже все в порядке, и я снова работаю по-прежнему.

Правда, красивее я не стал. Прибавилось несколько шрамов, и значительно уменьшилось количество зубов. На смену придут вставные. Все это результат падения с мотоцикла. Так что когда я вернусь домой, большой красоты ты не увидишь. Я сейчас скорее похожу на ободранного рыцаря-разбойника. Кроме пяти ран от времен войны, я имею кучу поломанных костей и шрамов.

Бедная Катя, подумай обо всем этом получше. Хорошо, что я вновь могу над этим шутить, несколько месяцев тому назад я не мог и этого...»

«Рамзай» пострадал действительно сильно — германские дипломаты говорили, что его лицо стало напоминать воинственную японскую театральную маску. Но работе в посольстве это помешать не могло, и даже успеху у женщин ничуть не повредило.

Место же аварии у американского посольства притягивает меня сегодня как магнит. Здесь произошел один из самых загадочных эпизодов в карьере советского разведчика Зорге, здесь она чуть не оборвалась, а значит, на этом месте могла завершиться и работа всей группы «Рамзая». Следовательно, осенью 1941 года Сталин мог и не получить достаточно убедительной информации о том, что Япония не нападет на Советский Союз, что дало советскому командованию возможность перебросить под Москву «сибирские» дивизии и остановить гитлеровское наступление — все то, что могло изменить весь ход мировой истории, могло и не

произойти, если бы удар о стену посольства был бы сильнее. Если прийти сюда ночью, несложно будет представить себе то, что произошло перед рассветом 13 мая 1938 года...

На виду у всех

Итак, важнейшим местом работы в Токио, местом получения самой важной и ценной информации, являлось для Зорге немецкое посольство. Разумеется, право на доступ к неиссякаемому кладезю ценной информации надо было завоевать. Рамзай приступил к штурму позиций немецкого МИДа, еще не прибыв в Токио — он, как настоящий аналитик, начал изучать обстановку в Японии по чужим публикациям, докладам, книгам. Юлиус Мадер, возможно, несколько «задирает» ситуацию, но доля истины в следующем его высказывании есть: «Разумные доводы Зорге (*относительно внешней политики и экономики Японии*. — А.К.) привлекли в Берлине внимание не только представителей сферы экономики, они пригодились, например, и доктору Герберту фон Дирксену, готовящемуся занять пост германского посла в Японии; с помощью материалов и комментариев, опубликованных Зорге, Дирксен мог в основных чертах составить себе представление об этой стране. Несомненно также и то, что он запомнил имя их автора, ибо по прибытии в конце 1933 года в Токио в качестве вновь аккредитованного посла Германии стал искать встречи с Зорге, ставшим к тому времени уже известным корреспондентом». То, что сам Герберт фон Дирксен о таком интересе в своих мемуарах не вспоминает, неудивительно — он писал их уже тогда, когда стало известно, что Зорге не только талантливый журналист-аналитик. Однако они действительно не раз встречались в посольстве, хотя, судя по всему, обстановка во время этих встреч была нейтрально-официальной. Об этом свидетельствуют некоторые сохранившиеся фотоснимки тех времен, а почувствовать атмосферу, в которой существовала германская миссия 1933–1938 годов, можно, знакомясь с воспоминаниями фон Дирксена: «Ко времени моего прибытия в Японию условия для работы германского посла в этой стране были идеальными, почти идиллическими. Япония — одно из самых отдаленных от моей родины мест, а это само по себе бесценный плюс в профессии дипломата. Никакой другой пост не доставлял больших удобств и приятностей в повседневной жизни иностранца вообще и дипломата в частности, чем работа в Японии: красивая, гостеприимная и интересная страна, в которой смешались черты дальневосточной культуры и западной цивилизации, очень недорогая жизнь, квалифицированный и дружелюбный японский персонал, неограниченные возможности для комфортабельных путешествий, удобства на морских и горных курортах с

их европейскими отелями, исторические храмы и замки с ценными коллекциями произведений искусства... Светская жизнь в Токио была более напряженной, чем это мог предположить случайный наблюдатель, пребывающий в уверенности, что огромное расстояние, отделяющее нас от Германии, лишало нас гостей из родной страны. Это действительно факт, что за исключением нескольких богатых семей, японцы в целом не принимают гостей в собственном доме, а делают это в ресторане, куда приглашают друзей на вечеринку с гейшами. И тем не менее у нас бывало много гостей из-за границы, особенно с тех пор, как германский торговый флот приобрел три новых первоклассных пассажирских корабля — “Gneisenau”, “Scharnhorst” и “Potsdam” — и все они по очереди стали заходить в Японию. В течение весны и лета ежегодно наблюдался устойчивый поток германских гостей из процветающих немецких общин Китая и Маньчжоу-го, в то время как и немцы, жившие в Токио и Иокогаме, также занимали много нашего времени. Большинство из них были богаты и имели высокое положение в обществе, и потому ожидали индивидуальных приглашений в посольство и Немецкий клуб, после чего приглашали нас к себе.

...Даже когда принцы крови посещали какие-то приемы, это порождало запутанные проблемы, которые приходилось срочно решать. На поминальной службе, проводившейся в немецкой церкви по случаю смерти президента фон Гинденбурга, мне впервые пришлось удостовериться, могут ли быть заняты галереи в присутствии принца Чичибу, который сидел внизу, как раз напротив алтаря. Сцена всегда была очень впечатляющей, когда толпа выказывала свое благоговение и почтение перед императором, соблюдая в его присутствии глубокую тишину, что вдвойне поражало, учитывая живой темперамент японского народа».

На встрече с принцем Титибу или Чичибу, учитывая разницу в транслитерации, присутствовал и Рихард Зорге. Правда, непонятно, на том ли самом протокольном мероприятии, которое описывал посол Дирксен, или на каком-то другом, но фотография, запечатлевшая разведчика с принцем крови, хорошо известна. Из-за внешней схожести принца и императора Сева некоторое время даже считалось, что Зорге встречался с самим потомком Солнца. Где происходили эти встречи, доподлинно неизвестно, но вполне возможно, что в самом посольстве, а находилось оно прямо напротив императорского дворца. По сложившейся в начале эпохи Мэйдзи традиции, представители ведущих империй мира стремились получить земли для своих дипломатических миссий в Токио как можно ближе к заповедному островку, окруженному рвом и крепостной стеной,

где жил император. Посольства России, Великобритании и Германии следовали именно этому правилу. Правда, как мы помним, во времена Зорге советская миссия уже переехала довольно далеко от дворца, на холм Мамиана, а вот посольство Германии и, вероятно, резиденция посла этой страны и Немецкий клуб — увы, последние два адреса пока точно не установлены, хотя Рихард Зорге очень и очень часто посещал их, находились прямо напротив дворца Потомка Солнца.

Оригинальное описание месторасположения германской миссии оставил посол фон Дирксен. Речь идет о «мятеже молодых офицеров» в феврале 1936 года: «Третья пехотная дивизия, расквартированная в Токио, подняла мятеж под командованием группы молодых офицеров, захватив контроль над жизненно важными районами столицы... Мы отправились на машине в дом военно-морского атташе, куда уже были эвакуированы моя жена и другие леди из посольства. Поскольку телефоны еще функционировали, у меня состоялся долгий разговор с генералом Оттом, который вместе с остальным персоналом был осажден в здании посольства, расположенном всего лишь в сотне ярдов от военного министерства.

Поскольку величественное здание парламента находилось как раз напротив нашего посольства, и штаб-квартира Генерального штаба также была недалеко, здание германского посольства оказалось в районе величайшей стратегической важности...

После довольно тревожной ночи мы были готовы к худшему, и с 8 утра ждали первого взрыва. Но в 8.30 было по-прежнему тихо, и в 9 часов мы осторожно поднялись наверх, на крышу, чтобы оценить обстановку. С этой удобной точки мы смогли заметить небольшие фигурки, слезавшие по одному с куполов парламентского здания. Очевидно, мятежники капитулировали».

Где же это место, с которого так хорошо было видно купол здания японского парламента, построенного, кстати говоря, по образу и подобию берлинского Рейхстага? Оно находилось недалеко от уже хорошо знакомого нам отеля «Санно», откуда начал свою жизнь в Японии Рихард Зорге и где мятежники устроили свой штаб, а сегодня зажато узкими и широкими дорогами, высокими охраняемыми заборами, стекающими с высот храма Хиэ-дзиндзя к императорскому дворцу. Весь этот район поглощен теперь почти бесконечным комплексом зданий современного японского парламента, хотя историческое здание японского «рейхстага» по-прежнему возглавляет этот довольно безликий архитектурный ансамбль. Увы, здание посольства, возможно, проекта Джошуа Кондера — «главного архитектора» мэйдзийского Токио — старый, красного кирпича с белой отделкой

особняк, напоминающий здание Токийского вокзала или музей Мицубиси в Маруноути, уже давно снесен. На месте, где раньше располагался оплот нацизма и место службы «Рамзая», выстроен комплекс зданий парламентской библиотеки, и, глядя на него, представить картинку семидесятилетней давности довольно сложно. А жаль — место это знаковое, доктор Зорге проводил здесь много времени, и проводил так, что японские дипломаты только диву давались. Ганс Мейснер вспоминал: «Как секретарь посольства, я выполнял обязанности начальника протокольной службы, должен был следить за соблюдением этикета на приемах и ведал их организацией. С этим у меня никогда не было хлопот. А вскоре после того как Отт стал послом, в Японию приехала одна из русских княгинь, близкая родственница русского императора Николая Романова. Теперь она жила в Германии и стала немецкой подданной, а поэтому наше посольство должно было позаботиться о ней. Во время визита княгини в Токио с ней произошел удивительный случай в нашем посольстве. Княгиня была приглашена на официальный прием. Был приглашен и Зорге. После обеда гости вышли из-за стола и группами разошлись по фойе.

Я заметил, что Зорге о чем-то строго говорит княгине. Мне показалось, что разговор не очень нравится гостье, и я решил помешать ему. Однако меня срочно вызвали к телефону, и мне не удалось сделать того, что я хотел.

Возвращаясь в фойе, я чуть было не столкнулся с княгиней в прихожей. Она быстрыми шагами направлялась к лестнице в свою комнату. По лицу ее текли слезы. Я, наверное, вскрикнул от удивления; помню, она приложила руку ко лбу и жестом показала мне, что не хочет ни о чем разговаривать. Я еще смотрел ей вслед, когда она вдруг остановилась, потом подошла ко мне и раздраженно сказала: “Это ужасно. Как он смеет так говорить!” Больше она не произнесла ни слова и только попросила меня никому не рассказывать о том, что я видел и что она тогда сказала. Сославшись на головную боль, она ушла к себе в комнату, а я вернулся в фойе и передал послу, что княгиня, почувствовав себя немного нездоровой, ушла к себе.

Мой взгляд остановился на Зорге. Он нервно ходил взад-вперед по залу, лицо его было злым. Тогда я подумал, что он сделал княгине какое-то оскорбительное замечание, которое привело к взаимной вспышке гнева. Теперь я понимаю, почему тогда так нервничал Зорге. Всем было хорошо известно, что княгиня ненавидит коммунистов. Зорге, тоже зная об этом, по-видимому, умышленно напомнил ей о судьбе ее семьи и, может быть, даже попытался оправдать действия большевиков. По-моему, именно это и

вызвало столь болезненную реакцию у княгини. А поведение Зорге в тот момент, когда я, проводив княгиню, вернулся в фойе, видимо, можно объяснить как сожаление о том, что он зашел так далеко в своем разговоре с княгиней.

... Теперь я сознаю, что если бы тогда официально доложил кому следует о поведении Зорге, то княгиня наверняка подтвердила бы все мной сказанное. Но Зорге везло даже тогда, когда другой на его месте обязательно бы оказался в беде из-за допущенной ошибки».

Мысль о том, что Рамзаю везло как раз потому, что никто не ждал от иностранного шпиона такого поведения, известна. Но повторю еще раз: дошедшие до нас описания поведения Зорге в быту — и дома, и даже, как видим, на дипломатических приемах, неизбежно приводят исследователей к выводу, что такое везение было четко рассчитанным психологическим приемом. Акцентируя на людях те свойства своей натуры, стороны характера, которые были ему присущи в значительно меньшей мере, чем казалось окружающим в Токио, Зорге добился того, что ему стали многое прощать, а на его выходки смотрели сквозь пальцы и немецкие дипломаты, и японские полицейские. То, что в действительности разведчик не был «ухарем-донгуаном», понятно из его послужного списка и особенностей карьеры. Каждый день его службы в Коминтерне и в советской военной разведке, работы в науке и в журналистике подтверждал то, что доктор Зорге прежде всего был серьезным специалистом, пропагандистом, вербовщиком, аналитиком. Более того, в китайский период его работы в разведке советский резидент допускал промахи в конспирации, на что ему было указано и из-за чего отчасти он был отозван в 1932 году в Москву. Урок не прошел даром: виновник внимательнейшим образом разобрался как в себе, так и в особенностях работы на Дальнем Востоке. В Японию он прибыл не только подготовленным как журналист-международник, но и как разведчик со своей уникальной, а потому — и практика это подтвердила — нераскрываемой моделью поведения. Причем никто особо не удивлялся, когда Зорге мгновенно снимал со своего украшенного многочисленными шрамами лица маску невыдержанного пьянчуги и становился вдумчивым исследователем, заставившим квартиру тысячью томов высоконаучных книг, или внимательным, тонким репортером. Так происходило, например, в следующем главном месте его работы — в штаб-квартирах информационных агентств Домэй, Дэнцу, ДНБ и многих других средств массовой информации, работавших в те годы в Японии.

Свидетельствует американский журналист О. Томпсон: «с 1936-го по лето 1941 года я находился в Токио в качестве корреспондента Юнайтед

пресс. Мой корпункт находился на седьмом этаже здания агентства Дэнцу. В том же коридоре располагались рабочие помещения Немецкого телеграфного агентства (ДНБ), агентств Гавас и Ассошиэйтед Пресс. Зорге часто заходил к своим коллегам из ДНБ. Я встречал его и на японских пресс-конференциях... Несмотря на наше поверхностное знакомство, Зорге мне нравился. Он был дружелюбным, отзывчивым парнем....Мне особо запомнился один случай. Японская полиция приставил к Зорге агента для постоянной слежки, как это она проделывала со многими из нас. Однажды этот агент пришел в корпункт, чтобы поболтать с моим помощником-японцем. Последний сказал мне, что прибывает в радостном настроении, так как Зорге попал в мотоциклетную катастрофу и в настоящее время находится в больнице Сен-Люк, отчего у полицейского высвободилось время для личных дел (*то есть Зорге встречался с Одзаки, а потом передавал «отчеты» Клаузе-ну под присмотром тайной полиции? — А.К.*). Я отправился в больницу, где узнал, что Зорге получил незначительные травмы и уже выписан. Когда я сказал об этом полицейскому, он пулей вылетел из комнаты, спеша вновь занять свой наблюдательный пост. Мне кажется, что за Зорге следили гораздо интенсивнее, чем за большинством из нас».

Что же это за удивительное здание, где находились одновременно и Дэнцу, и ДНБ, и Домэй, которые едва ли не каждый день посещал Зорге, и Гавас, и Ассошиэйтед Пресс, которых он, как идеологически выдержанный японский журналист, чурался, но где точно так же — почти каждый день — усердно трудился помощник «Рамзая» Бранко Вукелич? «Поистине, оно было бы достойно вывески “Штаб-квартира советской разведки в Токио в 1930-е годы”, если бы сохранилось», — с печальной уже привычкой подумал я и решил проверить. Но... здание сохранилось.

Наверно, каждому токийцу хорошо известна эта постройка в готическом стиле, напоминающая здание Ясуда в Токийском (бывшем императорском) университете, и выложенная коричневой плиткой, как это было модно в эпоху Мэйдзи. Здание, возведенное по проекту архитектора Коити Сато, появилось на юге парка Хибия незадолго до приезда Зорге — в 1929 году, когда самый старый в Японии парк, разбитый в европейском стиле, восстанавливали после Великого землетрясения 1923 года. Построенный за два десятилетия до уничтожившего большую часть Восточной столицы бедствия, парк Хибия сразу стал служить одной из основных презентационных площадок столицы. Увы, это именно здесь уже в 1904 году прошли первые выставки трофейного — русского оружия, захваченного японскими войсками на полях Маньчжурии.

Парк неоднократно перестраивался, и сегодня он уже не такой европейский, как раньше. Три из пяти зон парка ныне выполнены в японском стиле, и только две — в западном. Но даже при этом японские секции распланированы, как говорят садовники, регулярно — по-западному. Все в этом парке симметрично или по крайней мере четко выверено, даже если кажется, что где-то что-то посажено или построено случайно. Практически круглый год цветут цветы, которые меняют в зависимости от сезона, через всю территорию парка проложены тенистые и не очень аллеи, которые хоть немного оживляют слишком уж прилизанную, немного «пластиковую» красоту парка, а жарким буддийским летом дают вожделенную прохладу. Такие же аллеи существовали и семьдесят лет назад, когда величественное здание на окраине парка еще не было культурным центром Хибия. Оно строилось совсем под другие нужды, использовалось журналистами многих стран, и именно здесь Зорге и Вукелич почти каждый день черпали значительную часть той информации, что шла потом в зашифрованном виде в «Висбаден» и «Мюнхен» — Владивосток и Москву. Мы уже знакомы с одной из версий распорядка дня Рамзая, а вот как описывал его начало дня служивший с ним в посольстве Мейснер: «Завтрак у посла вскоре стал традицией. Каждое утро Зорге, просмотрев свежие газеты и побывав в японском телеграфном агентстве “Домэй Цусин”, отправлялся в посольство. Там он знакомился с поступившими за ночь телеграммами о положении в стране и за рубежом. В семь часов утра Зорге являлся на завтрак к Отту и докладывал ему обо всем, что произошло в мире за истекшие сутки. Отт был в восторге от талантливого журналиста, умевшего быстро оценить факты и доложить о них так четко. Никто не мог и подозревать, что все это было только мастерски исполняемой театральной ролью и имело целью добиться расположения единственного на Дальнем Востоке человека, который мог предоставить полную свободу действий в посольстве и открыть доступ ко многим его секретам».

Однако далеко не всегда Зорге отправлялся из Хибия в посольство. Если по каким-то причинам он попадал в «Домэй» во второй половине дня, то нередко, пройдя старыми парковыми аллеями, подходил к коричневому деревянному домику в немецком стиле, который напоминал ему вторую родину — Германию, тосковал по ней, как кинематографический Штирлиц, собирая листву в Бабельсберге, тосковал о Сибири. Напротив домика есть выход из парка, ведущий в уже хорошо знакомый нам, а еще лучше знакомый когда-то самому Зорге, отель «Империал» и в квартал, где «Рамзай» бывал почти каждый вечер — Гиндзу. И бывал там не один.

Золото Кетеля

Пиво, вино, мотоцикл и женщины — все это были клапаны души Зорге. Через них он выпускал пар, и благодаря им его душа нашла успокоение и память. Кто-то из исследователей, знакомившихся с делом Зорге, сказал, что его показания больше всего походили на путеводитель по ресторанам и значным местам Токио. Для меня путеводитель по местам Зорге в Токио начался не только с Нагадзака, но и с Гиндзы, с «Кетеля».

Гиндза — главный торговый и развлекательный квартал Токио, а значит, и всей Японии. Бывший в далекие самурайские времена местом расположения цехов и лавок мастеров чеканки монет, ювелиров и оружейников, он сохранил в себе память об ушедшей эпохе в названии: Гиндза — «Серебряное место» или, говоря по-московски, Серебряники, да в неумиряющей и неумной тяге к шопингу. Во времена советской разведки здесь собирались в прямом смысле слова больные люди: психологи описали тогда вспышки «болезни Гиндза», которая возникала у ярых фанатов прогулок по главному всеяпонскому шопинг-центру, если они оказывались по каким-то причинам лишенными этого удовольствия на несколько дней. В японском языке появился даже новый глагол, отражающий особый статус по сути бесцельного, но по ощущениям необыкновенно приятного нахождения на Гиндзе, — «гинбура», то есть «прогулки по Гиндзе». Сейчас это слово почти забыто, да и сам дух гуляния по Гиндзе несколько изменился. Особенно это стало заметно после того, как здесь открылся первый за пределами США магазин «Apple» и проник лидер недорогой одежды в стиле sport-casual — «Uniqlo». Тем не менее и сегодня на Гиндзе можно встретить необычных людей, нередко и молодежь, хранящих в сердце дух гинбура. Однажды передо мной выскочил из переулка, как черт из табакерки, молодой парнишка в джинсах и в футболке, но в старинных деревянных сандалиях гэта-тэнгу с одной высоченной перекладиной, и бодро почапал в сторону бутика «Hermes». Но, конечно, Гиндза — не дневной район, Гиндза — сияющее царство глубокого токийского вечера, когда открываются фешенебельные рестораны, а главное, клубы — знаменитые клубы Гиндзы с их роскошью, уютом даже в небольших, по европейским меркам, помещениях, с баснословными ценами и столь же легендарным сервисом. Основа сервиса — хостес, «хозяйюшки». Уникальная японская женская профессия, не имеющая ничего общего с европейскими или американскими хостес, и

напрямую восходящая своими генеалогическими корнями к настоящим японским гейшам. Ремесло же гейш, как бы они ни акцентировали внимание неопитов на своем умении развлекать почтенную публику пением и танцами, все же зиждется на совершенно ином мастерстве — искусстве психолога.

Так повелось, что для японского мужчины, в силу особенностей островного менталитета и тысячелетиями складывавшегося образа жизни, недостаточно одной женщины. Жена в японской семье хранит очаг в широком понимании этой метафоры, то есть ведет домашнее хозяйство и воспитывает детей. Японский мужчина справедливо полагает, что на этом поприще его супруга устает достаточно для того, чтобы не теревить ее животными страстями и не будоражить своими рабочими проблемами. Поэтому за сексом мужчина идет к проституткам, а трудности понимания на фирме, взаимоотношений в коллективе, да и с той же женой, обсуждает с другой — третьей женщиной. Понятно, что выйти на такой разговор с бухты-барахты непросто. Куда легче начать его за рюмкой саке или бокалом виски. Вот здесь-то и появлялись на сцене, причем вначале — в буквальном смысле, специально обученные женщины — в старину гейши, а ныне — хостес. Они и разговор могли (и могут!) поддержать на любую тему, и вовремя расслабляющего напитка подлить жаждущему понимания герою. И основной заработок этих женщин — не оклад в заведении (как правило, мизерный), а чаевые щедрого и благодарного за понимание клиента. Конечно, сплошь и рядом случается, что господа-гости путают функции «второй» и «третьей» женщины и обращаются к «хозяйюшке» с непристойными предложениями, но так уж устроен мир — ничего не поделаешь, или, как говорят японцы, сиката га най. Да и самой гейше или хостес никак не забыть о том главном, что привело ее в профессию, и что, как мечтается девушке, позволит однажды эту профессию забыть навсегда — о данна, богатом возлюбленном, способном превратить ее из золушки в арендованном кимоно или платье со стразами в принцессу. Гиндза — вечернее царство дорогих хостес, и так было всегда с тех самых пор, как только в двадцатых годах двадцатого же века первые гейши сменили платье на кимоно, саке на виски, а танец «прощание с самураем» на танго. Гиндза времен Зорге была местом, где зарождалась новая профессия с древними корнями, и еще совсем недавно следы этого процесса можно было пощупать руками.

Всего лишь несколько лет назад, если идти по Харуми-дори от главного перекрестка 4-го квартала Гиндзы — оттуда, где высятся универмаги «Мицукоси» и «Вако», здание Санай-биру, известное в народе

как «стакан», — в сторону центра, отеля «Империал» и парка Хибия, и повернуть налево на Намики-дори, то через сотню метров по левой стороне можно было найти этот дом. Дом как дом, ничего необычного. Стандартная, безликая постройка. Но на первом этаже рядом с большим, до пола, окном, сбоку от двери, висела вывеска с крупными, видными издали буквами: «КЕТЕЛ». И еле заметная металлическая мемориальная доска с портретом импозантного пожилого европейца.

Звали почтенного выходца из старушки Европы — Гельмут Кетель, и он был основателем заведения, называвшегося перед войной «Рейнгольд», то есть «Золото Рейна». В начале прошлого века герр Кетель служил в Китае, в городе Циндао, который с 1897 года был германской колонией (поэтому китайское пиво «Циндао», как говорят, до сих пор по вкусу походит на немецкое). С началом Первой мировой войны в 1914 году японцы осадили и после упорных боев захватили город, пленив гарнизон крепости и интернировав гражданских лиц. Военный моряк Гельмут Кетель поневоле перебрался в стан победителей, оказавшись в лагере военнопленных в Нарасино неподалеку от Токио. Когда в 1919 году пленных освободили, бывший моряк отказался возвращаться на родину и переехал в Восточную столицу, решив заняться собственным делом и познакомить победителей с германским способом ведения дел. Таких как он, в Нарасино набралось тридцать человек из пяти сотен военнопленных. Всем им понравилось в Японии, и они всю жизнь (а Гельмут Кетель скончался в 1961 году) старались держаться вместе. Кто-то научил японцев варить колбасу, кто-то преподавал немецкий язык в университетах, кто-то делал сгущенное молоко и конфеты, а Гельмут Кетель после десяти лет неудачных поисков и творческих метаний в ноябре 1929 года основал заведение, которое, благодаря одной его сотруднице и одному посетителю, внесло имя бывшего моряка в историю.

Немцев, да и вообще белых иностранцев — гайдзинов, в тогдашнем Токио было куда меньше, чем сейчас. Один из них — некий Ломьер, тоже бывший пленный из Циндао, открыл свой ресторан в подвале тоже где-то на Гиндзе — Зорге любил иногда отобедать у него, но это было дороговато. Но вот настоящих немецких пивных — «бирштубе» до 1930 года тут не было вовсе, хотя и тогда уже процветали местные подделки под них, а значит, был спрос, несмотря на отсутствие носителей пивной культуры. Гельмут Кетель, сразу получивший прозвище «папаша Кетель» за солидность и корпулентность, решил спрос удовлетворить и открыть в Токио самую что ни на есть настоящую «бирштубе» с немецким пивом и немецкими сосисками. Говорят, с разливным пивом у него были проблемы,

зато ассортимент бутылочного впечатлял. Что касается сервиса, то папаша Кетель разумно рассудил, что от добра добра не ищут, и предупредительных и вежливых официанток-японок просто передел в традиционные немецкие костюмы. К слову сказать, и сегодня в Токио немало полуиностранных-полуяпонских баров, которые идут по такому, уже ставшему привычным, беспроегрышному пути.

Правила работы у папаши Кетеля были весьма занятные. Жалованья официанткам он не платил совсем и даже, по некоторым сведениям, заставлял их выкупать «спецодежду» — те самые немецкие платья. Это слегка напоминало работу гейш, которые тоже трудились в долг, а стоимость их «спецодежды» — кимоно — засчитывалось им в счет будущих заработков. Возможно, расчетливый немец как раз у гейш это и подглядел. Но, так же как и гейши, его официантки получали чаевые и, в отличие от японских хозяев, все заработанное папаша оставлял своим девочкам. Это был почти социализм в одной отдельно взятой немецкой пивной: кто как поработал, тот так и получил.

Заведение, несмотря на немалые цены, процветало. В первую очередь за счет немцев, которых по мере развития сотрудничества между Третьим рейхом и Страной восходящего солнца здесь становилось все больше и больше, а репутация заведения папаши Кетеля манила. Гайдзины с удовольствием шли в странный ресторан, где совмещались японские и европейские порядки и меню, были щедры и благосклонно дарили своим вниманием молодых японок, а потому от нехватки персонала и гостей хозяин не страдал. К тому же, как всякий предприниматель средней руки, Гельмут Кетель поддерживал связи с другими иностранными коммерсантами в Токио. Одним из его приятелей был немец Ферстер, державший маленькую и, мягко говоря, не слишком прибыльную мастерскую по изготовлению всякого рода инструментов, отверток, гаечных ключей. От краха Ферстера спас другой германский завсегда́тай «Рейнгольда», пришедший сюда либо по рекомендации Зорге, либо вместе с «Рамзаем», — Макс Клаузен, ставший партнером Ферстера. Это в их «Инженерной компании Ф. и К.» Рихард Зорге купил тот самый «Цундап», на котором врезался в стену американского посольства...

С рестораном «Кетель» меня познакомил и рассказал его историю Василий Молодяков. Когда-то давно, в молодые годы, он подрабатывал в Токио гидом, но в соответствии с образованием и склонностями придавал своим экскурсиям историко-политический уклон. Если между гидом и туристами устанавливалось полное взаимопонимание, экскурсии нередко заканчивались обычно на Гиндзе, в «Кетеле», где за бутылкой доброго

«Варштайнера» или «Шнайдервайса» Василий Молодяков рассказывал историю этого заведения и его посетителей — уже вне обычной туристической программы.

Мы с Василием полюбили «Кетель», хотя ходить туда часто было не по карману. Водили своих друзей и подруг, коллег, потом туристов, как-то раз даже веселую компанию болельщиков во время чемпионата мира по футболу. Про Зорге в заведении тогда — в 2002 году — уже никто не помнил, а может, не хотел вспоминать — имя-то в Японии известное! Но в зале всегда находился полный пожилой немец, хотя весь персонал был японский. Хозяин? Мы не спросили. А теперь уже негде и некого.

Мы сидели на высоких удобных стульях, расправляясь с сосисками и свиной голяшкой и глядя, как густое пиво с трудом стекает по стенкам бутылки. Для его скорейшего попадания в стаканы здесь была разработана особая техника. Официантка искусно, очень быстро и ловко перекачивала опрокинутую вниз горлышком бутылку в ладонях, и пенящаяся жидкость под воздействием каких-то хитрых физических законов красиво скручивалась из сосуда в высокий бокал. Вкупе со своеобразной обстановкой, нарядом официанток и знанием истории места все это производило неизгладимое впечатление, составляя, как сейчас сказали бы, «особую энергетику» ресторана.

Финальным аккордом каждого посещения «Кетеля» был расчет в кассе. Никаких калькуляторов и, боже упаси, кассовых аппаратов. Неторопливая, но сноровистая пожилая японка с пораженными артритом пальцами вручную заполняла счет, подсчитывая сумму на соробане — старинных японских счетах. Почему мы тогда не поговорили с ней? Почему не расспросили о ее истории? Я бы совсем не удивился, если бы она рассказала нам, как Рихард Зорге — высокий худощавый немец с широкими покатыми плечами в белом костюме лез в свой кошелек под звук этих же самых костяшек. Увы...

Летом 2005 года, пять лет спустя после смерти одной из главных героинь самой яркой шпионской истории Японии, «Кетель» закрыли, а мемориальную доску сняли. Ни тетушку-кассира, ни японских официанток в немецких платьях, «раскатывающих» «Шнайдервайс», мы так и не удосужились сфотографировать. Тогда нам казалось, что «Кетель» вечен и все еще успеется. Мы ошиблись, и на память осталась только пара любительских снимков, сделанных во время очередного туристического визита, да завалившийся в бумажнике счет — за посещение «самого шпионского бара Токио». Потому сегодня нам приходится только перечитывать воспоминания очевидцев походов советского разведчика в

«Рейнгольд» к папаше Кетелю, да работы тех историков, при которых вся эта обстановка была еще далека от того, чтобы оказаться теряющейся частью истории. Одним из них и первым, рассказавшем о самой романтической стороне жизни Зорге в Токио, стал советский журналист Всеволод Овчинников. В 1964 году ему первому удалось встретиться с бывшей официанткой из «Рейнгольда» Исии Ханako. Она и поведала журналисту начало удивительной истории любви японской девушки и советского разведчика немецкого происхождения.

Девушка по имени Ханako родилась в обычной токийской семье в 1911 году и сначала носила фамилию Миякэ. Она окончила школу, курсы медсестер и мечтала о сцене — от природы у нее были хорошие данные к вокалу. Финансовое положение семьи не позволило ей начать карьеру, и девушка вышла на работу в ресторан. С Рихардом Зорге судьба свела ее 4 октября 1935 года — в день его сорокалетия.

Папаша Кетель позвал к себе Агнесс — так звали Ханako в ресторане, где у всех девушек помимо немецких платьев были европейские псевдонимы, и, приказав захватить бутылку шампанского, указал на высокого элегантно одетого иностранца, в одиночестве сидевшего за столиком: «Этому господину сегодня исполнилось сорок лет, — сказал он. — Постарайся, чтобы гостю запомнился праздничный вечер!» Де-факто Кетель поручил Ханako-Агнесс работу хостес, но похоже, что «Рейнгольд» стоял у истоков этого, ныне процветающего, бизнеса, и никого — ни гостей, ни девушек — это не смущало. Агнесс под села к Рамзаю и налила ему вина. Несмотря на то что она работала в иностранном заведении и немного говорила на немецком языке, общение с гайдзином для обычной японской девушки — не самое простое занятие. Особенно если клиент замкнут, неразговорчив и, в отличие от многих японцев, четко понимающих, зачем они идут к хостес, не начинает немедленно беседу о трудностях на работе, в семье и о цвете нижнего белья девушки. Зорге в тот день явно не был расположен к общению. Пересечение сорокалетнего рубежа для мужчины вообще не самое веселое занятие, а уж встреча такого дня рождения далеко от родины, на секретной работе и в полном, абсолютном одиночестве — это могло подорвать веру в лучшее будущее у самого уравновешенного человека. Ханako, разумеется, ничего не знала о своем клиенте, но, будучи хорошим специалистом в своем деле, почувствовала, что проблема весьма серьезна и с ней надо что-то делать. Подливая шампанское, она обронила: «Люди веселятся в день рождения, а вам, наверное, скучно у нас». Именинник с горькой усмешкой ответил: «Если тебе доведется отмечать сорокалетие так же далеко от родных мест,

поймешь, что это за событие», и дальше этого их общение в первый вечер почти не зашло. Однако они запомнили друг друга, и, как вспоминала Ханako, обладавшая хорошим музыкальным слухом, ее поразило несоответствие его волевого лица и приятного, даже нежного, голоса. Как говорили люди, знавшие Рихарда лично, он вообще мог быть очень интеллигентным и приятным в общении человеком, но внешне действительно походил на образ диковатого, хотя и привлекательного, харизматичного героя-любownika из популярных кинолент того времени. Сам же «Рамзай», судя по всему, запомнил широкоскулую 24-летнюю девушку с приятным низковатым голосом и вскоре получил возможность отблагодарить ее за попытку сделать день рождения хоть капельку веселее не только щедрыми чаевыми.

Неделю спустя они случайно встретились в музыкальном магазине на Гиндзе (вероятно, это был и ныне существующий магазин «Дзюдзия» в 3-м квартале) и вместе выбрали несколько грампластинок. Выбор этот очень интересен. Ханako купила пластинку с записями Федора Ивановича Шаляпина, в том числе с «Дубинушкой», а Рихард — то ли в соответствии с маской германского патриота, то ли по зову сердца — Симфонию № 3 Людвиг ван Бетховена, больше известную как «Героическая». За все покупки заплатил Зорге. В соответствии с нравами того времени и статусом Ханako он сразу же предложил поехать послушать музыку у него дома — на склоне Нагадзака. Помните упоминавшийся всеми гостями Зорге граммофон? Девушка согласилась, и, если они слушали купленные новинки вместе, должно быть, это была удивительная, пожалуй, даже сюрреалистическая, картина: японка и советский разведчик поднимали бокалы и, вполне возможно — почему бы и нет? — занимались любовью под «Дубинушку», звуки которой могли быть слышны в ночной тишине от полицейского участка Ториидзака до посольства Советского Союза. Впрочем, прекрасная и духоподъемная 50-минутная «Героическая» симфония тоже стала бы удивительным музыкальным фоном одного из самых необычных вечеров в истории.

Таким вот необычным образом, приблизительно 11 октября 1935 года, началась история любви Рихарда Зорге и Исии Ханako, длившаяся на первый взгляд ровно шесть лет — до ареста Рамзая 18 октября 1941 года. Но это только на первый взгляд. То, что было потом, после ареста, потрясает куда больше, чем их плотские отношения, однако стоит сказать несколько слов и об этом. То, что Ханako искренне и преданно, всей душой любила Рихарда — неоспоримый факт. Она доказала это всей своей жизнью. Любил ли он ее? На этот вопрос нет и никогда не будет ответа.

Она часто и подолгу жила у него, хотя окончательно так и не переехала из дома матери в районе Хигаси-Накано. Ее часто называют «гражданской женой» Зорге, что понятно — надо каким-то кратким и понятным образом определить статус человека, сделавшего для сохранения и увековечивания памяти Рамзая больше, чем весь Советский Союз. Но она часто покидала дом Зорге и подолгу там не появлялась, ибо у Ики, как звали Зорге близкие друзья, в это время были другие любовницы. Известно, что спустя год после знакомства — осенью 1936-го — Ханako переехала на Нагадзака, но прожила там только до начала нового года, да и то ночуя у Зорге далеко не каждый день. Она и позже приходила к нему несколько раз в неделю вплоть до октября 1941 года, и в какой-то момент даже хотела стать его официальной женой. Ханako очень хотела от него ребенка, хотела нормальной семейной жизни, что так естественно для молодых девушек, какой бы национальности они ни были. Зорге, конечно, отказался, но постоянно выделял ей некоторую сумму на жизнь, что позволило девушке в июне 1937 года оставить работу в «Рейнгольде», и даже оплачивал занятия с немецким педагогом по вокалу. Ханako прекрасно знала о том, что у Рихарда бывают другие женщины. Когда японские полицейские пытались вызвать в ней чувство ревности, она лишь пожала плечами: «В конце концов, он холостяк, и вполне естественно для такого выдающегося человека иметь несколько любовниц, не так ли?»

Полиция не сразу выделила особые отношения Зорге с Ханako из ряда других его интимных связей. Позже Исписан вспоминала, что только в августе 1938 года к ней домой в Хигаси Накано приехал агент военной полиции кэмпэйтай. Три года для выяснения деталей знакомства японки с иностранцем — невероятно долгий срок для контрразведки. Видимо, к тому времени интерес к Зорге у кэмпэйтай сложился вполне предметный. Ханako вспоминала, что агент не просто расспрашивал о привычках, распорядке дня, занятиях Зорге, но и попросил принести какую-нибудь бумагу, отпечатанную на машинке ее любовника. Девушка всегда отличалась решительным характером и отказала полицейскому. Он ушел, попросив никому не рассказывать о своем визите, а она немедленно отправилась к Зорге, чтобы все ему рассказать. Агент, посетивший дом Исии, входил в группу, постоянно «опекавшую» советского резидента, — Ханako видела его следящим за домом Рихарда в декабре 1938 года, а в мае 1939-го, когда Рамзай уехал в Гонконг, контрразведчик снова появился у Ханako с расспросами о путешествиях Зорге.

В 1941 году девушка стала объектом интереса уже специальной политической полиции — токко. В августе ей пришлось побывать в

полицейском участке Ториидзака — прямо напротив дома, где они когда-то слушали Шаляпина и Бетховена, и в ответ на требования или следить за Зорге, или прекратить с ним всякие отношения девушка пригласила начальника участка на обед в дом Зорге.

«Летом 1941 года, — вспоминала Ханako, — над Зорге начали сгущаться тучи. В июле меня вызвали на допрос в полицию, чтобы заставить следить за Рихардом, уносить оставшуюся после его работы копировальную бумагу, докладывать о всех его выездах. Я, конечно, наотрез отказалась. Жандарм, который вел допрос, попытался запугать меня, заявив, что они сделают так, что Зорге сам откажется от встреч со мной. Но я ему не верила: не такой человек был Рихард, чтобы поддаться на провокацию. Когда меня наконец отпустили, потребовав ничего не говорить Зорге, я поспешила домой и, разумеется, все до мельчайших подробностей рассказала Рихарду... Однако визиты жандармов участились. Они приходили в отсутствие Рихарда (видимо, слежка за ним велась уже по всем правилам), подолгу расспрашивали о его делах: куда он ездит, кто к нему приходит, чем занят вечерами. Я, как умела, отводила подозрения шпииков, но тревога, поселившаяся в моем сердце, уже не покидала меня...»

Когда все кончилось и Зорге был арестован, он обратился к прокурору Ёсикава, который вел его дело и хотел включить в него Исии Ханako: «Я прошу ни в коем случае не преследовать Исии-сан. Она совершенно не имеет никакого отношения к моей деятельности разведчика. В конце концов она когда-нибудь выйдет замуж за школьного учителя».

Несмотря на то что по своим убеждениям Ханako была социалисткой-любительницей («Как и многие другие женщины, я имела обыкновение читать левые романы»), она действительно была далека от понимания подлинной деятельности Рамзая, хотя догадывалась, что он не только журналист. Ее первой любовью был студент, исключенный из учебного заведения за социалистическую пропаганду, и Ханako с сочувствием слушала высказывания Зорге о классовой борьбе, социализме и милитаризме, нацизме и других вопросах, которые не должны были бы волновать эту девушку, если бы не любовь к человеку, высказывавшему такие резкие суждения. Она воспринимала его таким, какой он есть, не слишком задумывалась над его работой, хотя видела грозящую ему смертельную опасность. Она не давала себе шанса показать ревность к другим женщинам и любила его как могла. А любить Ханako могла самозабвенно, с полным отречением. С невыразимой грустью она вспоминала о событиях июня 1941 года, когда две родины Рихарда столкнулись в смертельном бою: «Тогда я впервые увидела, как плачет

Зорге. Я посадила его к себе на колени и стала гладить спину. Заглянув ему в лицо, я заметила, что он плакал без слез. Когда я удивленно спросила его, в чем дело, он ответил: “У меня нет друзей и близких. Тяжело”. Я подумала тогда, каким одиноким делает человека его работа».

Рихард Зорге не знал, не мог знать, что он не одинок. Ханako всего через четыре года доказала, что это была такая любовь, о которой пишут романы. Придя в «Рейнгольд» 4 октября 1935 года, Зорге нашел там свою судьбу — Исии Ханako была настоящим золотом Кетеля. И этим «Рейнгольд» навсегда вписал свою вывеску в историю, хотя помимо «Золота Рейна» доктор Зорге часто бывал и в других заведениях.

Из чрева «Летучей мыши» к вершинам «Фудзи» и в «Азию»

Сегодня в Токио насчитывается около двух миллионов всевозможных ресторанов, баров, кафе. Весьма значительная часть из них — «в западном стиле», но много и китайских, огромное количество корейских, есть непальские, тибетские и русские. Как-то раз побывав в «Кетеле» вместе с русскими туристами и отведав пиво под свиную рульку, мы отправились напрямиком в ресторан русской кухни, где, правда, из бесконечного меню с медвежатиной, холодцами и котлетами по-киевски в наличии оказались только рыбные пельмени и йогурт. Возникли рестораны иностранной кухни в Токио еще в период Мэйдзи, когда страна только открывалась для чужеземного влияния, а на рубеже веков иноземный общепит стал плодиться на благодатной для гурманов почве Восточной столицы как грибы после дождя. Ко временам, когда сюда приехал Рихард Зорге, в Токио был уже почти такой же список иностранных ресторанов, как и сейчас, если брать не их количество, а перечень стран, чья кухня была представлена токийцам. Естественно, что «Рамзай» ни в коем случае не посещал русские рестораны, содержащиеся в основном бежавшими от Советов сибиряками, но очень любил заведения родной немецкой кухни. Про «Рейнгольд» мы уже знаем. Помним и о шикарном местечке у Ломьера, но, по отзывам людей, знавших его, Зорге с особым пристрастием относился к простой кухне и любил незатейливую, «пролетарскую» обстановку. Анна Куусинен, которая всегда относилась к бомонду — в какой бы стране она ни жила, вспоминала: «Как и было условлено, мы встретились с Зорге в баре. Это была низкопробная немецкая пивнушка, и я попеняла Зорге на то, что он заставил идти в такое отвратительное место женщину, до того жившую в отеле “Империял”. Зорге на мои слова не обратил внимания». По всей вероятности, речь идет о любимом баре Рамзая — «Фледермаусе» — «Летучей мыши» в переводе с немецкого языка на русский. Это место принадлежало немцу по фамилии Бирке и тоже, по сути, было хостес-клубом, но представляло собой полную противоположность «Рейнгольду». Здесь вмещалось всего четыре столика, которые обслуживала парочка официанток, знавшая в лицо и по пристрастиям каждого посетителя, — чужие туда не ходили. Зорге не был чужим. Князь Урах назвал «Фледермаус» «прокуренным, непривлекательным баром», где его друг мог не рискуя встретиться со

знакомыми ему германскими дипломатами и вообще с приличными людьми, выпустить пар, «проходя все возможные стадии опьянения: поднятие духа, слезливую жалость, агрессивность, манию преследования, манию величия, горячку, полубессознательное состояние и, наконец, мрачное, унылое состояние одинокого похмелья, от которого можно было избавиться лишь с помощью еще большего количества алкоголя». Согласимся — нашему резиденту такое место в центре Восточной столицы было просто необходимо, тем более что наполовину он все-таки был русским.

Писатель Фридрих Зибург не раз был приглашен Зорге в «Летучую мышь», но, не зная ничего о второй стороне жизни знаменитого журналиста, не сумел проникнуться любовью Рихарда к «Фледермаусу», хотя, по счастью, и не преминул оставить для нас точное описание этого выдающегося места: «Это была унылая, мрачная дыра с грязными, вытертыми сиденьями, покрытыми неким подобием гобелена. Здесь не было ничего японского, за исключением одной-двух низкого пошиба девиц-официанток, которые обычно приходили и садились рядом с посетителями, обнимая их руками за шею и неестественно хихикая. Японцы вряд ли посещали такие места, и для меня осталось загадкой, как человек с таким вкусом, как у Зорге, мог часто посещать подобную дыру».

«Фледермаус» стал первой явкой для прибывшего в 1935 году в Токио радиста Макса Клаузена. Он остановился в отеле «Санно», отправился в находившийся где-то совсем рядом немецкий «Кэйхин-клуб», где неожиданно встретил Зорге. Разговаривать в клубе они не могли, и командир разведгруппы назначил встречу своему радисту не в баре «Гейдельберг», как предполагалось ранее, а в «ресторанчике, который посещала только избранная публика, немецкий бомонд» — ...во «Фледермаусе». Увы, в отличие от недоумевавшего Сибурга Клаузен ничего не рассказал о своих впечатлениях от «ресторанчика для бомонда», равно как и неизвестен пока адрес этого необычного места. Можно только предполагать, что он тоже находился неподалеку от отеля «Империал», в «ресторанном треугольнике» Восточной столицы, образованном вершинами Гиндза — Юракуте — Симбаси.

Нет сомнений, что в этом же треугольнике и, скорее всего, именно на Гиндзе располагался дорогой хостес-клуб «Фудзи», подробно описанный Мейснером в его книге «Кто вы, доктор Зорге?». В этом клубе работала девушка по имени Киоми, которая должна была составить конкуренцию Ханакэ, но не по собственной воле, а по приказу начальника контрразведки полковника Осаки. По версии Мейснера, Киоми всегда была под

подозрением Зорге, но отчасти свою функцию все-таки выполнила, сообщая о передвижениях подозрительного немца и дав возможность полиции найти одну из улик — порванное в клочки и выброшенное донесение Рамзая. Сам Зорге вспомнил о клубе «Фудзи», давая показания в суде после своего ареста: «Войдя в зал клуба, я сразу увидел Мейзингера (*полицай-офицера германского посольства. — А.К.*), который за одним из столиков беседовал с японским офицером. Со слов Мейзингера я знал, что это полковник Осаки. Дело в том, что я давно пользовался среди японцев репутацией человека, умеющего много выпить, не хмелея, и понимающего толк в женской красоте. Мейзингер говорил мне, что Осаки давно хочет со мной познакомиться, и вот этот случай представился. Я быстро понял, что Осаки, как и все японцы, любит сакэ и увлекается женщинами. Ссылаясь на мою репутацию, японец поинтересовался, где я встречаю хорошеньких женщин, и сказал при этом, что в кабаре при клубе “Фудзи” можно увидеть одну из самых прекрасных танцовщиц. Свет в зале погас, и она появилась. Девушка была в маске, но стройность ее фигуры являлась достаточной компенсацией за то, что скрывала маска. Не желая портить свою репутацию волокиты, я проявил повышенное любопытство и засыпал Осаки вопросами об этой девушке. Он сказал, что ее зовут Киоми, что она дочь влиятельного и богатого японца, девушка порядочная. Я внимательно выслушал Осаки, но усомнился в справедливости его последнего замечания».

Из этого отрывка хорошо видно, что Зорге прекрасно анализировал свое собственное поведение, он видел себя со стороны и сознательно моделировал свой имидж бабника и пьяницы, выстраивая линию поведения, которая могла бы максимально ослабить интерес к нему со стороны японской полиции. Увы, клуб «Фудзи», где произошла решающая встреча полковника Осаки и резидента Рамзая, был местом начала конца. Если Мейснер прав, то донесение, которое удалось перехватить японским контрразведчикам благодаря танцовщице из «Фудзи», содержало информацию о готовящемся японском ударе по Пёрл-Харбору. Встреча с Киоми, во время которой Зорге неосмотрительно выкинул эту бумагу, произошла 14 октября. 18-го рано утром он был арестован.

Таких клубов, как «Фудзи», сегодня на Гиндзе немало. Наверняка есть даже и с точно таким же названием. Есть ли между ними связь? Вряд ли. Адрес «Фудзи» неизвестен, как и адрес большинства других ресторанов, где бывал Зорге и члены его группы, — «Гейдельберга», «Кавана», «Голубой ленты» близ Сукиябаси и прочих. Но в истории многое повторяется. Например, о баре «Летучая мышь» я вспоминаю каждый раз,

когда бываю приглашен одним моим знакомым японцем в ramenную — лапшичную неподалеку от станции Симбаси, что, в свою очередь, совсем рядом с парком Хибия. В маленьком ramenном стоят несколько столиков, работает грязноватая официантка-индианка, которая, по счастью, никого не обнимает за шею. За стойкой стоит хозяин — пожилой и очень крупный японец с огромным ртом, в засаленной до изумления когда-то белой футболке и поварском колпаке, с разбитыми ушами борца и в очках с такими жирными стеклами, что глаз за ними не видно, но зато на них можно было бы жарить картошку. Официантке помогает жена хозяина — маленькая старушка с тремором, заставляющим переживать за ее жизнь всякий раз, когда она встает на стул, чтобы достать из стенного шкафа очередную бутылку саке. Теоретически в этой ramenной есть меню — несколько засаленных листков бумаги стандартного формата, исписанных вручную и никогда не спрашиваемых посетителями, потому что снова — чужие здесь не ходят, а постоянные знают, что заказывать бесполезно и неправильно. «Фишка» этой ramenной в том, что хозяин каждый вечер заново придумывает меню и кормит посетителей исходя из своего настроения, выставляя потом счет «на глаз». За один вечер я попробовал тут одновременно сырую рыбу — сасими, болгарские голубцы в йогурте, сырых осьминогов в остром соусе васаби и печенье. Все это было очень вкусно, но вызывало сложные чувства, сходные, вероятно, с ощущениями, испытанными Фридрихом Зибургом при посещении «Фледермауса». Единственное, чего я никогда не видел в этой ramenной, так это самого рамена. Зато всякий раз убеждался, что попасть сюда с улицы очень непросто. Когда бы мы ни пришли, за нами сохранялись только наши заранее зарезервированные места — лапшичная всегда была полна народу, и посетители четко делились на две категории — японские хостес с соседней Гиндзы и (их большинство) корпулентные японские старички в синих костюмах с такими же сломанными ушами, как и у хозяина. Дело в том, что в этой ramenной по традиции собираются ветераны дзюдо и рестлинга, в основном бывшие полицейские из специального управления по охране императорского дворца и контрразведки. Они доброжелательны, но всегда сидят особыми компашками, обсуждая только им интересные новости, хотя иногда в этих обсуждениях проскакивают слова «Емельяненко», «Россия», «русский чемпион». В Японии профессии часто передаются по наследству, и я ничуть не удивлюсь, если когда-нибудь узнаю, что отцы или деды этих людей присматривали за Рихардом Зорге, когда он входил в «Фледермаус», прогуливался с Ханако по парку Хибия, где в до сих пор существующей цветочной лавке покупал ей букеты и где

надевали на него наручники утром 18 октября 1941 года. Они же наверняка видели его входящим и выходящим из еще одного ресторана, где Зорге бывал довольно часто. Этот ресторан назывался «Азия» и располагался на втором этаже здания токийского представительства Южно-Маньчжурской железнодорожной компании, и об этом стоит рассказать особо.

«Рейнгольд» занял важное место в биографии Рихарда Зорге потому, что изменил его личную жизнь и всю дальнейшую историю его памяти. Ресторан «Азия» сыграл важную роль в профессиональной — разведывательной жизни Рам-зая и всей его группы. Связано это было с деятельностью второго после Зорге члена этого сообщества — Одзаки Хоцуми.

Одзаки был серьезным журналистом, аналитиком и специалистом по Китаю, в котором Япония всегда видела сферу своих жизненно важных интересов. Вне зависимости от того, в каком направлении токийские стратеги планировали развитие наступления в войне — на север — в Сибирь, или в сторону Тихого океана, главным театром военных действий все равно оставался многомиллионный, богатый ресурсами и относительно близкий по культуре Китай. Одзаки стал экспертом по этой стране, когда работал в качестве корреспондента газеты «Асахи» в Шанхае в конце 1920-х — начале 1930-х годов. Там он познакомился с Зорге, которого знал как «мистера Джонсона», и тот использовал искренние социалистические убеждения Одзаки для привлечения его к разведывательной работе в пользу Советского Союза.

Японские силы в Китае того времени концентрировались вокруг двух монстров: военного — Квантунской армии, и экономического — Южно-Маньчжурской железной дороги, ЮМЖД или, по-японски, Мантэцу. Если с Квантунской армией все более-менее понятно, то значение ЮМЖД не только для политической деятельности Японии в Китае, но и вообще для японской политики и экономики описываемой эпохи известно только небольшому кругу специалистов. Мантэцу времен группы Рамзая была не просто железнодорожной компанией, возникшей в результате отсечения у России части Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). ЮМЖД представляла собой грандиозную государственную монополию, фактически управлявшую всей экономикой северо-восточного Китая и оказывавшую сильнейшее влияние на разработку планов развития Японии на континенте. Пусть это будет утрировано, но для сегодняшнего российского читателя, чтобы ему было легче представить себе, что такое ЮМЖД, ее можно сравнить с такими гигантами, как «Газпром» или «Роснефть». Примерно половина всех капиталовложений Японии в Китае

принадлежала Мантэцу и ее дочерним компаниям, ею полностью контролировалась экономика марионеточного государства Маньчжоу-Го. Японские политики зависели от решений ЮМЖД в сильнейшей степени, а ставший одиозным после вывода Японии из Лиги Наций министр иностранных дел Японии Мацуока пересел в это кресло с поста президента ЮМЖД.

Правление Мантэцу заинтересовалось уровнем понимания Одзаки китайских проблем, и очень скоро он стал одним из ведущих консультантов компании по политическим вопросам. Переоценить роль этого разведчика в деле Зорге невозможно: пользуясь своим положением в ЮМЖД, он передавал Зорге исключительно важную и строго секретную информацию о перспективах действий Японии в Китае. Одзаки весьма успешно выступил как вербовщик, найдя единомышленников в штаб-квартире Мантэцу в Маньчжурии. Сумев привлечь их к работе на группу Рамзая, он обеспечил Москву неиссякаемым источником уникальных сведений о действиях Квантунской армии, которая была тесно связана с ЮМЖД. Наконец, используя свое положение в этой компании для дальнейшего углубленного изучения китайских проблем, Одзаки был замечен главной японского правительства принцем Коноэ и стал его неформальным советником по китайским делам, отныне не только черпая информацию из кабинета министров, но и прикладывая все усилия для тонкой игры — искусно замаскированного давления на Коноэ в целях склонения его к принятию решений, интересных и полезных более всего Советскому Союзу.

В токийском представительстве Мантэцу у Одзаки был собственный кабинет, что помимо всего прочего позволяло ему беспрепятственно работать тут с секретной документацией. Время от времени офис ЮМЖД посещал и сам принц Коноэ, когда хотел не только получить исчерпывающую информацию для анализа действий японского правительства в Китае, но и встретиться сразу с группой советников по этой теме. В свою очередь, Одзаки периодически назначал Зорге встречи в том самом ресторане «Азия», с которого начался этот рассказ, потому что этот ресторан находился на втором этаже здания Мантэцу. Таким образом, все пути сходились в «Азии», образуя интересный узел железнодорожно-шпионских отношений. Настало время побывать там и нам.

В некоторых книгах встречается упоминание о соседстве «Азии» со станцией Симбаси, что, как мы помним, недалеко от парка Хибия и Гиндзы. Но так или это? Японские сайты, рассказывающие об истории Южно-Маньчжурской железнодорожной компании, сообщают четкий

адрес: Токио, Адзабу-ку, Адзабу-Мамиана-тё, 1. Это не так уж и далеко от Симабаси, но все-таки это совсем другое место. И адрес отнюдь не случайно кажется знакомым, ибо это — соседнее здание с посольством Союза Советских Социалистических Республик в Японии!

На холме Мамиана в конце 1930-х годов значились девять зданий. Четыре из них принадлежали советской дипломатической миссии, и на карте тех времен так и обозначены: «Советское посольство». Глава советской дипмиссии С.Л. Тихвинский, служивший здесь двумя десятилетиями позже, так описывал посольский комплекс: «Здание посольства СССР располагалось неподалеку от центра Токио на холме Мамиана. Само двухэтажное продолговатое белое бетонное сооружение с широкими окнами было похоже на утопающий в зелени белый пароход с высокой трубой, возвышающейся над зданием. К тыльной стороне здания примыкал небольшой сад, а в правой части от въезда на территорию представительства располагались два небольших деревянных двухэтажных дома, в которых жили сотрудники представительства. Здание посольства было построено в начале 30-х годов при Александре Антоновиче Трояновском и покоилось на массивной сейсмоустойчивой бетонной подушке, принимавшей на себя колебания почвы, часто сотрясавшие Токио». Южный забор посольства находился там же, где стоит и сейчас, и как раз он-то и отделял наших дипломатов от здания японского политического и экономического гиганта — токийского представительства Южно-Маньчжурской железной дороги. Мантэцу, в которой «ковались коварные планы японской военщины», располагалась прямо за забором советского посольства, и только отсутствие в те времена развитых средств технического слежения избавляло обе стороны от пристального наблюдения друг за другом. В послевоенные годы ЮМЖД, разумеется, была ликвидирована. Здание ее токийского офиса снесли, а освободившуюся землю японское правительство предложило арендовать посольству СССР. По неизвестным автору причинам наше Министерство иностранных дел от этого предложения отказалось, и потому теперь на месте бывшей конторы ЮМЖД возведен грандиозный комплекс Американского клуба, где отдыхают, развлекаются, учатся, занимаются спортом, а возможно и не только им, представители посольства Соединенных Штатов Америки, американских компаний, граждане этой страны. Получается, что там, где ныне высятся корпуса Американского клуба, и находился ресторан «Азия», где Коноэ встречался с Одзакэ, принимая от него советы и делясь секретной информацией, а тот, в свою очередь, в этом же ресторане передавал эту информацию Рамзаю, который

мог бы, если бы захотел, приходить на эти встречи в тапочках — его собственная квартира, как мы помним, находилась в нескольких минутах ходьбы отсюда. С 1940 года, когда началась война в Европе, и необходимость в более срочном обмене данными среди членов группы заметно возросла, встречи в «Азии» стали чаще. Рандеву между Одзаки и Зорге было назначено здесь и на вечер 14 октября 1941 года. Зорге пришел, но прождал он своего друга напрасно. Обстановка вокруг накалилась до предела, и он не рискнул. Утром следующего дня — 15 октября — Одзаки Хоцуми оказался в полицейском участке, а к вечеру было открыто дело и на Зорге. До ареста оставалось чуть больше двух суток.

Иностранцы с Роппонги и их друзья

Где жил сам Одзаки? Где были квартиры Макса Клаузена и Бранко Вукелича? Поиски ответов на эти вопросы принесут нам немало интересных совпадений.

Прежде всего, Одзаки. О его доме известно меньше всего, и это объяснимо, это справедливо. Дело в том, что потомки советского разведчика до сих пор живут на старом месте, и нарушать их спокойствие вряд ли правильно. Можно только сказать, что дом Одзаки находился сравнительно недалеко от Адзабу — поблизости от храма буддийской секты Чистой земли Ютэндзи, у одноименной станции метро линии Токио Тоёко, проходящей через столичный район Мэгуро. В полицейский участок этого района Одзаки был доставлен после ареста 15 октября 1941 года и содержался там до 1 ноября, когда его перевели в камеру № 11 Второго корпуса тюрьмы Сугамо.

Дальше всех от шефа обитал еще один важный член группы — Бранко Вукелич. Серб по происхождению, гражданин Югославии и Франции, работавший на французское информационное агентство «Гавас» и поддерживавший рабочие контакты с иностранными журналистами, общение с которыми не лучшим образом могло повлиять на репутацию Зорге как нациста, Вукелич хорошо разбирался в технике и был штатным фотографом группы. Его японская одиссея была наполнена драматическими событиями личного характера — в этой стране он развелся, женился вновь и стал отцом, испытал все перипетии, через которые проходят в Токио многие обычные иностранцы-гайдзины. Внук Бранко Вукелича, носящий имя Бранко Вукелич-Ямадзаки, тоже живет сегодня в Токио, но по другому адресу, так что можно сказать несколько слов о роли топографии Восточной столицы в биографии этого разведчика.

В Японию Вукелич приехал 11 февраля 1933 года — в государственный праздник Дня основания Японской империи. Приехал не один, а с семьей: женой — датчанкой Эдит Олсон и годовалым сыном Полем. Планировалось, что преподавание популярной в те годы в Японии датской гимнастики — а Эдит была квалифицированным инструктором — поможет паре быстрее адаптироваться к жизни в этой стране. В карманах супружеской пары имелось 1800 иен — сумма довольно большая, но недостаточная даже для многомесячной жизни в стране, где иностранцу совсем непросто найти работу. Первоначально Вукеличи остановились в

«Империале», но, поняв порядок цен, поспешили съехать оттуда, сняв за 300 иен в месяц квартиру в районе Бунка. Но и это было слишком дорого для молодой пары. «Все это оказалось потрясающей неудачей, почти провалом, и позднее мне пришлось столкнуться с большими трудностями, — вспоминал Бранко на следствии. — Десяти иен в день на квартиру и еду хватало супружеской паре десять лет назад, а в 1933 году, когда мы приехали в Японию, женатая пара европейцев тратила более десяти иен в день, даже снимая квартиру в районе Бунка. Более того, эти десять иен в день заставляли европейцев ограничивать себя во многом — в осмотре достопримечательностей, например. Десять иен в день не позволяли потратить хотя бы одну иену на подобные цели». Планировалось, что Бранко, хорошо разбиравшийся в искусстве, быстро обзаведется нужными связями, путешествуя по стране, знакомясь с ее историческими и культурными сокровищами и готовя на эту тему журналистские материалы, способные заинтересовать интеллектуальную элиту иностранной диаспоры Токио. Это, в свою очередь, должно было раскрыть горизонты для подпольной работы. Грандиозные планы разбились о нехватку финансирования. Устроиться на работу Эдит тоже не получилось. Популярность датской гимнастики и особое отношение японцев к таким вопросам привело к тому, что в Токио ее преподавали все кому не лень, и бороться с конкурентами поначалу никак не выходило. Настроение Эдит и ее впечатление о Японии были испорчены раз и навсегда.

Но почему Вукелич столь скептически отзывается о районе Бунка, где он жил поначалу? Это место находится на границе Яманотэ — холмистой и престижной, самурайской, части Токио, с Ситамати — Нижним городом, где традиционно селились простолюдины, ремесленники и торговцы. Автору пока не удалось найти точный адрес первой квартиры Вукеличей, но известно из описаний свидетелей, что дом этот выходил окнами на реку Канда и железную дорогу близ станции Отяномидзу. Такое описание не оставляет сомнений: супруги Вукеличи, где муж-серб был православным, поселились в непосредственной близости от русского собора Воскресения Христова, от Николай-до. В таком случае, место это следовало признать особенно неудачным для советского разведчика, поскольку вокруг жило довольно много русских эмигрантов и за ними, естественно, особенно внимательно наблюдали полиция и контрразведка. Дом Вукеличей предполагалось использовать для радиопередач на «Висбаден» — отсюда и выбор места: холм Суругадай по-прежнему оставался одной из самых высоких точек Токио. Но финансовые трудности и проблемное окружение рубили эти планы на корню.

Положение удалось исправить только год спустя, когда Вукелич через отель «Империал» наладил связь с Зорге и приступил к работе. Резидент предложил Бранко выбрать другой район, другую возвышенность Восточной столицы. У холма Итигая, где сегодня высится огромная приемопередающая антенна Министерства обороны Японии, иностранцы селились редко, и, судя по претензиям к дороговизне предыдущего места жительства, у руководства группы теплилась надежда, что квартира там будет дешевле, а радиосигнал от станции «Рамзая» будет не так заметен на фоне интенсивного радиообмена японских военных, которые уже тогда облюбовали для себя этот район. Тем более, что типичный японский дом, где жили Вукеличи, был двухэтажным, и, по воспоминаниям Макса Клаузена, это было ценным фактором — ему не приходилось устанавливать дополнительную наружную антенну для улучшения качества связи. Во всяком случае, никаких других резонов того, что для Бранко была выбрана именно эта, а не какая-то другая точка в городе, найти пока не удалось. К тому же отсюда до Суругадай километра полтора — разница незначительная по масштабам Восточной столицы.

В 1934 году Вукеличи переехали в дом 22 квартала Санаи района Усигомэ. Сегодня, когда расположение кварталов и нумерация домов в Токио сильно переменились, на этом месте, совсем рядом с огромным комплексом зданий Министерства обороны и станцией Итигая, стоит обычная для Токио стеклянная офисная высотка, да и вообще это один из наиболее пострадавших от войны и перестройки Токио районов города. В прежние времена его, хотя и с некоторой натяжкой, тоже можно было отнести к аристократическим, но в наши дни его основная особенность заключается в соседстве с редким для Японии вообще, а для Восточной столицы особенно, кварталом гейш Кагурадзака и с «французским» кварталом Вакамия-тё, где на небольшом кусочке жизненного пространства сконцентрировались французские школы и рестораны, Университет науки. Правда, теперь к достопримечательностям района добавилась еще одна. Сегодня на официальном сайте района Усигомэ в списке выдающихся токийцев, родившихся здесь, значится ученый-лингвист, специалист по южнославянским языкам Ямадзаки Хироси — сын Бранко Вукелича, родившийся в 1941 году. Его рождению предшествовали драматические события, и к тому, чтобы в будущем район получил свою долю славы, косвенным образом оказался причастен и советский резидент «Рамзай».

В 1934 году Вукеличи поселились в месте, отдаленно напоминающем Адзабу, но с гораздо меньшим количеством иностранцев и с очень большим числом военных. На территории комплекса Министерства обороны Японии

находится здание, где в 1947 году состоялся Международный трибунал для Дальнего Востока, более известный в истории как Токийский процесс, где судили японских военных преступников высшего ранга. В тридцатых годах прошлого века, когда здесь жила семья Вукеличей, в нем находилась Императорская военная академия, часть преподавателей и слушателей которой снимала квартиры в непосредственной близости от места учебы, то есть вокруг дома Вукеличей. Неудивительно, что Эдит не понравилось и это место, хотя, по мнению Зорге, переселением семьи агента в Усигомэ проблема с его жильем была решена вполне успешно. Эдит не разделяла эту точку зрения. Она так и не смогла приспособиться к жизни в Токио, хотя, возможно, и не очень старалась. Восточная столица ее угнетала, климат не подходил, а маленький Поль часто болел, что тоже не добавляло оптимизма в сердца родителей. К тому же Бранко оказался неравнодушен к японским девушкам. Эдит начала психовать и дергать мужа по пустякам, доведя и себя, и его до состояния нервного срыва и ставя под угрозу безопасность разведывательной группы. Летом 1938 года датчанка потребовала от мужа развода, и после санкции «Мюнхена» (она кое-что знала о деятельности Бранко, и надо было продумать условия ее молчания), в августе 1939 года (по другим данным — только в сентябре 1941), Эдит уехала к сестре в Австралию, захватив с собой маленького сына. Через год Бранко женился вновь — на японке Ямадзакэ Ёсико. Сохранилось фото, сделанное на их свадьбе и красноречиво свидетельствующее, что в январе 1940 года Вукелич вновь ненадолго — всего на один день — вернулся на Суругадай. Молодожены на снимке запечатлены выходящими после венчания из Николай-до... Предварительное согласие на брак давал Зорге, чрезвычайно обеспокоенный тем, что судьбу разведгруппы могут определять случайности, которые трудно предвидеть. Он скептически отзывался о роли женщин в разведке и не хотел, чтобы жизни его друзей и коллег могли быть подвергнуты смертельной опасности из-за чьей-то жены, не слишком хорошо умеющей держать язык за зубами. Особенно опасным выглядел случай, когда агент соединял свою судьбу с представительницей народа, настроенного националистически, отвергающего иностранцев и преданного в тот исторический период ценностям, против которых как раз и сражалась группа «Рамзая». Кроме того, Зорге был очень обеспокоен тем, что Бранко все больше и больше отдалялся от разведывательной работы, становясь просто одним из членов иностранной диаспоры в Токио. Макс Клаузен вспоминал: «Когда я впервые приехал в Токио, он очень много работал на группу, но чем дальше, тем больше он всегда оказывался занят чем-то другим, когда считалось, что он работает на Зорге... Я уверен, что в

конце он окончательно забросил все дела. Временами, когда Зорге хотел увидеться с ним, он исчезал из виду на целую неделю. Зорге это сильно сердило, но я не говорил ему, почему Вукелич не показывается. Я хорошо понимал Вукелича, потому что и сам тоже порвал с коммунизмом».

Если это правда, то понятно, почему свадьба Бранко и Ёсико вызывала большое волнение у Зорге. Невесту даже вызвали на специальные смотрины в одно из кафе у станции Уэно, где встреча японки и иностранцев на фоне прекрасного парка и вблизи от музея японского искусства выглядела бы более обоснованно. По одной версии, «Рамзай» девушке поверил, убедившись, что Ёсико выходит за Бранко по любви, и, как показали дальнейшие события, не ошибся. По другой — он оставался настроен категорически против этого брака, но Вукелич, внезапно проявив характер, настоял на своем, и, чтобы сохранить его в составе группы, Центр приказал Зорге согласиться. Если поведение Зорге соответствовало второй версии, стоит, видимо, представить, что он не до конца доверял и своей любимой подруге Ханакэ. Именно поэтому, возможно, она действительно ничего не знала о его тайной деятельности, хотя и подозревала, что Рихард не только журналист.

Официальную церемонию бракосочетания Бранко и Ёсико проводили в посольстве Франции, и лишь потом поехали на Суругадай. И снова есть версия, что на венчании настоял сам Зорге. Правда это или нет, пока судить сложно, но, так или иначе, венчание состоялось. Вряд ли Зорге присутствовал на свадьбе, хотя и это вполне можно предположить, а если так, то, может быть, через пятнадцать лет после посещения Николай-до выпускником православной семинарии и первым нелегальным резидентом советской разведки Василием Ощепковым под своды храма вошел его преемник — резидент № 2 Рихард Зорге?

Помимо Одзаки и Вукелича группа «Рамзая» располагала еще одним важнейшим агентом — членом главной пятерки нашей резидентуры — японским художником и американским коммунистом Мияги Ётоку. Мияги вернулся из США в Японию в 1933 году и с 1934-го начал работу с Зорге. Где жил этот член группы? Адрес дома, где он снимал комнату, удивляет нас в очередной раз: Адзабуку, Рёдо-тё, 208. Снова Адзабу — там же, где Зорге, советское посольство, где жил Ощепков, барон Ниси, многие, многие другие участники описываемых событий. Раскрываю старую пожелтевшую карту Токио, чтобы понять, что на этом месте сегодня. Уже нет сил удивляться. Старому адресу Мияги примерно соответствует сегодняшний: Роппонги, 7–16–10, это в двух шагах от известного многим иностранцам ночного клуба «Feria». Но дело, конечно, не в увеселениях

для гайдзинов, которыми славится современный район Роппонги. Дело в том, что примерно в этом самом месте или по крайней мере совсем недалеко, между двумя Адзабскими пехотным полками — 1-ми 3-м, должен был жить, по официальной версии, все тот же предшественник Зорге Василий Сергеевич Ощепков. Мы помним, насколько странным нам показался тогда выбор этого места, и вот снова... Очень сложно понять, почему, зачем Мияги поселился так близко к Зорге и в самой гуще военных кварталов. Известно, что он написал немало портретов японских генералов и офицеров, но надо ли для этого жить перед КПП? Весьма сомнительно. Ничем другим, кроме как мистикой, я этот удивительный факт совпадения адресов объяснить не могу, а потому, чтобы окончательно уверовать в неотвратимость совпадений, приступаю к установлению адреса одного из важнейших членов команды — радиста Макса Клаузена.

Надо отметить, что до Клаузена, прибывшего в Токио в конце ноября 1935 года и поселившегося, как мы помним, в отеле «Санно», радистом группы был Бруно Виндт — «Бернгардт», так же как и Клаузен, работавший в паре со своей женой Эммой. При нем и была заведена практика поочередной передачи сообщений с квартир большинства членов группы, прежде всего, из домов Вукелича и Гюнтера Штайна — немецкого журналиста и агента Разведупра, отозванного из Токио в конце 1937 года. Его адрес, увы, пока неизвестен, а ведь именно со второго этажа дома Штайна Клаузен провел первый успешный сеанс радиосвязи с Владивостоком-«Висбаденом». «Рамзай» остался недоволен профессиональными качествами Виндта и потребовал «замены на поле», попросил прислать к нему коллегу по работе в Шанхае — Клаузена. С ним дело пошло на лад, хотя и этот радист, слишком много внимания уделявший своей частной жизни, со временем доставил Зорге немало проблем.

Как всегда, самый первый и главный вопрос, который предстояло решить в связи с прибытием из-за рубежа нового члена группы, было жилье. В книге Колесниковых подробно описывается первая квартира Клаузенов: «Макс также снял двухэтажный дом на Синрюдо-тё, № 12, в Адзабуку. Стены на метр в высоту были облицованы панелями, за которыми Макс устроил тайник для передатчика. Над тайником повесил большой портрет Гитлера, чтобы выглядеть благонадежным в глазах японской полиции. “У меня в жилой комнате висел портрет Гитлера, на который Рихард плевал каждый раз, как только входил туда...” Друзья могли поздравить себя: они обзавелись жилищем, изолированным от внешнего мира! Но скоро наступило разочарование. “Не выбирай дом, а

выбирай соседей”, — говорят японцы.

Максу, как всегда, “везло”: он снял квартиру, сам того не подозревая, возле казарм гвардейского полка!»

История о портрете Гитлера прекрасна, хотя было бы логично предположить, что в итоге она должна была привести японскую полицию, чьи агенты постоянно навещали дом Клаузенов, к подозрениям в благонадежности хозяина: уж слишком заплеванным за пять лет должен был бы оказаться портрет. Но почему опять член разведгруппы поселился в гуще японских военных? Снова в попытках найти жилье повыше, чтобы улучшить качество радиосвязи? И что за гвардейский полк досаждал невезучему радисту? Снова откроем карту, как теперь уже понятно, самого «шпионского» района Токио — Адзабу. Что ж, ничего неожиданного. Радист Макс Клаузен поселился в паре сотен метров от отвечавшего за контакты с военными Мияги Ётоку. Старый адрес Синрюдо-тё, 12 примерно соответствует современному Роппонги, 7-4 — это сразу за заправочной станцией «Идэмицу», напротив торгового и бизнес-комплекса Мидтаун, построенного, как мы выяснили в первой главе, на месте казарм 1-го Адзабского пехотного полка. Клаузена угораздило поселиться перед входом в расположение 3-го пехотного полка. Именно эту точку я когда-то отметил в качестве возможного места жительства Василия Ощепкова. Мияги и Клаузен были соседями, одновременно соседствуя с личным составом большей части токийской пехотной дивизии, точно так же, как и Зорге жил бок о бок с советским посольством, офисом ЮМЖД и полицейским участком Ториидзака. Но почему? У меня нет ответа на этот вопрос.

Можно предположить, что Клаузен случайно выбрал этот район, расположенный хотя и не на вершине холма, но все-таки на возвышенности, и несколько выше, чем дом Зорге. Но почему они так «жались» друг к другу? На случай непредвиденной эвакуации? Это совершенно нереально, тем более что в целях конспирации члены группы не стремились афишировать факт знакомства друг с другом. Были какие-то не профессиональные, а психологические мотивы? У нас нет данных для такой версии. Клаузену явно не нравилось соседство с военными (все-таки случайность?), и он упросил резидента разрешить ему подыскать другое жилье. И Зорге его подыскал.

Формальной причиной смены места жительства радиста стал один из тайфунов, прокатившийся ранним сентябрьским утром 1938 года над Токио. У дома Клаузена ветром сорвало крышу, комнаты залила вода, и жена радиста Анна, темпераментом напоминавшая Эдит Вукелич, в

ультимативной форме потребовала улучшения жилищных условий. «Пришлось переехать на новую квартиру — по Хиротие, 2. Макс облегченно вздохнул: тут рядом не было воинских частей», — писали Колесниковы.

Да, воинских частей вблизи нового дома Макса и Анны Клаузенов не было. Но сразу несколько авторов рассказывают, что однажды радист поднял тревогу и примчался к «Рамзаю»: за домом следят! Макс зафиксировал постоянное наружное наблюдение, слишком наглое даже для токийской полиции. Напротив его дома сутками напролет дежурила машина со шпиками. Что делать? Зорге как мог успокоил разволновавшегося товарища и сам отправился на проверку. Оказалось, что причин для беспокойства не было: полицейские следили не за Клаузеном, а за... торговым представительством СССР, расположенным по соседству! Объяснить выбор очередного очень странного места для подпольной радиостанции незнанием японских поговорок я уже не в силах и оставляю эту миссию читателю. Складывается такое впечатление, что разведчики выбирали себе квартиры по Интернету, оплачивали их он-лайн, а впервые видели свое жилье, только прибыв на место. Но, может быть, те, кто описывал этот эпизод, были неточны и ошибались? Уж слишком все невероятно. Давайте проверим.

Адрес торгового представительства тех времен известен: Адзабу-ку, Когаи-тё, 4. Адрес Клаузена с трудом, но читается на плане дома, нарисованном агентами полиции после его ареста в 1941 году: Адзабу-ку, Хироо-тё, 2. Не сходится? Перепроверим. Результаты рассмотрения старых карт снова удивляют. Оказывается, что дом 2 в Хироо-тё находился на границе квартала Хироо с кварталом Когаи. Сейчас этой точке примерно соответствует адрес Ниси-Адзабу, 3–8. Причем в Когаи-тё значатся почему-то два дома № 4, и оба они расположены на землях барона Ниси — японского «друга» Василия Ощепкова. От дома Клаузена до торгпредства 3–4 минуты пешком. Могла машина полицейских дежурить на улице перед радиоточкой? Теоретически могла. И это объясняет то, почему Клаузен не заметил ее сразу, — это не была постоянная точка наблюдения — торгпредства отсюда не видно. Скорее всего, автомобиль служил опорной точкой для группы японских агентов, обложивших советскую торговую миссию.

Но есть и еще один нюанс. Японские источники указывают, что в соседнем с Клаузеном доме жил некто Иванов, сотрудник военно-морского атташата СССР в Токио. Именно за ним, ближайшим соседом Клаузена, и было организовано постоянное наружное наблюдение всех японских

спецслужб, которые были уверены, что Иванов является одним из руководителей легальной резидентуры советской военной разведки в Токио. К сожалению, установить, служил ли действительно в те годы в аппарате военно-морского атташе Советского Союза товарищ Иванов, пока не удалось. Зато точно известно, что именно в это время одной из основных фигур нашей легальной резидентуры в Восточной столице был майор Михаил Иванов. Тот самый Михаил Иванович Иванов, что двадцать лет спустя рассказал Юрию Гагарину историю о Рихарде Зорге. В начале шестидесятых годов этот офицер разведки был советником посла СССР. Военные годы, с февраля 1941-го, Иванов провел в Токио в качестве сотрудника консульского отдела. Он ли был соседом Клаузена? С февраля 1933 года военно-морским атташе был капитан 1-го ранга Александр Семенович Ковалев, погибший в 1941 году на Балтике. Его сменил капитан 1-го ранга А.И. Родионов. Переводчиком в аппарате военных моряков служил лейтенант Н.П. Кикенин. Никакого Иванова, кроме известного нам Михаила Ивановича, нет. Может быть, японцы ошиблись? Возможно и такое. Во всяком случае, в этой странной истории еще много загадок. Кстати, М.И. Иванов о Зорге знал и за полгода работы в Токио минимум дважды встречался с ним, принимая микрофильмы с секретными материалами и отчетами и передавая деньги для группы.

Инструкции об отмене поездок в Шанхай и Гонконг, где обычно проходили встречи с курьерами из Москвы, в связи с их высокой опасностью пришли в Токио в январе 1940 года и были адресованы Клаузону: «Отныне вы будете получать деньги и поддерживать связь с через товарища в Токио. Он пришлет вам два билета в Императорский театр. Человек, который сядет рядом с вами, будет вашим товарищем». Билеты в театр, располагавшийся (и сейчас так) рядом с отелем «Империял», пришли Клаузону на почту, и он благополучно обменялся материалами с советским дипломатом по фамилии Вукевич. В других случаях он встречался со связным из посольства СССР в других театрах, в кино, в ресторанах. Иногда вместо радиста на встречи ходил сам Зорге. Точно известно, что 6 августа 1941 года «Рамзай», ставший к тому времени «Инсоном», и сотрудник легальной резидентуры посольства по кличке «Серж» — Виктор Сергеевич Зайцев спорили о перспективах войны Германии и России прямо в офисе Клаузена (вероятно, тоже на Адзабу — где же еще?). Последняя встреча Клаузена с Зайцевым состоялась 1 октября, и радист передал курьеру схемы системы ПВО района Кэйхин — Токио и Йокогамы. К следующей встрече, назначенной на 20 ноября, группа уже находилась в тюрьме Сугамо. Прежде чем мы отправимся на

место, где находилось это мрачное и зловещее здание, несколько слов, подводющих итог нашим топографическим исследованиям мест жительства и работы героев группы Зорге.

Несложный анализ показывает, что, за исключением Одзаки Хоцуми, большинство членов группы выбрали для жизни в Восточной столице очень странные места, с ног на голову переворачивая наши дилетантские представления о конспирации. Сам резидент «Рамзай», хотя и снял неприметный японский домик в тихом переулке, по каким-то неизвестным нам причинам нашел его рядом с посольством Советского Союза, за которым велось постоянное наблюдение, и напротив полицейского участка Ториидзака, что также не могло добавить чувства успокоения и безопасности Зорге.

Бранко Вукелич, видимо, спонтанно поселился у православного собора Николай-до, вокруг которого исторически складывалось место проживания «белых русских» — эмигрантов, бежавших из России от большевиков, и за которыми традиционно присматривала токийская полиция. Спустя год семья Вукеличей переехала в другой дом, находящийся на задворках Императорской военной академии, в район, насыщенный военными служащими японской армии и в то время малоприспособленный для жизни иностранцев.

Мияги Ётоку, приехав из США, обосновался в Токио между двумя крупными воинскими частями, по соседству с Зорге и, как выяснилось, бок о бок с Клаузенем. Учитывая, что члены группы долгое время не знали даже фамилий друг друга, а только псевдонимы, придуманные Центром, такое соседство выглядит по меньшей мере странным и опасным. Зачем они так поступили? Ответа нет.

Сам Макс Клаузен сначала жил в доме напротив КПП 3-го пехотного полка, что доставляло ему немало хлопот и портило нервы. Однако по каким-то причинам, неизвестным нам, он съехал оттуда только три года спустя, найдя жилье под носом у службы наружного наблюдения токко, так как оказался соседом не только советского торгового представительства, в аппарате которого могли служить люди, представляющие интерес для японской контрразведки, но и в непосредственной близости от легального разведчика — сотрудника военно-морского или военного атташата СССР. Почему? Нет ответа.

Почему, наконец, точки проживания Мияги и Клаузена совпали с предполагаемым местом жительства предыдущего резидента — Василия Ощепкова? У Москвы были какие-то соображения по поводу этого района? Или это простое совпадение? Не знаю, как мои читатели, а я начинаю в

совпадения верить — в жизни порой случаются порой самые удивительные пересечения судеб, в том числе и в топографии столь далекой от Москвы точки на карте, как Восточная столица японской империи.

Как бы то ни было, но в октябре 1941 года, после шести лет работы в стане противника — и это беспрецедентный случай, если речь идет о Японии, — все наши герои в последний раз сменили свои адреса, и сделали это не по своей воле.

Смерть, любовь и бессмертие: от тюрьмы Сугамо до кладбища Тама

11 октября 1941 года рано утром у себя дома был арестован Мияги — человек, с которым Зорге в последние годы контактировал чаще всего, за исключением, быть может, только Клаузена. Считается, что полиция токко ожидала обнаружить во время обыска документы, свидетельствующие о связях Мияги с американской коммунистической партией, но вместо этого нашла переведенный на английский язык секретный меморандум ЮМЖД. Больной туберкулезом Мияги поначалу несколько дней пытался сопротивляться. Во время первого допроса в полицейском участке он выпрыгнул из окна второго этажа, но упал на густую крону дерева и только сломал ногу. Конвойный не раздумывая выпрыгнул за ним и доставил беглеца обратно. На следующий день Мияги Ётоку признался в том, что является членом иностранной разведывательной группы, состоящей из Зорге, Одзаки, Клаузена, Вукелича и субагента — Каваи. Утром 13 октября были арестованы еще два субагента. Еще сутки потребовались токко, чтобы решиться на арест влиятельного германского журналиста и человека, вхожего в высшие круги японской политики.

Одзаки Хоцуми вспоминал: «Утром 15 октября 1941 года полчища прокуроров обрушились на нас. У меня в течение нескольких дней были дурные предчувствия, и в то утро я уже знал, что близок час расплаты. Убедившись, что Ёко ушла в школу, поскольку мне страшно не хотелось, чтобы дочь присутствовала при этом, я ушел из дома, даже не взглянув на жену и ничего не сказав ей на прощание. Я чувствовал, что с моим арестом все кончится. И все кончилось. Когда меня допрашивали в тот день после полудня, вопросы касались, как я и ожидал, моих отношений с Зорге. Я понял, что раскрыта вся сеть, и сказал себе, что все кончено».

Как мы помним, 14 октября Зорге должен был встретиться с Одзаки в «Азии». 17 октября к резиденту домой должен был прийти Мияги. Встречи сорвались. Встревоженный и уже понявший все Зорге позвонил в офис ЮМЖД, но не получил ответа на вопрос о нахождении Одзаки.

«17 октября, около 7 часов вечера, — вспоминал Макс Клаузен, — я пришел к Зорге, который находился тогда в постели, чтобы поговорить о нашей тайной работе. Когда я пришел, они с Вукличем выпивали, и я присоединился к ним, открыв бутылку сакэ, которую принес с собой. Атмосфера была тяжелой, и Зорге мрачно сказал — как если бы наша

судьба была предрешена: «Ни Джо, ни Отто не явились на встречу. Должно быть, их арестовала полиция»». Так Клаузен узнал, что «Джо» это Мияги, а «Отто» — Одзаки. Выходя вечером из дома Зорге, Клаузен столкнулся с полицейскими, следившими за ним, но обычно не делающими этого столь назойливо. Утром следующего дня один из них вошел в дом Макса и сразу направился в спальню со словами: «Мы бы хотели, чтобы вы отправились с нами в полицейский участок, чтобы ответить на некоторые вопросы об автоаварии, в которую вы недавно попали». Клаузен все понял: «Вспоминая все, что я слышал накануне вечером, я предчувствовал, что раскручивается нечто более серьезное, чем простая автоавария. Я торопливо позавтракал и рассеянно собирался, не способный ясно мыслить, и ушел из дома в сопровождении полицейских. На улице ждала машина, в которой сидели двое в штатском.

Когда машина двинулась, но не в участок Ториидзака, а в другом направлении, я предоставил себя судьбе. Меня доставили в полицейский участок Мита».

Рихарду Зорге позавтракать не дали. Арестом руководил детектив Охаси из токко, прибывший в участок Ториидзака в то же утро в 5 часов. Полицейские были готовы начать действовать, но перед домом Зорге стояла машина с германскими дипломатическими номерами — руководитель немецкого официального агентства новостей Вильгельм Шульце в этот ранний час записывал экспертное мнение коллеги по поводу случившейся на следующий день после ареста Одзаки отставки премьер-министра принца Коноэ. Руководитель следственной бригады токийской городской прокуратуры Ёсикава Мицусادا решил не рисковать и подождать, пока автомобиль уедет. Как только это произошло, опергруппа ворвалась в дом Зорге. Детектив Охаси громко закричал: «Мы пришли по поводу недавней аварии с вашим мотоциклом», после чего полицейские скрутили Зорге и как он был — в пижаме и шлепанцах, невзирая на громкие протесты задержанного, выволокли из дома и втокнули в машину.

Автомобиль проехал сто метров до полицейского участка, но очень скоро Зорге снова усадили в него и, во избежание утечки информации, отвезли сразу в следственную тюрьму Сугамо. Одновременно с Зорге и Клаузеном был схвачен Бранко Вукелич. Его взяли во время завтрака. Дверь открыла жена и, когда полицейский вошел в комнату, Вукелич предложил ему кофе. Тот отказался и начался обыск.

Полицейские нашли радиостанцию, но не поняли, что это такое, тем более что Ёсико запутала их, сказав, что это часть фотолаборатории. Вукелича увели, оставив радиостанцию, и жена арестованного просто

выбросила ее в мусор.

На следующий день арестовали Анну Клаузен. Она очень подробно и даже, как ни кощунственно это, может быть, прозвучит, романтично описала свой арест в воспоминаниях. По ее словам, обманув полицейских, она во время обыска, который длился целый месяц (!), успела сжечь множество компрометирующих материалов, микроплёнок, секретных документов...

Всего же с 15 октября 1941 и по весну 1942 года по делу группы «Рамзая» было арестовано 35 человек. Из них 17 были признаны членами советской разведгруппы, а 18 — их информаторами, в числе которых значились представители политической и родовой аристократии Японии.

Оставим подробности рассмотрения дела в стороне — это сюжеты отдельных и уже написанных книг, и, верные теме нашего необычно путеводителя, отправимся за арестованными туда, где все они оказались, — кто-то сразу, как Зорге, кто-то чуть позже, как Клаузен, — в токийскую следственную тюрьму Сугамо. Место это найти сегодня совсем несложно. Близ станции Икэбукуро кольцевой линии столичных электричек Яманотэ высится огромный небоскреб, одно из самых высоких зданий в Токио, под названием «Саншайн-60», сочетающий в себе функции отеля, торгового центра, обсерватории и даже океанариума. Особая его достопримечательность — бар «Карцер». Видимо, в память о том, что находилось на этом месте до 1971 года. Но бар есть бар, и, вообще, «Саншайн-60» настолько далек по своей атмосфере от здания-предшественника, что представить хоть на одну миллионную долю то, что здесь было раньше, очень трудно. Для этого лучше не входить в торговый центр, а зайти в маленький парк под названием «Хигаси Икэбукуро тюо коэн», что значит «Центральный парк Восточного Икэбукуро». Парк, название которого явно длиннее, чем он того заслуживает, находится сбоку от «Саншайн-60» (слева, если стоять лицом к главному входу). Здесь высажено много тенистых деревьев, а оттого прохладно даже в жаркое токийское лето, тут привычно собирается молодежь и гуляют кошки, а среди густых и темных зарослей у дальней стены, столь же традиционно, уже из поколения в поколение, живут в картонных коробках местные бомжи. В той части парка, что ближе к дороге (и подальше от бомжей), стоит памятник — горбатый камень с надписью по-японски: «Стремимся к миру». Придя сюда, я поспрашивал несколько человек — молодых и постарше, — знают ли они, что здесь было раньше? Никто мне не ответил, но посоветовали, если мне этот так интересно, обратиться в полицейскую будку — кобан, что тут же рядом, за стеной. В полицию я не пошел, ибо

свидетельств о том, в каких условиях содержались наши разведчики, сохранилось предостаточно. Дадим слово выжившим.

Анна Клаузен: «Со двора по мокрой лестнице спустили меня в подвал. Там было темно, только у самой двери горела маленькая лампочка. Ничего не было видно: через несколько минут я увидела, что в яме по обеим сторонам у стенок — черные клетки, а в них плотно друг к другу сидели люди. На каменном полу была вода. Полицейские вампиры сорвали с меня одежду, вплоть до белья, туфли, чулки. Один из полицейских запустил свои лапы в мои волосы и, визжа, растрепал их, остальные хохотали, точно шакалы. Меня затолкали в одиночную камеру и бросили вслед только белье. Я осмотрелась. По стенкам текла вода. Соломенная циновка была мокрая. Несло невероятной вонью. В каменном полу в дальнем углу была дыра — параша».

Японский заключенный Ясуда Токутаро — врач, лечивший Зорге: «В шесть часов утра подъем. Через час — поверка. Трое тюремщиков спрашивают: жив? Заключенный должен встретить их, распластавшись в поклоне на полу. Далее — завтрак: горстка риса или ячменя, чашка супа. Обед и ужин — из прогнивших продуктов. Если родственники заключенного были бедны, он не получал ничего. Политические узники умирали от дистрофии. Днем прогулка, двор разделен на восемь секторов... Дни тянулись мучительно долго. Камера — узкий бетонный пенал: пять шагов в длину, три — в ширину. Наверху крохотное оконце с решеткой, деревянный столб, поднимешь доску — он превращается в умывальник. Под стулом — параша. Уйма блох».

С.Л. Будкевич, из книги которого взяты эти свидетельства, со ссылкой на неизвестных нам очевидцев, пишет, что и в этих условиях Зорге, каждый день в Токио начинавший с зарядки, во время прогулок в тюремном дворе пытался как-то размяться — прыгал через веревочку (наватоби).

Известно, что все три года в Сугамо Зорге провел в одиночной камере № 20 площадью три на два метра на втором этаже Второго следственного корпуса. Камера, судя по описанию, походила на камеру Ясуда: крышка умывальника — стол, крышка унитаза — стул. Оконце под потолком с затемненным стеклом, стальная решетка и маленькая форточка.

Еще одну свою привычку Зорге удалось сохранить в Сугамо: любовь к книгам. Одзаки Хоцуми вспоминал, что по воскресеньям заключенным развозили по камерам книги из тюремной библиотеки, в основном популярную литературу или книги по воспитанию. Были среди них и книги на немецком и русском языках. По словам адвоката Асанума, Зорге интересовался в тюрьме исторической литературой, и за три года, что

разведчик провел в заключении, на немецком и на английском языках он прочитал более ста книг на эту тему, в том числе несколько томов по истории Японии, «Историю мировой культуры» Уэллса и «Всемирную историю» Ранке. Купить такие книги в Токио в годы войны было почти невозможно и, к чести адвоката, он ездил за ними в Кобэ, где сохранялась большая иностранная колония, и люди нередко в тяжелых условиях военного быта распродавали свои библиотеки. По словам Асанума, «каждый раз, когда Зорге получал желаемую книгу, он поглаживал ее рукой по переплету, горячо благодарил, и его глаза светились радостью».

В письмах Одзаки к жене много места уделено этой же теме: «Я думаю, что в течение зимы (*письмо от 14 октября 1942 года. — А.К.*) будет достаточным делать одну передачу в две недели. Что касается книг, то сначала я буду читать те, что на японском языке, а потом перейду к чтению на западных... Я уже составил план чтения, о нем скажу немного дальше». 25 ноября того же года: «Два тома по истории цивилизации и октябрьский номер “Проблем Восточной Азии” не разрешили получить, так что получил только одну связку. Удивительно также, почему не разрешили к передаче “Фауста” Гёте, ведь эта книга в переводе есть и в тюремной библиотеке». 1 марта 1943 года: «К моему великому сожалению, книга Гёте “Годы странствий Вильгельма Мейстера” — последняя, которую я читаю на иностранном языке. Хорошо хоть разрешили дочитать. Откровенно говоря, я не думал, что эта книга столь же интересна, как ранее прочитанные мною “Поэзия и правда”, “Итальянское путешествие” и “Вертер”. Большой интерес представляет отношение Гёте к новой эпохе промышленного производства — он выражает его через преклонение перед ремесленным укладом». Удивительная запись от 3 мая 1944 года: «Наиболее интересная книга, которую я прочел за последнее время, — это записки Папанина об экспедиции к Северному полюсу. Это отнюдь не какая-то политическая пропаганда Советского Союза. Это дневник подлинно научного исследования. Но более всего я поражен силой сознания — через служение науке целиком отдать себя родине. Это высокий патриотизм! Именно в этом и нужно искать объяснение столь стойкому вопреки ожиданиям сопротивлению Советского Союза в нынешней войне... Я думаю, эту книгу будет полезно почитать и Ёко».

Время от времени заключенным группы Зорге разрешали слушать радио, и тогда их радости не было предела. Естественно, в радиопередачах их больше всего манили новостные сводки, и тюремное начальство, поняв это, прекратило «порочную практику». Однако Зорге узнавал кое-какие новости через своего переводчика профессора-германиста Икома: «Когда

наступательная мощь германской армии начала постепенно утрачиваться и обозначились признаки перелома в военной обстановке, Зорге буквально плясал от радости, и лицо его расцветало». О том же самом говорит заключенный Каваи Тэйкити, увидевший Зорге в замочную скважину своей камеры зимой 1942 года: «В день, когда мы узнали о победе советских войск под Сталинградом, я увидел его очень радостным. Он даже приплясывал». Отношение Зорге к своему заключению, своей судьбе и, конечно, характер, убеждения и знания разведчика, неизменно удивляли тех, кто с ним работал. «За всю свою жизнь я не встречал более великого человека», — говорил потом прокурор Ёсикава, а руководивший слежкой за Зорге и арестом разведчика Охаси инспектор из токко утверждал, что в обмен на сотрудничество Зорге со следствием он каждый день приносил ему с воли свежие газеты и чай, который они пили вместе, обсуждая все написанное в газетах — «от светских страниц до рекламы и объявлений».

Вероятно, довольно оптимистичное настроение Зорге было связано с тем, что он никогда не верил, что его ждет высшая мера наказания. Однажды он сказал Охаси, что будет являться ему в виде привидения, если получит смертный приговор, на что полицейский удивленно возразил: «Вы хотите сказать мне, что, будучи материалистом, верите в привидения?» — и оба весело рассмеялись. Но Зорге не учел того, что имеет дело с японцами, умеющими четко разделять личные и деловые отношения. 7 марта 1942 года, когда полицейское следствие по делу Зорге было закончено и можно было переходить к прокурорскому расследованию, Охаси устроил мини-вечеринку для заключенного, принеся ему немного фруктов и чая. Зорге что-то подарил ему — мы не знаем, что именно, но сопровождал подарок искренней дружеской запиской с благодарностью за «...самое глубокое и самое доброжелательное следствие по моему делу в течение зимы 1941–1942 годов. Я никогда не забуду его доброту, проявленную им в самое трудное время моей полной событий жизни». Через четыре дня доброжелательный (возможно, он и был таковым — в жизни, но не на службе) Охаси в своем заключении по делу настойчиво рекомендовал повесить человека, от которого только что принял подарок: «Вред, причиненный нашей стране, огромен и ужасен по своим последствиям. Соответственно, рекомендуется наказать преступление смертной казнью».

На прогулки и для перевозки в здание суда на допросы заключенным надевали на голову старинную японскую соломенную шляпу, надвигавшуюся до подбородка, с прорезями для глаз. В таком виде их ориентация в пространстве была затруднена точно так же, как их должно было бы трудно узнать снаружи, если бы они не были иностранцами. На

японцев при этом надевали кандалы, а на иностранцев — новенькие никелированные наручники. Заключенных разведчиков возили в суд и прокуратуру на допросы вплоть до 5 декабря 1942 года. Суд начался в апреле 1943-го и шел еще полгода. 29 сентября он вынес смертный приговор Рихарду Зорге и Одзаки Хоцуми. 29 января 1944 года им было отказано в приеме апелляций. Макс Клаузен и Бранко Вукелич были приговорены к пожизненному заключению. Анна Клаузен получила 3 года тюрьмы, а Мияги Ётоку к тому времени уже умер, не вынеся условий содержания. Еще одиннадцать человек получили сроки от 2 до 15 лет тюремного заключения, но трое из них умерли еще до конца войны.

8 страшной тюрьме Абасири на северном острове Хоккайдо умер от дистрофии и хронической диареи Бранко Вукелич. Анну Клаузен перевезли в тюрьму города Уцуномия. Ее муж после вынесения приговора остался в Сугамо.

Известно, что утром 7 ноября 1944 года Одзаки, находившийся в камере № 11 Второго корпуса, писал письмо жене. Едва он закончил, за ним пришли. Он переоделся, ему связали руки и надели соломенную буддийскую шляпу. Перевели через двор в другой корпус, где была подготовлена виселица. После оформления необходимых документов в 9 часов 33 минуты по токийскому времени он был повешен. Когда врач констатировал смерть и тело убрали, начальник тюрьмы пришел за Зорге, который тоже не ожидал его визита. Как записано в протоколе, «Зорге хладнокровно прошел к месту казни». Его повесили в 10 часов 20 минут, но сердце Зорге остановилось только через 16 минут.

Макс Клаузен, продолжавший сидеть в Сугамо, узнал о случившемся во время помывки в бане от других заключенных. Он едва не погиб во время американской бомбардировки Токио, когда несколько бомб случайно упали на тюрьму, которую американцы старались сберечь от огня, планируя заключить в нее военных преступников после победы, что и произошло в сентябре — октябре 1945 года. На следующий день после бомбардировки Клаузена перевезли в тюрьму северного города Акита, где его освободили американцы, так же как и его супругу.

8 ноября 1944 года в тюрьму Сугамо, туда, где стоит сегодня камень, возвещающий о стремлении японцев к миру, пришли жена Одзаки и его адвокаты. Им выдали гроб с телом казненного, который они захоронили на большом и удаленном от центра Токио кладбище Тама. Рядом стоял еще один гроб, но они не знали, чей он. Неудивительно, что тело Зорге было оформлено как «невостребованное», и следующие двадцать лет (!) был только один человек, не согласный с такой формулировкой.

Исии Ханako узнала о казни Зорге после войны. Правда, о том, кем на самом деле был ее возлюбленный, ей сообщили раньше. Несмотря на то что прокурор Ёсикава поверил словам Зорге о невиновности девушки, в августе 1943 года она была арестована военной полицией кэмпэйти и доставлена в полицейский участок Ёдобаси. После шести дней суровых допросов, когда ее называли изменницей родины и шпионской подстилкой, Ханako выпустили, и больше уже не трогали.

После окончания войны начался новый этап в истории уже погибшей группы. Американские разведчики знали о Зорге и начали собственное расследование дела в отношении шпиона, который, как они считали, стал одним из главных виновников разворота японской армии с севера на восток, виновника войны Японии с Америкой. Часть материалов расследования попала в прессу, и однажды Ханako прочла в журнале статью «Тайны дела Зорге — Одзаки». В конце материала говорилось: «Тело Зорге было погребено на кладбище Дзосигая тюремными властями Сугамо, поскольку не оказалось никого, кто мог бы взять на себя эту печальную обязанность. На могиле был поставлен скромный деревянный знак, но кто-то забрал его — возможно, из-за недостатка топлива. И теперь от могилы не осталось никаких следов». Это было не для нее: «...не осталось никаких следов». Упрямая тридцатипятилетняя женщина с широкими выступающими скулами и приятным голосом не только не вышла замуж за школьного учителя, как предрекал Зорге, но и не собиралась сдаваться теперь, когда слезка, страх, ужас арестов и допросов были позади. Мне кажется, Зорге вообще не очень хорошо знал ее и не слишком верил в ее любовь. А зря. «Не осталось следов» — это не заключение, это была команда к действию, и Ханako начала. Она разыскала адвоката Зорге Асанума Сумиё и двоюродного брата Одзаки, который не считал Хоцуми преступником. Вместе с ними она на протяжении долгих двух лет осаждала тюрьму Сугамо и кладбище Дзосигая, что в 15 минутах ходьбы отсюда, добиваясь разрешения найти и похоронить прах возлюбленного по-человечески. Ее презирали и над ней издевались, но в конце концов уступили. 16 ноября 1949 года гроб нашли на участке, где хоронили бездомных, бродяг, куда скидывали в ров неопознанные трупы. Тело Зорге истлело за пять лет, но Ханako была уверена, что синие лохмотья — это остатки его костюма, да и размеры костей не оставляли сомнений в том, что это останки иностранца. Крупный череп, большие ботинки и знакомая пряжка на ремне, следы старого ранения на кости ноги, золотые коронки, поставленные ее любимым после памятной аварии у стены американского посольства.

«Я взяла в руки две очень длинные и крепкие кости и внимательно осмотрела их, — писала позже Ханako. — На одной из них была вертикальная трещина в центре и неровный шов. Та часть, где находился шов, была больше и крепче, чем остальная. Кость эта была на сантиметр короче другой.

— Он был ранен? — тихо спросил молодой человек, стоявший рядом со мной (*брат Одзаки. — А.К.*).

— Да, я слышала, что был. Я думаю, что эта рана осталась еще с Первой мировой войны.

Меня неожиданно потрясло — почему нет галстука? Неужели героя могли послать на смерть без галстука? В порыве отчаяния я обхватила череп Рихарда руками. Он всегда любил, чтобы я обнимала его голову...»

Тело было найдено, но перезахоронить его Ханako не могла. Денег хватило только на кремацию. Урну Ханako поставила у себя дома и села писать книгу. «Нингэн Дзо-ругэ» — «Зорге как человек» принесла ей деньги, которые она тоже отдала своему возлюбленному. На них она купила участок земли на кладбище Тама, где уже покоился прах Одзаки, отвезла туда урну и поставила большой гранитный валун с надписями на японском языке — азбукой для иностранных слов, и на немецком, выполненной готическим шрифтом «Richard Sorge» (1895–1944).

7 ноября 1959 года, в день 15-летия казни разведчика, на могиле был поставлен новый памятник, средства на который собирало «Общество оказания помощи жертвам дела Зорге — Одзаки». Этот памятник мы можем видеть и сегодня, если приедем на кладбище Тама и найдем могилу по адресу 17-1 — 21-16. Но если вы приедете с вокзала Синдзюку по линии Кэйо до станции Тама-рэйэн и войдете на это громадное, кажущееся бесконечным, кладбище через главный вход, что рядом с крематорием, не поленитесь зайти на участок захоронений иностранцев, что как раз за крематорием. Там среди множества могил людей разных наций, национальностей и вероисповеданий вы легко найдете и камень с именем Гельмута Кетеля — того самого папаши Кетеля, в заведении которого и началась история любви советского разведчика и японской певицы. История эта закончилась 4 июля 2000 года, когда в одной из токийских клиник от воспаления легких умерла 89-летняя Исии Ханako. В печь крематория кладбища Тама ее отправили с массивным золотым кольцом на пальце. Помните золотые коронки Зорге? Она сделала из них обручальное кольцо и носила всю жизнь не снимая. Она просила Зорге жениться на ней, хотела от него ребенка. Получила только кольцо, да и то, только когда его не стало.

Нам сегодня, особенно за пределами Японии, эта история кажется жутко романтической. Но только тот, кто представляет себе реалии японского быта, японского менталитета, может понять, как смеялись (а это страшное слово в Японии!) над ней соседи и издевались сослуживцы. Ее и сейчас слегка, как бы невзначай — чуточку — презирают. Во многих книжках и статьях о Зорге Ханако посвящено несколько строк: «японская подружка», «певичка из ресторана Кетеля», в лучшем случае — «гражданская жена Зорге». А ей всегда было плевать — на этих авторов, ни один из которых не рылся в истлевших трупах могил для бомжей, на американцев, на немцев, на Сталина, который отказался признать, что Зорге вообще существовал, на Хрущева, который перед отставкой вспомнил о покойнике, на Брежнева, при котором имя Зорге стало «священной коровой». Двадцать лет она общалась на эту тему только с родственниками Одзаки, да других жертв дела Зорге. Советскому журналисту Всеволоду Овчинникову она сказала: «Я ждала вас двадцать лет, чтобы рассказать о Зорге». Она ждала бы и больше, потому что знала, что он был просто большим усталым человеком, который знал, что впереди ничего нет. А рядом только она — Ханако.

Сегодня на могилу Зорге, где теперь пристроился маленький камень со скромной надписью «Исии Ханако», русские приходят довольно часто. Как правило, это либо люди из посольства, либо члены местной русской диаспоры, заинтересованные масштабом личности великого шпиона. Но я знаю, и очень рад тому факту, что теперь туда приезжают и те, кто узнал историю великой любви. Они приезжают не только к нему, но и к ней. Это справедливо. У каждого из нас может быть свой Зорге. Но настоящий был только у нее — потому что любила.

Глава 3.

КИН ЁРЮ: ШПИОН, ПРИЕХАВШИЙ ИЗ ТОКИО

Перед нами открылась дворцовая площадь. Здесь всегда царила торжественная тишина, но в то утро она была особенно торжественной. В разных местах площади лежали люди, группами и в одиночку. Все — в одной и той же позе: ничком, подобрыв под себя ноги, как будто совершали земной поклон в сторону высочайшей резиденции...

Роман Ким. Тетрадь, найденная в Сунчоне

В анналах советской разведки агента с именем Кин Ёрю нет. Такой человек вообще почти никому неизвестен. Но он существовал. Он был даже более чем реален, потому что существовал не только в своем физическом теле, но и в своих произведениях. Два миллиона экземпляров книг этого популярного в пятидесятые — шестидесятые годы автора политических детективов были изданы (и выходят по сей день) под одним из его имен: Роман Николаевич Ким.

Имен у него было много — русских, корейских, японских. Как Кин Ёрю он был известен в те годы, когда жил в Восточной столице. Нет, он не был там разведчиком в общепринятом значении этого слова, но с самого детства готовился именно и исключительно для этого. Когда вырос, стал настоящим суперагентом, но уже не в Токио, а в Москве, возглавив со временем все японское направление советской контрразведки. Своей работе он дал другое определение, впервые написав кириллицей слово, известное ныне каждому ребенку: ниндзя. Запутанно? Еще бы!

Биография

Будущий «русский советский писатель, автор популярных шпионских романов» Роман Николаевич Ким родился во Владивостоке в 1899 году. В те времена на Дальнем Востоке довольно много корейцев переселялись в пределы Российской империи, крестились и принимали русские имена и фамилии. Так было и с родителями нашего героя, но биография их тоже далека от банальности.

Отец Романа Кима — Ким Пен Хак, он же Николай Николаевич, в приморской столице стал купцом 2-й гильдии, исполнял подряды по строительству Владивостокской крепости. Среди его, как сегодня сказали бы, «бизнес-партнеров», были русские, корейцы, китайцы, японцы. Он получал русские военные заказы и одновременно фрахтовал японские корабли, даже поставлял во Владивосток мясо из Австралии. Размах деятельности, масштаб, а главное — ведение торговых и экономических операций явно необычны для простого купца, мигранта из малюсенького северокорейского городка Пукчона, не так ли? А чем занимался Ким Пен Хак в Пукчоне? Чтобы ответить на этот вопрос, надо узнать, кем была его жена.

Корейское имя матери Романа Кима до нас не дошло, но зато известно, что Надежда Тимофеевна (так ее называли в крещении) была близкой родственницей, возможно, младшей сестрой великой королевы Мин — жены корейского монарха — вана династии Ли, правившей этой страной с 1392 года, по имени Коджон. Надежда Ким окончила французский колледж в Пекине и говорила, как минимум, по-корейски, по-китайски, по-русски и по-французски. Сама же королева Мин прославилась как женщина с мужским по твердости характером и женским по изворотливости умом. Фактически она сумела создать в рыхлом и разрозненном политическом бомонде Кореи тех времен свою партию, благодаря которой надеялась сделать своего мужа, а точнее себя, абсолютным и независимым ни от внутренних, ни от внешних влияний, монархом. Увы, ее жизнь пришлось как раз на ту эпоху, когда две значительно более могущественные, чем Корея, силы — Россия и Япония решили, что Корейский полуостров не может обладать самостоятельностью. Первым препятствием для их империалистических устремлений была королева Мин. Министр иностранных дел Японии граф Иноуэ говорил о ней: «Мало найдется в Корею людей, равных Ее Величеству по пронциательности и

дальновидности. В искусстве же умиротворения врагов и завоевания преданности подданных у нее нет равных».

Когда в 1894 году началась японо-китайская война, королева Мин отчетливо поняла, какая опасность грозит ее стране, и стала во главе негласной, но очень влиятельной русофильской партии при дворе. Ее девиз был прост: «Ближе к России, дальше от Японии». Неудивительно, что, как только Япония победила Китай, 8 октября 1895 года королева Мин была убита в своей резиденции японскими головорезами, а ее муж — монарх Коджон — попал под домашний арест.

К тому времени отец Романа Кима, бывший ранее одним из казначеев короля Коджона, уже десять лет находился в ссылке. В декабре 1884 года, когда Корея ориентировалась не на Россию, а на Китай, он поддержал восстание крупного чиновника и главы прорусской политической группировки Ким Ок Кюна. Мятеж не удался, и отец нашего героя был отправлен в ссылку на север Кореи, где стал простым рыбаком. За время его изгнания политические взгляды королевы изменились, и семья ее родственницы была прощена. С убийством же японцами королевы Мин возникла опасность для всего ее клана, особенно для людей, разделявших появившиеся в последние годы симпатии правительницы к России.

Супруги Ким бежали во Владивосток, где приняли русское подданство. Но память о событиях, случившихся в Сеуле, ненависть к японцам, жажда кровной мести и верность делу освобождения Кореи никогда не покидали эту семью. Родившийся 1 августа 1899 года Рома Ким даже своим внешним видом напоминал родителям о возмездии — он был удивительно похож лицом на зарубленную японцами королеву Мин.

Николай Ким отлично понимал, что месть — блюдо, которое подают холодным, и начал готовиться к ней загодя, прибегнув к способу, хорошо известному среди тайных кланов многих дальневосточных народов. Вскоре после окончания Русско-японской войны, когда, по выражению историков, наступил «золотой век» в отношениях между этими недавно воевавшими странами, Ким-старший обратился с просьбой о содействии в небольшом семейном деле к двум японцам — Сугиура Рюкити, представлявшему во Владивостоке крупную японскую торговую компанию, и студенту-русисту, работавшему в японском консульстве, — Ватанабэ Риэ. Просьба была следующая: надо было помочь семилетнему Роме Киму — корейскому ребенку с русским подданством — поступить в элитную токийскую школу Ётися при престижном университете Кэйо. Об этом университете отец Кима знал с корейских времен. Глава мятежников Ким Ок Кюн был близко знаком с основателем Кэйо японским мыслителем и общественным

деятелем Фукудзава Юкити, не раз бывал у него в Токио.

Более того, Ким Ок Кюн добился принятия в Кэйо группы корейских студентов, которые, однако, вскоре вынуждены были вернуться на родину. Был ли среди них отец Кима? Мы не знаем. Но то, что он знал о Кэйо и о том, что при университете действует начальная школа Ётися и один из восьми (на всю Японию) колледжей, готовящих к поступлению в самые престижные императорские университеты, знать был должен.

По японским данным, приехавший из России Роман Ким — он же Ким Ян Ён, сын корейского купца из Владивостока, был принят в школу Ётися 13 сентября 1906 года. Попечителем выступил Сугиура Рюкити, а деньги на обучение (30 иен в месяц — достаточная сумма по тем временам) регулярно переводил из Владивостока отец мальчика. Кстати, родители его скоро развелись (не по причине ли расставания с сыном или споров о его дальнейшей судьбе?). Мама — Надежда Тимофеевна — уехала в Сеул, но оттуда не раз навещала сына в Токио.

Сугиура Рюкити, выступивший попечителем, пошел в деле воспитания ребенка дальше. Он рекомендовал его своему родственнику — особо важной персоне при императорском дворе Токио. Сугиура Дзюго — хранитель императорской библиотеки и наставник в вопросах этики наследного принца Хирохито, ученый-конфуцианец и идеолог японского национализма — стал воспитателем корейского мальчика, для которого выбрали японское имя — Кин Ёрю (сам Роман Ким потом будет называть и другие свои японские имена, в том числе Сугиура Киндзи).

Все это произошло одновременно с тем, как отец Кима во Владивостоке усилил свою подпольную деятельность. Есть версия, что корейский подпольщик Ан Чун Гын, 26 октября 1909 года застреливший на вокзале в Харбине генерал-губернатора захваченной японцами Кореи Ито Хиробуми, был послан группой заговорщиков, к которой принадлежал отец Романа. Маленький Ким даже запомнил лицо террориста, приходившего к отцу, когда японский школьник был во Владивостоке на каникулах, но старался поменьше об этом рассказывать. В ответ на смерть графа Ито Япония окончательно колонизировала Корею, и это была не та реакция, которой ожидали террористы.

Японская жизнь, во всяком случае ее официальная часть, Кин Ёрю окончила в 1916 году, когда он, выпускник колледжа Кэйо, готовился поступать на историко-философский факультет самого престижного в стране Токийского императорского университета. Так совпало, что юный Кин Ёрю влюбился в дочь Сугиура Дзюго и получил приглашение войти в семью своего опекуна. И в это же самое время он встретился с русскими

стажерами из Восточного института во Владивостоке, которые звали русского корейца, говорившего на японском языке как на родном, знавшего еще как минимум английский и читавшего по-китайски, домой, в Приморье. Настоящий же отец Кима, получив известие от семьи Сугиура о том, что его сын «совершенно влюбился в Японию и будет рад стать японцем, коль скоро такая возможность представилась», был взбешен. Он отозвал сына из Токио, и тот решил, что встреча со студентами сама подсказывает ему жизненный путь.

Во Владивостоке Роман Ким ускоренным образом окончил курс русской гимназии и в 1918 году поступил на японское отделение восточного факультета Дальневосточного университета. Учеба, видимо, для него не было тяжелой, а вот внешние обстоятельства тех лет спокойными назвать никак нельзя — началась Гражданская война. Ким уклонился от мобилизации в колчаковскую армию, получив справку в японском консульстве о том, что является японцем и его настоящая фамилия Сугиура. Некоторое время он проработал в военно-статистическом, то есть разведывательном, отделе штаба Приамурского военного округа, где «занимался специальной работой по собиранию сведений о Китае и Японии». Позже Ким стал военным чиновником в отделении печати и культурно-просветительской работы штаба. До окончания университета он еще успел поработать в информационном агентстве «ДальТА», нескольких газетах, а затем поступил в отделение японского телеграфного агентства «Тохо» во Владивостоке в качестве секретаря главы представительства выдающегося журналиста Отакэ Хирокити, но истории этот период жизни Кима ценен другим.

Юлиан Семенов, знаменитый автор эпопеи о Штирлице, вспоминал о том, как был написан роман «Пароль не нужен» — первый из серии о приключениях советского разведчика: «Летом 1921 года в редакциях нескольких владивостокских газет — а их там было великое множество — после контрреволюционного переворота братьев Меркуловых, которые опирались на японо-американские штыки и соединения китайских милитаристов, появился молодой человек. Было ему года двадцать три, он великолепно владел английским и немецким, был смешлив, элегантен, умел умно слушать, в спорах был доказателен, но никогда не унижал собеседника. Главными его страстями — он не скрывал этого — были кони, плавание и живопись. Человек этот начал работать в газете. Репортером он оказался отменным, круг его знакомств был широкий: японские коммерсанты, американские газетчики и офицеры из миссии, китайские торговцы наркотиками и крайние монархисты, связанные с бандами

атамана Семенова. Покойный писатель Роман Ким, бывший в ту пору комсомольцем-подпольщиком, знал этого газетчика под именем Максима Максимовича. В Хабаровском краевом архиве я нашел записочку П.П. Постышева Блюхеру. Он писал о том, что переправил во Владивосток к белым “чудесного молодого товарища”. Несколько раз в его записках потом упоминается о “товарище, работающем во Владивостоке очень успешно”. По воспоминаниям Романа Кима, юноша, работавший под обликом белогвардейского журналиста, имел канал связи с П.П. Постышевым... Когда Меркуловы были изгнаны из “нашенского города”, Максим Максимович однажды появился в форме ВЧК — вместе с И. Уборевичем. А потом исчез. Вот, собственно, с этого и начался мой герой — Максим Максимович Исаев, который из романа “Пароль не нужен” перешел в роман “Майор Вихрь”... а уж потом из “Майора Вихря” — в роман “Семнадцать мгновений весны” и затем в роман “Бриллианты для диктатуры пролетариата”».

Романа Кима можно смело считать «крестным отцом» великого Штирлица — собирательного образа всех лучших советских разведчиков, имевшего все-таки реального прототипа. Ну а то, что Ким этого человека не просто знал, а понимал, чем тот занимается, открывает нам новый взгляд на самого бывшего Кин Ёрю, или Сугиура Киндзи. Неслучайно Юлиан Семенов вывел самого Кима в романе под именем Чен, правда, заставив его «по ходу пьесы» совершить самоубийство в японских традициях.

В 1923 году Роман Ким окончил университет и стал дипломированным японоведом. Первый же опыт преподавания молодого ученого вызвал восторг у коллег. Вот фраза из отзыва профессора Гребенщикова о лекции Романа Кима в Государственном Дальневосточном университете от 10 мая 1923 года: «Серьезное знакомство с первоисточниками по японскому и китайскому языкам, умение распоряжаться материалами, правильный научный подход к таковым, наличие критического отношения к источникам, вот те основные элементы подготовленности Р.Н. Кима, выявленные им в своей пробной лекции. Считаю, что лекция проведена весьма удовлетворительно и что в лице Р.Н. Кима Восточный Факультет приобретает вдумчивого и серьезного работника». Но на этом карьера Кима в Владивостоке закончилась — к тому времени он уже числился агентом советской контрразведки.

Роман Николаевич Ким был завербован одним из руководителей Приморского Государственного политического управления (ГПУ) Владимиром Богдановым 15 ноября 1922 года во Владивостоке. Именно по заданию Богданова Ким получил рекомендацию профессора Спальвина и

отправился к главе представительства японского официального агентства «Тохо» Отакэ, которому открыл свое японское имя, и немедленно был принят на должность личного секретаря. 15 июня 1923 года Роман Ким был снят с учета как негласный сотрудник Приморского ГПУ и принят на учет по новому месту службы в Москве. В столице Ким поступил на работу в Московский институт востоковедения в качестве преподавателя японского языка и истории Дальнего Востока. Он сохранял за собой эту должность в течение пяти лет — до 1928 года, с 1925-го — уже в качестве профессора.

С того же 1925 года и до конца 1930-го он одновременно преподавал японский язык слушателям Военной академии РККА, много занимался переводами, писал критику, стал научным сотрудником 1-го разряда Государственной академии художественных наук, а с 1926 года — Института народов Востока.

В Москве Роман Ким активно занялся научной работой и литературным переводом с японского. В 1923 году выходит его статья «Японский фашизм (Письмо из Японии)», а в 1924-м — рецензия на книгу Сергея Елисеева «La peinture contemporaine au Japon». Следом появляется публикация «О китайском студенчестве» и первые переводы рассказов Акутагава Рюносукэ. Начинается жизнь нормального советского востоковеда, специализирующегося в основном на близких к современности (возможно, по необходимости советской действительности) темах. В 1925 и 1926 годах у Кима последовательно выходит целая серия статей о современной японской интеллигенции и перевод едва ли не самого знаменитого рассказа Акутагава — «В бамбуковой чаще» («В чаще»), ставшего десятилетия спустя основой для куросавовского шедевра «Расёмон».

В 1927 году — особенно важное событие: выходит книга знаменитого в те годы советского писателя Бориса Пильняка «Корни японского солнца». Я и сегодня настоятельно рекомендую изучить ее каждому уважающему себя японоведа или энтузиасту, изучающему эту страну. «Корни...» читаются легко, на одном дыхании, и хотя автор отнюдь не востоковед, а лишь талантливый литератор, именно из этих «Корней...» выросла потом «Ветка сакуры» Всеволода Овчинникова. Кроме того, Пильняк повел себя весьма мудро, обратившись для лучшего понимания. Японии к специалистам. Одним из них стал молодой, но явно очень одаренный ученый Роман Ким. Им были написаны своеобразные примечания (глоссы) к книге Пильняка. Некоторую самостоятельность своих глоссов по отношению к «Корням японского солнца» Ким выразил (а Пильняк согласился с этим), дав им отдельное название: «Ноги к змее». Едва ли не

самое примечательное в них — предисловие Кима, выражающее прямо противоположную только что приведенному тезису о самостоятельности идею и заканчивающееся изумительно примечательной фразой: «На объективность не претендую, ибо корейцу, так же как и ирландцу, трудно быть непогрешимо объективным, когда речь идет о соседних островитянах-покорителях», и дата: «1 декабря 16 года Корейской Диаспоры».

В 1927 году, когда Корея была японской колонией, а сама Япония — потенциальным противником СССР, такой нажим на свое корейское происхождение со стороны автора глоссов был классово объясним. Но все же что-то очень личное, далекое от присущего обычным примечаниям сухого справочного стиля, сквозит в словах молодого ученого — племянника убитой королевы, и в Москве живущего в 16-м году по летоисчислению Корейской диаспоры, то есть 16 лет спустя после подписания в августе 1910 года японо-корейского колонизаторского договора.

Именно в «Глоссах» впервые в европейской литературе Роман Ким рассказал о ниндзюцу и дал четкое определение этому понятию. Никаких черных балахонов, повязок на лицо и прыжков по крышам с мечами за спиной. Вся эта теледребедень родилась много позже и к реальному ниндзюцу отношения не имеет. Ниндзюцу по Киму — это искусство разведки, искусство быть невидимым. Борис Пильняк — маститый писатель — безоговорочно вторил своему юному наставнику, ибо чувствовал и понимал что-то такое, чего, может быть, не знаем и мы: «... сыск, выслеживание, шпионаж: в Японии это не только почетно, — но там есть целая наука, называемая Синоби, или Ниндзюцу, — наука незамеченным залезать в дома, в лагери противника, шпионить, соглядатайствовать...» Важный нюанс: в отличие от последующих авторов, только задающихся вопросом «а существует ли ниндзюцу сегодня?», Ким писал о синоби в настоящем времени. Писал очень просто и органично: создается ощущение, что он точно знал ответ на этот вопрос: «Да, существует. И я знаю этих людей».

В 1928 году сотрудничество Кима с Пильняком продолжилось. Вышла их большая совместная статья «Японская пролетарская литература». Потом — долгий перерыв, и лишь в 1933 году в одном из литературных журналов появляется его памфлет «Три дома напротив, соседних два», посвященный все той же современной японской литературе. В 1934 году в ленинградском военном журнале «Залп» или, как тогда говорили, «журнале оборонной литературы», публикуется большой материал нашего героя «Военно-шовинистическая пропаганда в японской литературе и задачи советских

оборонных писателей».

И все это время не прерывался его «чекистский стаж». С 15 июня 1923 года Ким числился секретным сотрудником, переводчиком 5-го отделения Контрразведывательного отдела (КРО), а затем 4-го отделения Особого отдела (ОО) ОПТУ. В своей автобиографии он писал: «...В июне 1923 г. прибыл в Москву в распоряжение 5 КРО ОГПУ и определен на работу согласно указания тов. Дзержинского, который был уже осведомлен о моем прошлом...» Следующей долгожданной ступенью карьерного роста стало принятие 1 марта 1932 года Романа Кима в штат ОПТУ на должность оперуполномоченного 4-го отделения ОО ОПТУ. 1 декабря 1934 года — в день убийства Кирова — Роман Ким был назначен сотрудником для особых поручений 6-го отделения 1-го отдела, а затем 3-го отдела ОО ГУГБ НКВД СССР. В 1937 году был награжден револьвером системы «Наган» и «Вальтером», знаком «Почетный работник ВЧК — ГПУ (XV)» и орденом Красной Звезды — внушительный список по тем временам! За что именно? За поддержание связей с агентурой в японском посольстве в Москве, получение особо ценных сведений и за свою специализацию — «изъятие секретных документов из сейфов японского военного атташата». Чем не ниндзя? Со временем старший лейтенант госбезопасности (то есть майор, по армейской классификации) Р.Н. Ким возглавляет все японское направление контрразведки НКГБ. Мечта о мести его корейских родителей сбылась. Мало на свете было людей, нанесших такой ущерб японским тайным службам и вообще Японии, какой нанес им бывший Кин Ёрю в ту пору, когда ученик его наставника стал императором Сева.

Спустя некоторое время после развода с первой женой Зоей Заикой Ким женился снова. Сын Аттик остался с мамой, любившей другого. Избранницей Романа Николаевича стала японовед Мариам Самойловна Цын — тоже сотрудник органов. Родился сын Вива (Виват), которого Ким почему-то (мы не знаем, почему, до сих пор — одна из главных загадок Кима!) в анкетах именовал то дочерью, то сыном, равно как и каждый раз менял корейские и японские имена — и свои, и своего отца. Дальше — еще сложнее.

2 апреля 1937 года Роман Николаевич Ким был арестован по обвинению в шпионаже в пользу Японии. Заключен в Лефортовскую тюрьму. Ему не давали спать — он не мог забыть этого до конца жизни. Довели до такого состояния, что, пытаясь одним разом покончить со всем, она раздавил свои очки и съел стекла от них. Выжил. Был привлечен к делу Тухачевского, но сказал не то, чего от него ждали следователи, и снова его пытали. Наконец он не выдержал и признался. Но признался так, что

поразил не только выдавших всякое следователей, но и самого главу НКВД Ежова: «Ким, по национальности японец, был сыном бывшего японского посла в царской России. Он скрывал это, выдавая себя за корейца... Настоящее имя Кима было Кинго Мотоно. Ким был внебрачным сыном японского дипломата Ичиро Мотоно, бывшего послом в России в годы империалистической войны и впоследствии министра иностранных дел при кабинете Ямамото».

Чтобы придумать такое, надо было обладать буйной фантазией, хладнокровием и способностью рисковать — качествами настоящего ниндзя. Ким рискнул и выиграл. Следствие затянулось. Арестовали и расстреляли Ежова, многих из тех, кто работал вместе с Кимом, и даже некоторых из тех, кто вел его дело. Новое руководство госбезопасности поняло, что его водят за нос (теперь Роман Ким фигурировал еще и как Мотоно Кинго и Саори Кинго — следователям явно не по силам было в этом разобраться...), но оценило возможности и знания арестованного. 9 июля 1940 года Военной коллегией Верховного Суда СССР Роман Николаевич Ким был осужден по статье 58–1а УК РСФСР на 20 лет лишения свободы. Он остался во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке и продолжал переводить секретные документы, которые добывали теперь другие люди. Когда началась война и японское посольство эвакуировали в Куйбышев, Ким поехал вслед за ним и, сидя в местной тюрьме, продолжал работу. Он даже сумел вытащить в 1943 году из лагеря жену, арестованную вслед за ним в 1937-м как «член семьи изменника Родины». Не успел только спасти сына — мальчик умер вскоре после встречи с матерью, и это на всю жизнь осталось незаживающей раной.

А потом началась война с Японией. Мы не знаем, чем занимался человек со множеством имен, но Определением ВК ВС СССР от 10 сентября 1945 года он был осужден Особым совещанием при НКВД СССР «за злоупотребление служебным положением» на 8 лет 9 месяцев лишения свободы, и 29 декабря 1945 года Роман Ким вышел на свободу, а вскоре был награжден медалью «За победу над Японией».

Прошло несколько лет, и в 1951 году сначала в советской, а потом и в мировой детективной литературе возник писатель Роман Ким. В самый разгар Корейской войны в пятом номере журнала «Новый мир» вышла его повесть «Тетрадь, найденная в Сунчоне», написанная в форме отчета японского разведчика. Мы обязательно к ней еще вернемся — ее текст полон загадок! Уже в 1952 году книга вышла в Японии под названием «Командиры, совершившие сэппуку, живы» и с фотографией дворцовой площади на обложке — эпиграф этой главы как раз из той книги.

В 1954 году в журнале «Октябрь» с продолжением печаталась повесть «Девушка из Хиросимы». В 1956-м под этим названием и в едином переплете в издательстве «Молодая гвардия» вышел первый сборник его произведений. Сборники издавались еще не раз. В них включали всё новые и новые произведения «маститого советского автора приключенческой прозы»: «Агент особого назначения» и «Кобра под подушкой», «По прочтении сжечь», «Кто украл Пуннакана?», «Школа призраков», «Дело об убийстве Шерлока Холмса».

На протяжении нескольких лет Роман Николаевич с увлечением изучал мировую детективную прозу, пытаясь постичь законы жанра, его продвижения на рынке, сопряженность с пропагандой в условиях глобальной «холодной войны» и вне их, понять сам смысл его существования и вкладывая свои мысли в уста героев своих повестей: «Я думаю о продукции писак типа Флеминга и Ааронза... Их описания злодеяний красных шпионов организовано проталкиваются на книжные рынки Европы, Латинской Америки, Азии, Ближнего и Среднего Востока, Африки. И миллионы читателей всех возрастов зачитываются этими книжками. Они написаны так, что от них трудно оторваться. В сознании читателей постепенно закрепляются образы разведчиков из стран “железного занавеса”, растет уверенность, что все описанное в увлекательных книжках — правда, и страны коммунистического лагеря в самом деле засылают во все части света убийц, таких, как доктор Но, Грант, полковник Васильев... И читатели многих стран исподволь начинают верить в мифическую экспансию красных правительств. Шпионский детектив — очень действенное оружие в психологической войне, сфера его влияния и сила воздействия поистине огромны. Мне непонятно одно: почему советские детективные писатели не отвечают Флемингу и его коллегам? Почему уступают без боя книжные рынки зарубежных стран? Ведь советским авторам не надо придумывать похождения выдуманных шпионов. Они могут рассказывать о реальных “подвигах” американских и английских разведчиков — о “полосатом заговоре” в Сирии, о махинациях Кохрена, Камминга и Аллисона в Индонезии, Доновена в Таиланде, Бэйрда на Цейлоне, Кеннона в Японии, Тимберлейка в Конго, Пьюрифоя в Гватемале и так далее. Советским авторам не надо высасывать факты из пальца, как это приходится делать авторам англо-американских шпионских боевиков».

Зная биографию автора, фразу «ведь советским авторам не надо придумывать похождения выдуманных шпионов» понимаешь совершенно не в том ключе, в котором продолжает развивать ее Ким. Кажется, не о

подвигах западных шпионов хочет сказать автор, а о своих подвигах, о своих разведчиках... Хочет, но не может. Да и про иностранных не очень получалось. По свидетельству кропотливого и внимательного исследователя Ивана Просветова, тщательно изучившего документы Кима в целом ряде архивов и посвятившего ему интереснейшую документальную повесть под названием «Крестный отец Штирлица», Ким очень хотел написать о японской разведывательной школе в Накано. Не дали. Затребовали обличение сотрудничества Запада с террористами, и на свет появилась бейрутская «Школа призраков», в которой, правда, все равно очень много дальневосточных мотивов. Повесть и начинается-то вынесенным в эпиграф переводом слова «ниндзюцу» из японского словаря Кацуматы. Многие фразы выглядят как завуалированные попытки рассказать о себе («...великолепно знает японский, учился в Токио, в университете Кэйо, обладает незаурядными лингвистическими способностями, светлая голова...») и о том, почему и как он пишет («пусть твои писания больше напоминают беллетристические фрагменты, чем деловые доклады»). Это характерно и для других его произведений, и это повод для того, чтобы задуматься над тем, насколько они документальны вообще, а значит, и над тем, где он был и что видел.

О жизни Романа Николаевича Кима после 1945 года мы знаем меньше, чем о его довоенных приключениях. Говорят, он работал в Советском обществе дружбы с зарубежными странами, где, естественно, в сфере его интересов была Япония. Удивительно, непостижимо много — для реалий тех лет — путешествовал по миру. Бывал в США, Франции, даже в Эритрее. Как выпускали его во времена «железного занавеса»? Загадка.

Он был очень необычным человеком. Трудно отделаться от мысли, что он-то и был настоящим ниндзя, но только не в традиционном нашем представлении — в черном облегающем костюме и со средневековыми орудиями убийства в руках, а в понимании ниндзюцу как высшей формы организации перевоплощения и шпионажа. В том понимании, в каком он сам употреблял это слово, используя перевод из словаря Кацумата: «ниндзюцу — искусство быть невидимым», то есть неотличимым от среды. И Роман Ким всегда выглядел как один из тех, среди кого жил, — будь он японским школьником в элитарном колледже, корейцем-чекистом на советском Дальнем Востоке, внедренным ОГПУ японцем среди японской агентуры в Москве или опытным японоведом с туманным прошлым для коллег из Института востоковедения.

Он не успел, не смог никому рассказать правду о своей жизни (скончался Роман Николаевич Ким 14 мая 1967 года в Москве), и

восстанавливать его биографию приходится нам, читателям. Это, я вам скажу, захватывающее занятие, ведь самый лучший детектив, который написал «ниндзя с Лубянки», — его собственная жизнь.

Университетская столица

Итак, 13 сентября 1906 года, через год после окончания Русско-японской войны, маленького Рому Кима привезли в Японию. Везли, скорее всего, либо японским пароходом, либо рейсом русского «Доброфлота» Владивосток — Цуруга. Мы помним этот путь по истории Василия Ощепкова, и неудивительно: почти все наши соотечественники тех времен добирались в Токио именно так, следуя дальше от Цуруги на поезде до Токио. Привычный сегодня путешественникам Токийский вокзал (Токио эки) существовал только в помине — его строительство лишь началось в 1908 году. До этого времени поезда, приходящие в Восточную столицу с северо-востока, имели конечной станцией назначения Уэно, а с юго-запада — станцию Симбаси. Туда — на Симбаси — прибывали и рейсы из Осаки, Киото и лежащей в стороне от Киото Цуруги.

Симбаси — одна из старейших станций токийского участка японской железной дороги (на четыре месяца старше только расположенная еще южнее станция Синагава), она открылась для пассажиров 10 октября 1872 года. В память о том, что когда-то отсюда начиналась первая японская железная дорога, связавшая Токио с юго-западными префектурами, с одной стороны станции Симбаси стоит колесная пара, а с другой — хорошо известный всем токийцам паровоз, иногда издающий призывные, будоражащие кровь, гудки. Около него удобно назначать встречи, если вы не хотите рискнуть потеряться в бурлящем центре Токио. На площади перед паровозом едва ли не каждый день проводятся какие-нибудь ярмарки и выставки-продажи: от старых книг и журналов до редких сортов сакэ и закусок к нему (последние — чаще). А рядом проходит улица, забытое название которой могло бы напомнить о находившихся здесь в раннюю железнодорожную старину зданиях, построенных из красного кирпича, — Акарэнго. Вот сюда-то, скорее всего, и привезли маленького Кима, когда его отец решил, что «единственная возможность узнать Японию — страну-противника — это получить там образование».

Рома Ким не успел пойти в школу в России. Его обучение началось в Японии, и сразу на японском языке. Неизвестно, знал ли он хотя бы несколько слов на нем, прежде чем прибыть в Токио, но даже если и знал, представить себе, какие трудности он перетерпел, прежде чем стал все понимать и общаться со сверстниками на равных, нам сегодня почти невозможно. Говорят, дети очень быстро вживаются в среду, впитывают ее

привычки и начинают даже думать так, как думают вокруг них. Если это так (ведь рассуждают об этом всегда взрослые), то маленький Ким очень быстро стал японцем. Приходится значительно больше удивляться тому, как ему удалось так быстро адаптироваться в России, когда пришлось вернуться на родину, но это еще впереди. Вероятно, в начале пути его сопровождал партнер отца по бизнесу Сугиура Рюкити, который, работая во Владивостоке, наверняка говорил и по-русски. Но куда вел этот путь?

Мы можем предполагать, что отец Романа Кима — Ким Пен Хак или Ким Сюн Хак (сын в разных документах называет его по-разному), помня о возможностях университета Кэйо по обучению иностранцев, неслучайно собирался определить своего ребенка в систему этого учебного заведения. При университете действовал один из восьми (на всю страну) колледжей, готовящих к поступлению в любой из четырех императорских университетов: Токийский, Киотский, Тохоку и Кюсю. Разумеется, после колледжа можно было поступать и в сам Кэйо, хотя и не относившийся к числу императорских, но стоящий, благодаря качеству подготовки, явно выше в рейтинге, чем университеты Тохоку и Кюсю. К поступлению в колледж Кэйо готовила (и сейчас готовит) университетская специализированная младшая школа Ётися. Вот туда-то и направили свои стопы маленький Рома Ким и его попечители.

Где находилась эта школа в 1906 году? Вопрос не самый простой, но пока единственным ответом на него является: там же, где и сейчас. Современный адрес школы таков: Сибуя-ку, Эбису, 2–35–1. Путь туда уже хорошо знаком нам по истории с поиском дома Макса Клаузена: ближайшая станция метро — Хироо линии Хибия. Поднявшись из 6-го выхода, надо пройти примерно 8 минут пешком. Хорошим ориентиром служит высоко поднятый над перекрестком пешеходный мост, мелкая речка Сибуя и высокий комплекс госпиталя Хироо на противоположной стороне улицы. Сама школа скрыта от нескромных взоров высоким забором и тенистыми деревьями, за которыми постоянно дежурит охрана в форме. Так и должно быть — до Кима, одновременно с ним и позже него здесь учились несколько будущих премьер-министров Японии, множество министров, генералов, адмиралов, депутатов парламента, крупнейших бизнесменов страны. Сюда и сегодня очень сложно поступить, несмотря на довольно большое количество частных школ и колледжей и в разы выросшую численность университетов по всей стране. Ётися — это марка, престижный, дорогой и уважаемый бренд. Нслучайно расположена она в одном из элитарных районов Токио, а сам Ким не зря называл на допросах в НКВД свою школу «императорским лицеем». То, что будущий советский

контрразведчик начал получать свое образование здесь, — факт удивительный и объяснимый, только если принять во внимание все то многолетнее упорство и энергию Кима-старшего, направленные на подготовку высокопрофессионального специалиста по борьбе с японским милитаризмом в самом его сердце.

Японский русист-литературовед Кимура Хироси, знавший и друживший с Романом Николаевичем с 1958 года, писал, что при поступлении Кима в Ёсися его опекуном был заявлен отец — Ким Сюн Хак, в графе «адрес» значилось: Кодзимати-ку, Хиракава-тё, 5–26, а жил мальчик в школьном общежитии. Логично предположить, что это общежитие находилось в Хиракава-тё, но так ли это?

Кодзимати сегодня — всего-навсего станция метро в центре Токио, название которой в разных местах написано разными иероглифами — результат не до конца вошедшей в привычку языковой реформы, да небольшой кварталчик вокруг, зажатый между районами Хандзомон и Нагата-тё. А когда-то это был обширнейший район, который помимо того, что примыкал непосредственно к императорскому дворцу, так еще и сам этот дворец в себя включал. Именно здесь любили останавливаться советские разведчики в начале XX века, в том числе приезжавший в Токио с Хоккайдо Владимир Плешаков. На картах начала эпохи Мэйдзи прямо на зеленом парковом пятне обители японских императоров значилось: «Район Кодзимати». Потом власти решили все-таки, что демократия демократией, а присваивать почтовый адрес с индексом Сыну Неба несколько странно, и в будущем такое не повторялось. Хиракава-тё, состоявший из шести кварталов, был частью района Кодзимати. Однако представить себе, что здесь находилось общежитие мужской школы Ётися, располагающейся в Хироо — довольно далеко отсюда, сложно. Непонятно, то ли какой-то отрезок времени школа находилась поблизости отсюда, то ли адрес, занесенный в реестр учеников Ётися напротив имени Кин Ёрю, всего лишь своеобразная токийская регистрация, своеобразная прописка, к реальному месту жительства отношение имеющая только опосредованное. На эту мысль наводит и тот факт, что именно в пятом микрорайоне Хиракава-тё, там, где был зарегистрирован Ким, на некоторых картах стоит подпись: «Владение Сугиура».

Известно, что ставший позже опекуном выходца из России конфуцианский ученый Сугиура Дзюго основал в 1885 году школу английского языка, первые семь лет размещавшуюся в районе Канда. После пожара в 1892 году школа была выстроена заново, но по адресу... Кодзимати-ку, Ямамото. Это здесь же — через дорогу, а учитывая, что

топография города менялась едва ли не после каждого пожара, можно предположить, что это примерно то же самое место или участок, по соседству с которым могло находиться владение переехавшей из Оцу семьи Сугиура. Сама школа простояла здесь до 1916 года, пока из-за ветхости не была разобрана. Новое здание выстроили уже в Синдзюку, но вот что интересно — со временем идея Сугиура об обязательном изучении английского языка элитой японского общества трансформировалась из языковых курсов, которые окончили многие будущие представители политического бомонда страны, в специальный колледж, готовящий к поступлению в Токийский императорский университет. Заведение становилось все элитарнее и элитарнее одновременно с тем, как его основатель поднимался по карьерной лестнице.

Сегодня в районе, где находилась Английская школа Хандзомон, как ее называли в старые времена, есть школа английского языка, но, конечно, никакого отношения к языковому пансиону, готовившему нотаблей Японской империи, она отношения не имеет. Да и вообще, этот район сегодня почти ничем не наводит на мысль, что когда-то здесь могли стоять деревянные здания с черепичными крышами, могли ходить люди в кимоно, стучать в сумраке своими деревянными гэта на узких улочках, спешить на ужин домой или на службу в храм. Синтоистское святилище Хиракава-Тэммангу — немногое из того, что здесь сохранилось с прежних времен. Каменные ворота-тории и львы по-прежнему сторожат святилище, посвященное легендарному ученому древности Сугавара Митидзанэ, особо почитаемому всем учащимся людом — студентами, школьниками, даже слушателями любых курсов. Нет сомнения, что столетие назад сюда частенько забегали ученики Английской школы Сугавары в надежде заручиться поддержкой ученого, ставшего богом, в деле сдачи экзаменов и зачетов. Сегодня в обычный будний день сюда тоже идет много народу, в основном мужчин. Дело в том, что на территории храма есть курилка, которых так не хватает сарариманам, что не могут отвыкнуть от пагубной привычки в стране, успешно борющейся с курением и запретившей это делать на улицах, за исключением специально отведенных мест — вроде храма Тэммангу в Хиракава-тё. Жил ли здесь маленький Рома Ким? Вряд ли. Но бывал — обязательно. И наверняка заходил в этот храм, хотя тогда еще и не курил.

Воспитание Кима было строгим. Сугиура Дзюго, опекавший Кима, был избран преподавателем этики кронпринца Хирохито, ставшего со временем императором Сева, вовсе не за свою мягкость. Да и в Ётися воспитание напоминало обучение в военизированной школе, вроде наших

кадетских корпусов, куда принимают маленьких детей. Своя форма, общежитие, построения на занятия, даже игры — только по команде и под присмотром воспитателей — в этом не было ничего удивительного или экстраординарного для Японии начала XX века. Страна много воевала, а в мирное время готовилась к войне. Каждый мальчик, каждый молодой человек обязан был при наступлении определенного срока принести пользу своей родине если не с винтовкой Арисака в руках, то пусть даже пером и бумагой — но непременно в обстановке, напоминающей военную. Железная дисциплина, преданность трону, искренняя любовь к своей стране, готовность ради этого переносить любые тяготы и лишения, а при необходимости и отдать свою жизнь за императора — вот в какой обстановке ковался характер маленького корейца, родственника убитой японцами королевы Мин. Это была чудовищная нагрузка на психику: ведь, возвращаясь во Владивосток на летние двухмесячные каникулы, Рома Ким должен был, по сути, перевоспитываться своим отцом, который направил его в Токио вовсе не для того, чтобы из сына сделали японского патриота. Как Роман все это выдержал — непонятно, но в душе у него должна была быть или полная ясность своего будущего и понимание того, кто он, где и зачем он здесь, стержень, вокруг которого будет выстраиваться вся его жизнь, либо — многолетнее смятение, затрудненная национальная самоидентификация и непонимание своего настоящего и будущего.

Со временем этот внутренний конфликт нарастал. Окончив начальную школу, Ким Ёрю был переведен в школу второй ступени (всего их в Японии три, но, как мы помним, высших было немного, в том числе колледж Фуцубу университета Кэйю, где учился Ким). Школа, по всей вероятности, находилась в то время в главном кампусе университета в районе Мита. Сегодня это недалеко от старой токийской телебашни — Токио тауэр, и современный адрес кампуса: 2-15-45, Мита, Минатоку. Добраться туда можно от станции JR Тамати или станции метро Мита линии Мита или Асакуса, а также от станции Акабанэбаси. Если вы будете в Токио в этом районе, обязательно сходите посмотреть на это место: в Кэйю еще сохранились, хотя и порядком перестроенные, фрагменты старого корпуса университета, выстроенного когда-то в «голландском стиле» и выходящего прямо на улицу. Это красивое и необычное для Токио зрелище, притом что в целом университетская архитектура Восточной столицы довольно похожа и скопирована с западных образцов.

Известно, например, что после окончания колледжа Ким собирался поступать в Токийский императорский университет, славившийся подготовкой врачей, юристов и литераторов, — престижнейший в Японии

со времен своего основания (1877 год) и по сей день. Много позже Ким не раз говорил, что две его профессии — разведчика и литератора — боролись внутри него всю жизнь. Наверно, если бы он сразу поступил в Токийский императорский, его судьба сложилась бы по-иному. Но тогда мы вряд ли когда-нибудь узнали что-то об этом незаурядном человеке. Ведь Тодай, как сокращенно называют Токийский университет, дал Японии почти все имена, составившие ее славу на книжных полках: Абэ Кобо, Акутагава Рюносукэ, Кавабата Ясунари, Мисима Юкио, Нацумэ Сосэки, Оэ Кэндзабуро, Ямамото Юдзо. А еще были основатель дзюдо Кано Дзигоро, премьер-министры Ёсида Сигэру (пятикратный премьер, выпускник Ётися и Английской школы!), Киси Нобусукэ, Миядзава Киити, Накасонэ Ясухиро, Сато Эйсаку, нобелевские лауреаты по физике Косиба Масатоси и Эсаки Лео. Да, молодой Кин Ёрю, явно не без влияния своего опекуна, выбрал себе блестящее будущее.

Чтобы представить него гуляющим по главному кампусу Тодай в районе Хонго, можно съездить сюда, хотя из-за американских авианалетов и пожаров до наших времен не дошло почти ничего из того, что видел столетие назад Рома Ким. Но сохранились Красные ворота — Акамон, главный вход в университет. Когда-то это были ворота в усадьбу князя Маэда, на бывшей территории которой площадью 56 гектаров сегодня находится главный университетский кампус всяя Японии. Ворота построены в 1827 году и остаются сегодня самым старым сооружением университета, его символом, хотя существуют их ровесники — ворота Госюдэн, совсем не так хорошо известные даже среди токийцев. Если же войти через Акамон на территорию кампуса и свернуть налево, вы увидите множество деревьев гинко — второй символ университета, пройдете мимо додзё, где студенты занимаются фехтованием — кэндо и стрельбой из лука — кюдо. Иногда они выбегают по каким-то своим надобностям на дорожки кампуса и мчатся мимо вас, зажав оружие в руках. Тогда легко представить себе, как это место выглядело раньше. А если вы пройдете через центральную площадь с фонтаном и мимо восьмиэтажного колоннообразного здания факультета культуры, где учился когда-то и автор книги, которую вы держите сейчас в руках, то окажетесь у одного из самых красивых парков Токио и у пруда Сансиро, воспетого классиком японской литературы Нацумэ Сосэки, сживавшему на этих берегах после тяжелого учебного дня. Нет, обожавший японскую литературу Рома Ким просто не мог здесь не побывать!

Пруд обустроен в 1615 году, когда и Токио еще не существовало, а был Эдо — молодая столица сёгуната Токугава, в которой феодалы из

провинций устраивали себе усадьбы, призванные напомнить и родные края и удивить соседей изяществом и вкусом ландшафтной архитектуры. Напротив пруда — здание Ясуда, широко известный корпус, построенный в западноевропейских традициях, но с примесью японской колониальной архитектуры в 1925 году. Сейчас там размещается администрация, а в 1969 году забаррикадировались четыре сотни леворадикальных студентов во время охвативших всю страну протестов против войны во Вьетнаме. Две с лишним тысячи полицейских выбивали их оттуда два дня водометами и гранатами со слезоточивым газом. Около тысячи человек с обеих сторон получили ранения. Если бы Роман Николаевич Ким дожил до тех дней, он бы в очередной раз убедился в правильности выбранного им идеологического пути и политической «заряженности» своих детективов. Спускаясь все ниже и ниже от здания Ясуда, вы неизбежно окажетесь на берегу огромного лотосового пруда Синобадзу, перейдя который по перешейку мимо святилища Бэнтэн и памятников ядовитой рыбе фугу, очкам и лютне-бива, окажетесь в парке Уэно, в котором наверняка тоже не раз бывали абсолютно все наши герои, а мы пока вернемся к Роману Киму.

С переходом мальчика в среднюю школу в книге регистрации сменились его данные. Вместо настоящего отца опекуном официально был назван Сугиура Рюкити, а в качестве места жительства указан следующий адрес: Усигомэ-ку, Вакамия-тё, 32. Дом принадлежал Сугиура Дзюго, который в указанный период был смотрителем «учебного кабинета» принца Хигасиномия, смотрителем дворцовой библиотеки, а чуть позже стал воспитателем наследного принца Хирохито. Но сменились не только официальные координаты Кима.

Смена места жительства повлекла за собой серьезные перемены в личной жизни. Кимура Хироси рассказал о них со слов самого Романа Николаевича: «С переходом в школу второй ступени... жизнь Кима внезапно осложнилась. Одна из семей, родственная семье Сугиура по женской линии, и не имевшая своих детей, завела речь о том, чтобы усыновить Романа, который отлично успевал и был очень смышленным юношей. Когда семья Сугиура заговорила об этом с отцом Романа, тот поинтересовался у сына, что он сам об этом думает. И Роман ответил, что “совершенно влюбился в Японию и будет рад стать японцем, коль скоро такая возможность представилась”, тем более что он... влюбился в дочь Сугиура Дзюго». Кимуре вторит и раскрывает некоторые подробности этой одновременно трагической и романтической истории одноклассник Кима по Кэйю Сига Наодзо — младший брат популярного писателя Сига Наоя. В своей автобиографии, самокритично названной «Биография болвана»

(«Ахо дэн») он рассказал: «Пацаном, который твердил мне о запрете курить какие-либо сигареты, кроме тех, у которых был яблочный аромат, был Кин Кирю (еще одно японское имя Романа Кима). Я слышал, что отец Кин Кирю был корейским патриотом и в силу каких-то обстоятельств эмигрировал в Россию, а мать его, как говорили, была русская (*очевидная ошибка или результат сплетни. — А.К.*), но сам он не был похож на метиса. Кин Кирю был развит не по годам и выглядел старше нас и уже во втором или третьем классе “общего отделения” (средней школы) влюбился безответной любовью. И угораздило-то его влюбиться в дочку Сугиура Дзюго. Это была первая его девушка, и она, похоже, ни о чем не догадывалась. Когда же он делился с нами рассказами о своих горестях неразделенной любви, хотя это были обычные чистые детские разговоры, мы все, его приятели, слушали их со смешанными чувствами, испытывая, по меньшей мере, зависть и ревность».

А вот еще любопытная деталь: описание отношения Кима к городу, к Восточной столице. Оно поразительно напоминает рассказ об учебе в Токийском императорском университете первого европейского студента — сына владельца лучших магазинов России Сергея Елисеева. Тот окончил Тодай в 1912 году и остался на некоторое время в Токио, блестяще овладев языком, глубоко проникнув в культуру японского народа, а немалые деньги, получаемые от отца, Серж Елисеев тратил на общение с токийским артистическим бомондом, с актерами, музыкантами, писателями и даже гейшами. В будущем С.Г. Елисеев создал центр японоведения в парижской Сорбонне, а затем стал основателем аналогичной школы в американском Гарварде, но это отдельная большая история. В пору же его молодости про Елисеева говорили, что он выглядит токийцем, или «эдокко», больше, чем уроженцы Восточной столицы. Точно так же было и с Романом Кимом, которому было, конечно, намного легче казаться эдокко в силу своей азиатской внешности. Сига Наодзо вспоминает: «Он вел себя как настоящий токиец, со всеми характерными для токийцев привычками и вкусами, рассказывал об улочках с забегаловками, где стоя едят суси, и очаровывал нас своими подражаниями знаменитому рассказчику кайданов (историй о привидениях) Данъу. В сумо он был для нас как могучий Татияма, и ни я сам, ни Табо не могли оказать ему ни малейшего сопротивления и буквально улетали от его толчка-тэппо.

Когда мы учились во втором или третьем классе общего отделения, он принес показать нам журнал по искусству очень большого формата на русском языке, сказав, что его прислал ему отец. В журнале были помещены многочисленные работы примитивистов: Гогена, Сезанна,

Шагала и других. Я даже сейчас помню, как недоумевал тогда, почему это “не напечатали Ван Гога”? Хорошо помню я еще и то, как таращил от удивления глаза, рассматривая работы Шагала, полные загадочного и удивительного очарования.

Кин Кирю иногда резал на дереве для разовой печати гравюры довольно фривольного содержания. Это было возможно, наверное, потому, что господин Сугиура Дзюго как смотритель учебного кабинета принца Хигасиномия был слишком занят, чтобы заглядывать в комнатку своего ученика, находившуюся сбоку от входа в дом.

Позднее Кин Кирю бросил школу и уехал то ли в Корею, то ли в Россию. При этом одну из этих двух гравюр он оставил мне на память. Это портрет обнаженной женщины, сидящей на стуле. Эта гравюра висит у меня в комнате на притолоке. Я не могу сказать, что она мне как-то особенно нравится, повесил я ее у себя просто в память о своем приятеле. Но помню, однажды ко мне пришел мой старший брат. Долго он ходил вокруг этой картины, а потом как рявкнет: “Эта картина вызывает у меня какое-то неприятное ощущение. Привкус от нее плохой. Сними ее!” — и вышел из комнаты».

Решение бросить школу, как мы помним, было вызвано созревающим в душе Романа Кима решением навсегда остаться Кин Ёрю и противодействием отца. Принятие в клан Сугиура, поступление в Токийский императорский университет, литературная и переводческая карьера, в скорой перспективе женитьба на дочери великого Сугиуры Дзюго — все эти блестящие планы разбились о железную волю Николая Николаевича Кима, слишком хорошо помнящего, зачем он послал сына в Токио. И в феврале 1916 года Роман Николаевич Ким, он же Ким Ян Ён, он же Кин Ёрю, он же Кин Кирю, покинул ставший ему родным особняк в Вакамия-тё. Но он никогда в своей жизни не забывал этого места, не забудем же и мы.

Маленький квартал Вакамия-тё расположен в том же районе Усигомэ, где в 1930-е годы жила семья Бранко Ву-келича, но несколько ближе к императорскому дворцу — недалеко от моста Иидабаси и ныне одноименной станции метро, между рекой Канда и улицей Васэда-дори, ведущей к одноименному университету — тоже одному из лучших в Японии. Культурная доминанта этих мест, конечно, район и сама улочка Кагурадзака, где и сегодня еще немного чувствуется аромат старого, даже средневекового города, что стало большой редкостью для современного Токио. Здесь еще можно встретить гейш, время от времени попадаются «нихонцу» — фанаты одежды в стиле Эдо начала прошлого века, но в

целом это место довольно шумное в отличие от тихого и не поражающего масштабами соседа — Вакамия-тё. Сегодня этот спальный квартал известен главным образом синтоистским храмом Кагурадзака-Вакамия-Хатиман, посвященным богу войны. Во времена Эдо здесь селились провинциальные самураи, в том числе из старой японской военной столицы — Камакуры, где на Журавлином холме в храме Хатимангу в начале XIII века размещалось военное правительство страны. По одной из версий, оба этих храма заложены основателем династии сегунов Минамото, но проверить это уже вряд ли возможно.

Место же, где стояла усадьба наставника наследного принца и где Кин Ёрю вырезал не слишком пристойные изображения женщин в европейском стиле, сегодня, конечно, застроено. Представить себе, как оно выглядело, можно, присев отдохнуть в маленьком парке Вакамия, разбитом на территории старой самурайской усадьбы 1657 года постройки. Двухуровневый рельеф парка, образованный спуском одного из переулков к Васэда-дори — в Средневековье здесь был оборонительный ров, — старые воротные столбы и необычные «столы» из громадных многотонных камней привлекают сюда любителей старины. А может быть, это и была резиденция Сугиура Дзюго?

Разбомбленный город

По всей вероятности, после отъезда в 1916 году из Японии Роман Ким не мог здесь оказаться в следующие годы. Революция и Гражданская война в России, учеба в университете, а потом служба в контрразведке ОПТУ не создавали благоприятных условий для путешествий. Сугиура Дзюго умер в своей резиденции в феврале 1924 года. Сугиура Рюкити скончался в Харбине. Настоящий отец Кима, живший после 1923 года в Москве, в 1928 году поехал во Владивосток, заболел в поезде и тоже завершил свой земной путь. От японского прошлого у Кима остались только воспоминания. Но... только ли? И если ничто нам не дает повода заподозрить его в том, что он мог быть в Японии в довоенные годы, то тексты уже не оперативного работника госбезопасности, а произведения крупного советского писателя-детективщика Романа Николаевича Кима наводят на некоторые неожиданные размышления.

Полковник КГБ СССР в отставке, японовед А. А. Кириченко, будучи курсантом Высшей школы КГБ в Москве, однажды видел Кима на «встрече ветеранов с молодежью». Понятное дело, и ветераны, и молодежь были весьма специфическими, а потому вопросы и ответы мало кого могли удовлетворить. С обеих сторон это были скорее намеки и полунамеки. В беседе с Иваном Просветовым А. Кириченко потом вспоминал, как «когда кто-то спросил Кима о том, что он делал во время войны, писатель на несколько секунд растерялся, а потом вдруг ответил: “Работал в логове врага”». Что это значит? Не знал, как сказать, что сидел в камере и занимался переводами? Или не только сидел? А может быть, Роман Николаевич имел в виду работу в Куйбышевской «шарашке», куда ему для перевода стекались выкраденные у японских разведчиков документы? Или что-то другое? Шансов узнать это наверняка у нас нет практически никаких, но предположить кое-что мы можем. А для этого откроем послевоенные произведения Романа Кима, и вот что будем иметь в виду. Сам автор как-то заявил в беседе с коллегой: «Мои книги — честные рассказы о том, что я знаю, — о борьбе разведок... Для меня в книгах о разведке есть только одна специфика — в них я не могу сказать все, что знаю». «Знаю только это, но все рассказать не могу» — это правило Кима — ключ к пониманию его работ. От этого и будем отталкиваться.

Вскоре после войны в июльском номере толстого советского литературного журнала «Новый мир» за 1947 год вышла статья Р.Н. Кима

«Японская литература сегодня». Начинаясь она весьма реалистичной зарисовкой послевоенного Токио: «На полуобгорелых столбах наклеены плакаты, на них начертано тушью: “Наши рисовые кадки пусты!”, “Нам грозит голодная смерть!”, “Приходите все на общее собрание жителей квартала для борьбы с голодом!” На пустырях, где сложены, как дрова, покрывшиеся ржавчиной снаряды, — их никто не охраняет, — бродят бездомные. Мужчины в костюмах европейского фасона, но в деревянных сандалиях на босу ногу, женщины, причесанные по европейской моде, как героини американских фильмов, но в рабочих шароварах, с ребенком на спине.

Перед лотками, на которых разложены крохотные лепешки с начинкой из каштанов, ломтики бобовой пасты и вареные каракатицы, стоит толпа. Покупающих мало, потому что цены на яства в так называемых новых иенах. Жалованье — 500 иен, на эти деньги надо прокормить семью, а пирожок величиной с пуговицу — 20 иен. Остается только смотреть и глотать слюнки. Тут же рядом — уличная лотерея. Если улыбнется богиня счастья, можно выиграть целых три сигареты “Кэмел”.

Пробегают рикши — вид транспорта, снова вошедший в моду в Токио после войны. На рикшах восседают джи-ай — это название американских солдат прочно вошло в японский язык. Издали доносится пение — демонстранты идут к площади перед резиденцией императора. Они несут плакаты: “Дайте еду, чтобы мы могли работать!”, “Чашку риса!” Они идут мимо наспех сколоченных бараков, раскрашенных как коробки для конфет, кинотеатров и дансхоллов. Кинотеатры и дансхоллы переполнены, японцы соскучились по развлечениям.

А на другой стороне улицы выстроились книжные лавки. Продуктовые и другие магазины блещут пустыми полками, процветают только книжные. За эти годы японцы изголодались по духовной пище не меньше, чем по рису и развлечениям».

Далее Роман Ким на нескольких страницах подробно, если не сказать дотошно, разбирает проблемы послевоенной японской литературы — с именами, выдержками из книг и статей, фактами, датами, тиражами. Допустим, что всю фактуру Ким почерпнул из трофейных журналов, газет, передач радио. Возможно, о чем-то рассказали так называемые сибирские пленные, в допросах которых он неминуемо должен был принимать участие, но не единого (!) свидетельства о том нет. Можно согласиться и с тем, что внешний облик города, в котором он вырос, бывший Кин Ёрю тоже сумел себе представить по внешним источникам. Правда, представил как-то уж очень живо и достоверно, но ведь на то он и писатель, не так ли?

Но вот спустя четыре года в том же «Новом мире» появляется первый политический детектив Романа Кима, его первая повесть: «Тетрадь, найденная в Сунчоне». Книга написана по свежим документальным материалам корейской войны, но, кроме нескольких любопытных аллюзий (например, одного из героев зовут Пен Хак — как отца Кима), ничего особенно корейского в ней нет. Во всяком случае, как раз все корейские эпизоды вполне можно было воссоздать по газетным и журнальным публикациям, особенно если добавить к ним знание реалий, а они, как мы понимаем, у Кима были, и мастерство. Но в том-то и дело, что по сюжету в Корее действие только начинается и заканчивается, а практически весь основной сюжет разворачивается в военном и послевоенном Токио. Восточная столица выписана здесь с таким мастерством и таким знанием деталей, что очень трудно себе представить уровень фантазии человека, способного так придумать реальность. Неслучайно в японское издание книги — то самое, с дворцовой площадью на обложке, были вложены рекламные анонсы: «То, о чем не знают японцы, знает писатель-иностранец!» И по большому счету «Тетрадь, найденная в Сунчоне» — уникальный путеводитель по Токио 1945–1946 годов. Судите сами.

Начать экскурсию, конечно, лучше всего с дома Сугиура. На страницах повести в нем живет бывший начальник военного училища, возможно, находившейся по соседству военной академии, по прозвищу Осьминог (можно не сомневаться, что у него был реальный прототип): «Разговор с Осьминогом произошел в противовоздушной щели, вырытой в заднем дворике его дома в Усигомэ, в квартале Вакамия. Старик строился вполне комфортабельно: дно щели было устлано циновками, сделан брезентовый навес — на стенках полки для посуды и табачного прибора — и, так как часто приходилось ночевать в щели, поставлена жаровня для обогрева ног». Чуть позже это место упоминается еще раз: «...офицерское общежитие около Кагурадзака, совсем недалеко от дома Осьминога». В бытность свою в доме Сугиура влюбленный подросток Кин Ёрю вряд ли мог концентрировать свое внимание на таких деталях, как наличие в районе Кагурадзака офицерских общежитий. Помимо учебы у него были, как мы помним, другие интересы, далекие от военного дела. Но общежитий, казарм и вообще военных в Кагурадзака стало особенно много в тридцатых годах, перед войной, что особенно удивляло в выборе этого места для дома Вукелича. Откуда о «милитаризации» района знал Ким?

Особенно подробно в книге описана неудачная попытка офицерского мятежа 15 августа 1945 года, состоявшаяся после объявления о капитуляции Японии. Упоминаются Кудандзака — как раз очень «военное»

место со времен Мэйдзи, где располагаются ныне скандально известный храм Ясукуни и Музей воинской доблести Юсюкан, набережные рек Сумида и Канда, Сибаура. Очень реалистична зарисовка бесплодного хождения главного героя по Токио:

«Над площадью (*императорского дворца*. — А.К.) низко пролетели самолеты. Они сбросили листовки. Листовки медленно, как лепестки вишни, спускались на трупы. Я поднял одну, упавшую возле Сасаки. Она призывала всех верных слуг государя идти с оружием на гору Атаго — бороться до конца за честь и достоинство императорской хризантемы». Гора Атаго — самое высокое место в центре старого Токио. Сегодня ее почти не видно из-за массовой застройки, да и рядом с ней самой выросли небоскребы «Атаго грин хиллз» и «Тораномон хиллз», с верхних этажей которых вершина горы выглядит милой зеленой лужайкой у их подножия, а когда-то это была высотная доминанта Токио, примерно такая же, как Суругадай на противоположной части города. Наверху с начала XVII века существует храм Атаго-дзиндзя, откуда раньше велось наблюдение пожарных за деревянно-бумажным Эдо. В 1945 году здесь действительно можно было бы организовать показательную точку для совершения массовых самоубийств — с японской точки зрения это было бы лучшим способом защитить честь и достоинство императорской хризантемы «разбившись подобно яшме». Но героя — диверсанта и разведчика, настоящего головореза, полного решимости выпустить себе кишки, не пустил на гору Атаго пожилой полицейский, и в ответ «я вынул коробку сигарет и предложил ему. Он поклонился и взял сигарету.

— На дворцовой площади уже собираются зеваки, — сказал я. — Не хочется на глазах у всех... Здесь, на горе, было бы хорошо.

— В таком случае идите в парк Уэно, — посоветовал чиновник, — там около храма Канъэй никого нет. Только положите около себя визитную карточку или служебный пропуск и напишите адрес ваших родных. — Он снова почтительно поклонился».

С точки зрения нормального европейского читателя процитированный фрагмент выглядит абсурдно. Только что размахивавший мечом профессиональный убийца, разрубавший американских пленных наискось, от плеча до поясницы, чтобы достать и съесть еще теплую сырую печень врага, идет на гору Атаго, исполненный желанием совершить самоубийство. Ему преграждает дорогу пожилой полицейский, и офицер покорно останавливается, угощает стража порядка сигаретами и спокойно выслушивает рекомендации по поводу того, где сейчас лучше вспороть себе живот. Этого не смог бы написать ни один американский или

европейский автор, это — очень по-японски.

Кстати, от Атаго до Уэно не меньше часа пешего хода. И хотя место это действительно подходящее для самоубийства (в 1868 году там вскрыли себе животы десятки мятежных самураев), дойти до него по дотла сожженному разбомбленному городу, по пустырям, усеянным битой черепицей, разрушенным дорогам и провалившимся мостам было непросто. Ноги унесли героя Кима в сторону от Уэно и привели его в Вакамия-тё — к дому Осьминога, но теперь мы понимаем, что это самого автора ведут воспоминания и приводят к дому его детства и юности, дому, которого тоже нет, — мятежные офицеры по ошибке забросали его гранатами. Старого, знакомого и родного Токио больше нет.

Но проходит два года, и все чудесным образом меняется. Скрывавшийся в горах от американской военной полиции герой повести возвращается в город: «Общезитие в Усигомэ стало неузнаваемым. У входа висела большая вывеска — на ней было написано по-английски “Манила-клуб” и нарисован щит с косою полосой и лошадиной головой в углу. А рядом с этой вывеской висела совсем маленькая — “Представительство компании по производству дрожжевых удобрений”.

Токио выглядел именно так, как должна была выглядеть покоренная и обесчещенная столица. Всюду зияли выжженные пустыри, но на Гиндзе в Асакуса, Синдзюку и Уэно жизнь кипела вовсю. Ярко раскрашенные бараки-кинотеатрики, кафе, дансинги, бары — были переполнены. Одних кафе в Токио функционировало свыше двадцати тысяч. Большинство вывесок было выдержано в духе новой эры: “Кэпитал”, “Сентрал”, “Парадайз”, “Сван”, “Майами”, “Нью”, “Флорида” и так далее. Перед этими пестрыми бараками толпились размалеванные девицы — панпаны. Эту кличку им дали их главные клиенты — американские солдаты. Панпаны были одеты по последней европейской моде и носили высоко взбитую прическу, прозванную “атомной бомбой”. Впрочем, воспоминание об этой бомбе сохранилось не только в виде прически. Я встретил в метро женщину со следами ожогов и разноцветными полосами на лице. Мне сказали, что она из Хиросимы — ее так изукрасили лучи бомбы. Токио с его выжженными пустырями и кварталами пестрых бараков был похож на эту женщину из Хиросимы».

А вот еще один эпизод, свидетельствующий о глубоком знании обстановки в Токио в то время: «Сидя в деревенском бесте, я целыми днями спал от скуки. После переезда в Токио я решил избавиться от этой привычки и начал принимать хиропон — патентованное бодрящее средство, вошедшее в моду после войны... Он стоил дешевле американских

сигарет, продававшихся в “Тоёко” — магазине бывшего премьер-министра принца Хигасикуни».

Герой Кима садится в троллейбус на станции Ёцуя (это недалеко от Усигомэ), бесцельно бродит по Западной Гиндзе, попадает в переделку с американской военной полицией на рынке в Киссёдзи, «где собираются спекулянты со всех концов столицы», наконец, под конвоем «мы спускаемся вниз к Тамеикэ и направляемся в сторону Хибия. Вскоре передо мной появилось семиэтажное здание Общества взаимного страхования жизни — штаб американского главнокомандующего».

Это здание существует и сегодня, хотя и в несколько перестроенном виде. Расположено оно к северо-востоку от хорошо знакомого нам парка Хибия и выходит фасадом с массивными колоннами на угол императорского дворца. Хорошим ориентиром служит теперь роскошный отель «Пенинсула», построенный справа от бывшего штаба (если стоять спиной к дворцу) и через один дом от него. Несмотря на то что здание надстроено и выровнено по общей многоэтажной линейке квартала Маруноути, спереди до сих пор выступает тот самый, вполне узнаваемый семиэтажный фасад, а внутри по-прежнему можно встретить командующего американскими оккупационными силами в Японии генерала Макартура, уже в виде бронзового бюста в небольшом музейчике, открытом не каждый день.

Когда-то «Макаса», как произносят его имя японцы, привлекал значительно больше внимания, чем теперь. Жил он на территории американского посольства, в забор которого несколькими годами ранее въехал на своем «Цундапе» Рихард Зорге, а свой ежедневный выезд на службу в здание страховой компании «Дай-ити сэймэй», прозванное теперь просто «Дай-ити», то есть «№ 1», обставлял с диктаторской пышностью. К десяти утра — обычному времени выезда Макаса — перед главными воротами американского посольства собирались любопытные токийцы, провинциалы, приехавшие в столицу, журналисты. Ворота отворялись точно в половине одиннадцатого и выпускали в сопровождении охраны на мотоциклах огромный черный «кадиллак», купленный Макартуром на Филиппинах у местного сахарного магната. Вместо номеров к радиатору и багажнику были прикреплены голубые пластины с пятью звездами на каждой, обозначающие, по американской военной традиции, статус владельца автомобиля — полного генерала. Строго говоря, номера тоже были, вернее, номер: «1». Ровно через пять с половиной минут машина с этим номером останавливалась у здания с таким же номером, и человек № 1 в послевоенной Японии поднимался в свой кабинет.

Жизнь в Токио постепенно менялась, и снова герой Романа Кима описывает эти изменения так, как если бы они действительно происходили у него на глазах. «В доме напротив станции Йоцуя, на котором висела вывеска “Гостиница Фукудая”, помещался штаб группы морских офицеров, а в гостинице “Вакамцусо” в районе Усигомэ помещался штаб группы военных врачей-бактериологов. Клуб “Романс” на Западной Гиндзе — в здании, примыкающем к телеграфному агентству Денцу, был штабом офицеров, окончивших разведывательную школу Накано.

Кафе “Акахоси” в районе Сибуя служило явочным пунктом для офицеров штаба армии в Корее, а контора Ии — для офицеров-генштабистов, работавших по русской линии. Эти штабы и явочные пункты офицерских групп были рассеяны по всему Токио под вывесками кафе, ресторанов, гостиниц и прочих предприятий.

...Все нити от этих компаний, контор, артелей, содружеств, клубов и кафе сходились в одном месте — в главной конторе в квартале Хибия, которая официально именовалась General Headquarters — главная штаб-квартира, сокращенно GHQ».

Роман Ким скрупулезно перечисляет детали и названия, места явок и тайников, понятные только посвященным: лютеранский институт в Нагано, квартал Сагиномия, Дом собраний в Хибия, некий особняк с воротами старинного типа в квартале Таканава (там и сейчас есть пара таких — какой из них?), кафе «Субару» в Юракутё, редакция газеты «Иомири» на Западной Гиндзе (на месте!), кабаре «Шанхай», там же и станция Синагава. В то, что эти адреса автор называет не просто так, заставляет поверить четкая логистика перемещений и вот еще какой нюанс. В повести много героев, в основном это офицеры разведки, генералы японской армии, несколько американцев. О том, что Ким был лично знаком с некоторыми из них, известно из его биографии. Например, «представителя министерства иностранных дел — Огата, бывшего советника нашего посольства в Маньчжоу-Го, а до этого секретаря посольства в Москве», военных атташе Кавабэ, Касахара, Ямаока Ким знал как «резидентов японского генерального штаба», он лично работал против генерала Миядзаки — руководителя разведывательного бюро в Сяхаляне-на-Амуре и против адмирала Маэда — бывшего военно-морского атташе в Москве.

Некоторые герои «Тетради...», как, например, «Малайский тигр» Цудзи Масанобу, встречаются и в других произведениях Кима. Интересно, что при этом писатель зачем-то смешивает двух реально существовавших людей. «Малайский тигр» — это генерал Ямасита Томоюки, командовавший войсками, захватившими Малаккский полуостров и

Сингапур. Он был повешен по приговору американского трибунала 23 февраля 1946 года. А вот полковник Цудзи Масанобу, служивший в армии «малайского тигра» и прославившийся своими зверствами как по отношению к собственным солдатам, так и по отношению к пленным и мирному населению, бесследно исчез. После войны, справедливо опасаясь обвинения в военных преступлениях, он некоторое время скрывался в Таиланде, но потом с удивлением понял, что никто его преследовать не собирается, и вернулся в Японию, где написал мемуары и стал... депутатом парламента. В 1961 году Цудзи отправился на партизанскую войну в Лаос, где наконец и сгинул. Официально он был объявлен умершим в 1968 году, и на его родине маньяку-садисту ныне поставлен памятник. В целом же вся его история сильно напоминает сюжет «Тетради, найденной в Сунчоне». Но как и откуда мог об этом знать репрессированный писатель из Советского Союза в 1951 году? Загадка.

Таких загадок, как мы убедились, биография и книги Роман Николаевича Кима хранят великое множество. Одна из главных — как ему удалось написать «путеводитель» по послевоенному Токио, если он должен был быть в это время в Москве? Ответ на этот вопрос, пока, во всяком случае, у каждого будет свой. Но мы с вами, путешествуя по современному Токио, будем видеть теперь еще несколько маршрутов, мест, памятных точек, связанных на этот раз с еще одним человеком удивительной судьбы, настоящим «ниндзя с Лубянки» — Романом Кимом. Или Кин Ёрю — кому как больше нравится.

Глава 4.

ИЗВЕСТНЫЕ НЕИЗВЕСТНЫЕ

Токио настолько перенаселен, что, кажется, даже собакам приходится махать хвостом не из стороны в сторону, а вверх и вниз.

Уолт Шелдон. Наслаждайтесь Японией

(из книги «Путеводитель КГБ по городам мира»)

Разведка — дело темное и опасное. Лучший разведчик — тот, о ком мы никогда не узнаем, и рассказанные перед этим три истории — скорее исключение из этого правила, чем его иллюстрация. Смутные времена, стихийно меняющиеся векторы развития всего мира выплеснули Василия Ощепкова, Рихарда Зорге и Романа Кима на историческую поверхность, и только благодаря нестабильности XX века мы можем сегодня изучать их биографии. Вместе с судьбами этих людей обнажились и детали, на которых построен сюжет этой книги, — топография Токио в истории советской разведки. Неудивительно поэтому, что как только мы пытаемся обратиться к каким-то иным фигурам, тема тайников и явок в Восточной столице быстро и неостановимо тает в жарком тумане токийского лета.

Мало кого из наших разведчиков, работавших в Японии, мы знаем пофамильно. Среди них можно набрать с десятков имен, чьи судьбы трагически прервались или были безжалостно изломаны в конце тридцатых годов прошлого века. Они не оставили воспоминаний, не написали книг (Р.Н. Ким — снова исключение), и практически все, что нам о них известно, почерпнуто из материалов архивно-следственных дел, где надо еще суметь отделить биографические кости правды от жирных наслоений следовательских фантазий. Понятно, что ни о каких точных данных, позволяющих усовершенствовать нашу карту «шпионского Токио», в таком случае говорить не приходится. Тем более практически все известные нам разведчики тех времен служили под «крышами» легальных резидентур, а значит, жили либо в дипломатическом, либо в торговом представительстве Советского Союза. Адреса обеих миссий нам известны и уже описаны. В книге Е.А. Горбунова «Схватка с Черным драконом» есть целая глава, которая так и называется — «Токийская резидентура ИНО ОГПУ (30-е

годы)». В ней довольно подробно изложена история, мягко говоря, не слишком успешной работы нашей политической разведки в Японии в предвоенный период, когда имелся лишь один заслуживающий доверия агент — сотрудник японской полиции, да и с остальными вопросами дела обстояли, прямо сказать, плохо. Резидентура была наполнена людьми, не знающими японского языка, а японоведы считались просто переводчиками, хотя представить себе ситуацию, когда вербовщик, не знающий местного наречия, пытается заполучить в свои сети ценного агента, просто невозможно. Оттого, видно, таких агентов и было — один. Главным же героем резидентуры сам собой вырисовывается Борис Гудзь, но причина тому видна невооруженным глазом — никто, кроме Гудзя, не дожил до наших дней и не мог рассказать современным исследователям о том, как все было на самом деле.

Направления выходов в город этих людей для встреч с крайне малочисленными агентами или хотя бы на прогулку по магазинам в наших архивах тем более не описаны. Данные об этом наверняка есть в архивах японских, хранящихся тщательно, вовремя разбираемых и сортируемых, доступных пользователям в четком соответствии с законом, но самим японцам это, видимо, малоинтересно, а нашим исследователям пока недосуг.

Если говорить о тех, кто работал в Японии после войны, тот тут дело еще хуже. Пожалуй, можно вспомнить только уже знакомого нам Михаила Ивановича Иванова, возможно, жившего напротив Макса Клаузена, да несколько фамилий, за которыми пока не прорисовываются биографии, и упоминаемых только в контексте определенных событий. Например, вместе с Михаилом Ивановым в Хиросиму — брать пробы облученных материалов — ездил разведчик Герман Сергеев. Но это всё, что мы знаем о нем.

Конец советской эпохи дал историкам еще несколько имен — эти люди ушли из разведки, как правило, либо в бизнес, либо в журналистику, из которой потом все равно плавно перетекли в бизнес. Но большинство из них живы-здоровы, и не слишком радуются, увидев в печати свои имена с указанием организации, к которой они принадлежали прежде. Не будем и мы тревожить их покой.

Есть еще одна категория бывших советских разведчиков — немногочисленная, но яркая, много чего рассказавшая и приковылавшая к себе внимание на определенные периоды времени. Да простят меня ветераны спецслужбы, ибо речь идет о предателях, бежавших из Японии в другие страны. Ничего личного — просто они хоть что-то написали о своей

службе в Токио, это «что-то» опубликовано, и мы можем теперь этим пользоваться.

Остаются еще книги, рассказывающие о «противостоянии спецслужб», как это принято называть. Но их авторы главным образом сконцентрированы на глобальных вещах, и живые люди на страницах таких исследований — не более чем «великие герои», вершащие судьбы мира в соответствии с мудрыми указаниями Центра. Япония для них — очевидная и неоспоримая периферия мира, край света, на котором не стоит останавливаться.

Однако и тут не обошлось без исключения. С него и начнем.

Будда — кто ж его посадит?

В 1997 году издательство «Совершенно секретно» выпустило в свет двухтомник под названием «Путеводитель КГБ по городам мира». Советский Союз к тому времени был еще свежим воспоминанием, как и его спецслужбы, интерес к их деятельности был велик и у нас в стране, и там, где служили «гиды в погонах», эпоха же была романтически-либеральная, способствовавшая трогательным воспоминаниям о том, что совсем недавно было страшной тайной. Во второй книге двухтомника есть глава и о Японии под названием «Долгая дорога в Страну восходящего солнца».

Об авторе известно немного: Кошкин Николай Петрович, родился в 6 августа 1925 года. Сотрудник советской внешней разведки (ПГУ КГБ СССР). Полковник. Русский, образование высшее (юрист). Владел английским и японским языками. После спецподготовки ряд лет работал в резидентурах внешней разведки в Таиланде, Сингапуре, Японии. Был женат. Из всех видов спорта предпочитал ходьбу и шахматы, из напитков — водку, а из сигарет — «LM». Скончался в год выхода книги — 1997-й.

В книге И.Г. Атаманенко «Шпион судьбу не выбирает» (интересно, кто это делает за него?) автору главы о Токио посвящены несколько интересных строк: «Николай Петрович Кошкин, много лет проработавший в Японии и поднаторевший в вербовках местных жителей, предостерег Карпова от упрощенческого подхода, доказав на примерах, что “вести” японца гораздо труднее, чем завербовать. Хотя и последнее — задача не из легких. И не только в Японии. Ее граждане и за пределами своей страны с большим трудом идут на контакт с чужеземными спецслужбами. Причина, по которой японец согласится добывать информацию в пользу иностранной державы, должна быть исключительно веской. Вместе с тем они охотно и без всяких предварительных условий поставляют сведения своей тайной полиции. Более того, считают это своим священным долгом... Со слов Кошкина, проблема *тотального шпионажа* уходит корнями в историю нации... Далее Кошкин прочел генералу целую лекцию о развитии японского шпионажа, возведенного в ранг государственной политики, внутренней и международной. Тотальная слежка вошла в плоть и в кровь, наконец, в гены жителей этой страны...

— Как я уже сказал, товарищ генерал, — с нажимом сказал Кошкин, видя, что тема начала утомлять его добровольного адепта, — одной из особенностей японцев, больше всего поразивших Рудольфа Гесса, был

повышенный интерес к шпионажу.

В своем трактате Гесс писал: “Каждый японец, выезжающий за границу, считает себя шпионом, а когда он находится дома, он берет на себя роль ловца шпионов”.

— Думаю, Николай Петрович, что мы по части нагнетания шпиономании на государственном уровне сумели догнать японцев в 1930-е годы, — заметил Карпов.

— Нет-нет, Леонтий Алексеевич! — в тон собеседнику ответил специалист по Японии. — В этом вопросе их вообще никто не догонит. Последнее, что я хотел бы добавить к тому, что уже сказано. По моему мнению, все перечисленное, в том числе и отношение японцев к шпионажу, не только помогло им выжить, добиться впечатляющих успехов в экономике и самоутвердиться, но одновременно породило гипертрофированное чувство собственного величия и превосходства над другими народами, а также способствовало развитию у них и без того достаточно выраженной ксенофобии, враждебности ко всему чужеземному, будь то образ жизни, идеалы или мировоззрение... Убедившись на собственном опыте, что всех благ можно добиться только своим трудом, японцы с порога отметают всякие предложения добывать информацию для иностранных государств, считая последних паразитами. Совсем по-другому ведет себя японец, попадая в зависимость от спецслужб под угрозой компрометации. Личное в сознании японца ассоциировано с общественным, он ощущает себя частицей, неотделимой от однородной общности — нации. В его представлении они спаяны воедино. Для него скомпрометировать себя — это подвести коллектив, а по большому счету — нанести ущерб своей стране. А это — позор! Чтобы избежать его, японец скрепя сердце выполнит любое задание. Его моральные принципы позволяют это сделать... — Это то, что мне нужно! — воскликнул Карпов, обеими руками пожимая руку Кошкину».

Любопытно, насколько образ мэтра советской разведки соответствовал его собственным представлениям о службе в ней на краю света? В этом смысле очень познавателен рассказ Кошкина о своем пути изучения Японии. Занялся этим делом он после окончания Московского юридического института, попав на обучение в разведывательную школу. Набор представлений будущего разведчика о стране интересов был на тот момент таков: «Знал, что в Японии есть император, который живет в ее столице Токио. С империализмом нам помогают бороться японские коммунисты, лидером которых, кажется, когда-то был человек по имени Катаяма, умерший в Москве и похороненный на Красной площади у

Кремлевской стены. И еще я знал, что в Японии есть самураи, рикши и гейши, а в войну были летчики-смертники “камикадзе”. И конечно же, мне было известно, что простым японцам, в отличие от нас, очень плохо живется». Учитывая, что автор воспоминаний родился в 1925 году, а на учебу в университете и возможную службу в армии требовалось семь лет, получается, что процитированный отрывок может относиться еще к сталинским временам, первой половине пятидесятых годов, а это многое объясняет.

Учеба в разведшколе привела Кошкина к более четким представлениям о стране и неожиданно пробудила чувства симпатии к ней. Даже ее самоназвание — Ниппон — Кошкин считал «удивительно романтическим». Молодой разведчик, еще не приехав в Японию, уже восхищался ее древней культурой, историей, легендами, благоговел перед феноменом камикадзе. К чести Кошкина необходимо заметить, что он по собственной инициативе пытался изучить Японию глубже, записался в «Ленинку», много читал, а самое главное, понял: «Настоящее познание Японии было еще впереди». Но перед «настоящим познанием» служба выкинула с Кошкиным фортель, которые так любит придумывать высокое начальство: офицера, целый год в поте лица изучавшего Японию и сложнейший японский язык, который без практики мгновенно «ржавеет», по окончании разведшколы направили служить в Таиланд.

Только через пять лет в Токио прибыл новый сотрудник торгового представительства СССР «Никорай Косикин». Собственно, торгпредство тоже было новым. После вызванного войной разрыва дипломатических и торговых отношений восстановление их началось только с 1956 года, и ликвидированное было торговое представительство СССР в Токио вновь открылось в 1957 году. Поначалу оно помещалось в небольшом офисе в Хироо (вероятно, там же, где и раньше), но на рубеже пятидесятых — шестидесятых годов началось строительство нового здания по адресу Таканава, 4–6 — 9. Это совсем рядом с крупной железнодорожной станцией Синагава, за хорошо известным многих советским и российским туристам отелем «Синагава принс».

Токио тех времен выглядел совсем иначе — он не был похож ни на Восточную столицу времен Зорге, а тем более Кима и Ощепкова, ни на тот зеленый, с чистейшим воздухом, город, который предстает нашим взорам теперь.

Самолет, на котором прибыл новый сотрудник советского торгпредства, приземлился в аэропорту Ханэда, недалеко от центра города, — нынешнего международного аэропорта Нарита еще и в помине не было.

А дальше «город встретил нас густым смогом, который я увидел впервые в жизни... Такое количество автотранспорта я до этого тоже не видел... Тогда я еще не отвык от хаотичного движения на бангкокских улицах и от непредсказуемости тайских водителей. Поэтому дисциплина японцев за рулем просто поразила меня... Я обратил внимание на большой щит, возвышавшийся на одном из перекрестков. На нем муниципалитет ежедневно вывешивал сводку числа несчастных случаев на улицах японской столицы в результате дорожно-транспортных происшествий. И статистика довольно-таки печальная. Только за один месяц в Токио погибло около трехсот водителей и пешеходов. И это несмотря на столь ответственное отношение токийцев к правилам дорожного движения». Ответственное отношение сыграло свою роль. Сегодня на большом перекрестке между Главным полицейским управлением и императорским дворцом в Токио стоит электронное табло, на котором высвечивается число погибших в ДТП за сутки. Дважды в моей истории пребывания в Восточной столице мне довелось увидеть там цифру «1». Все остальное время горел «0».

Токио «задавил» молодого Николая Кошкина своими размерами и теснотой, количеством людей и машин и отсутствием хаоса в их движении, огромными зданиями (по сравнению с Бангкоком — ведь тогда в Японии еще не строили небоскребы!), рекламой, суетой мегаполиса. Изумил необычной системой адресов: «Токио — это море домов, сгрудившихся настолько тесно и беспорядочно, что такие присущие городам понятия, как улицы и переулки, практически отсутствуют. Все разбито на кварталы и околотки (“те”, “тёмэ”), причем нужные номера домов в этих кварталах и околотках найти весьма затруднительно: дома расположены хаотично, независимо от порядкового номера». Подавил правильностью поведения, которой обеспечивался порядок в этой суете, дисциплиной и вежливостью каждого человека в отдельности и всех в целом. Жители столицы потрясли молодого разведчика не меньше, чем город: «Что было бы с ними на Сретенке или около ГУМа! Затолкали и матом не раз бы обложили. У каждого народа свои традиции и нравы...»

К слову сказать, по поводу беспорядочности расположения домов молодой Кошкин ошибался, равно как и несколько радужные представления его о японцах вскоре несколько изменились, если вспомнить процитированный в начале главы отрывок о склонности японцев к шпионажу и контршпионажу.

Старший коллега Кошкина устроил ему экскурсии по городу: Гиндза с ее ресторанами и магазинами, непрменный шопинг, чтобы не выделяться

среди иностранцев советской модой. Маруноути и Токийский вокзал, подъем на Токийскую башню рядом с нашим посольством и обозрение города с высоты птичьего полета: от вида на залив до дальних городских пригородов. Поездка в парк Уэно, ставший со временем любимым местом отдыха семьи разведчика и его встреч с агентами.

Я никогда не был ни разведчиком, ни агентом, но, судя по воспоминаниям Николая Кошкина, наши методы изучения города оказались похожи: «Я купил карту Токио и, как только находилось свободное время, выезжал знакомиться с различными районами города. Ездил не только на машине, но и на метро, и в автобусе, много ходил пешком». Разница только в том, что покупать карту Токио теперь нет никакой необходимости — их можно свободно взять в любом туристическом бюро, например на Токийском вокзале или в отеле, где вы остановились, да и на машине я по городу ездил значительно меньше, чем на общественном транспорте, который, к слову сказать изумительно удобен. А вот маршруты наши снова оказались похожи: Синдзюку (тогда район ресторанов, а теперь — еще и небоскребов), Канда с ее книжными магазинами, торгово-увеселительная Асакуса, Сибуя, Икэбукуро. Интересно, знал ли Николай Петрович Кошкин хотя бы о том, что именно в Икэбукуро оборвалась жизнь Зорге? Ведь именно в те годы — в начале шестидесятых — началось возвращение памяти о «Рамзае»...

Кошкин довольно подробно описывает методы работы японской полиции и контрразведки, но в данном случае они мало чем отличаются от аналогичных приемов других спецслужб и не дают нам новых знаний о японской столице. А вот его рассказы о гастрономии тех лет сегодня уже звучат необычно. Кошкин пишет о том, что мяса японцы едят меньше, чем рыбы и морепродуктов, — ныне эта тенденция полностью переломлена, и много употребляют в пищу дичи. Увы, я пока ни разу не пробовал описываемых разведчиком японских перепелов и снежных цапель. А вот суси — прообраз московских фастфудных суши — Кошкин, наоборот, называет блюдом, экзотичным для иностранцев!

Особую главу Николай Петрович отвел под описание ресторанов различных кухонь мира, столь распространенных и популярных в Токио. Он выделил в качестве престижных гастрономических районов Акасака и Асакуса, рассказав немного о гейшах и ресторанах, где их можно встретить: «Хаппоэн» в Минато, «Хасидзэн» в Симбаси, «Суёхиро» и «Миёси» на Гиндзе, «Цунахаси» в Синдзюку. Думаю, по крайней мере, некоторые из этих заведений еще существуют и — внимание: «Они доступны японцам из среднего класса, да и нашим оперработникам,

денежный лимит у которых на организации встреч с агентурой и связями весьма ограничен». Прочитав эту фразу, я сразу вспомнил фото резидента ИНО ОГПУ в Сеуле Ивана Чичагова, запечатленного в ресторане в обществе гейш. Кошкин же встречался в подобном месте с ценным агентом — главным редактором одной из крупных японских газет, известным под оперативным псевдонимом «Цунами».

Советские разведчики воздали по заслугам небольшим сусечным в районе рыбного рынка Цукидзи, ресторанам иностранной кухни — итальянским, немецким (уверен, что бывали они и в «Кетеле»!), французским, британским, китайским, корейским, перуанским. Кошкин упоминает «приличный ресторан с русской кухней» в районе Акасака.

Мне доводилось там бывать, но с тех времен качество еды заметно упало.

Дает Кошкин советы вполне туристического характера и в главе «Что можно посмотреть и купить в Токио?». Рассказывает о разных вариантах экскурсионных программ, среди мест, обязательных к посещению, называет театр Кабуки и кабаре, ночные клубы и... Верховный суд. Рекомендует обязательно посетить курорты недалеко от Токио: Камакура, Каруидзава, Никко, Хаконэ. При этом память подводит ветерана, и он путает Японию с Таиландом: «В Камакуре, например, помимо всего прочего, имеется самая большая статуя Будды. Она исполнена довольно оригинально — Будда не сидит, а лежит, подперев голову рукой». Лежит Будда как раз не в Камакуре, а в Бангкоке, но почти восьмисотлетний камакурский Большой Будда храма Котокуин, хотя и не самый большой даже в Японии и только сидит, а не лежит, безусловно, прекрасен и достоин того, чтобы увидеть его хоть раз в жизни. Тем более, что у него тоже есть своя изюминка — в статую можно войти. В спине изваяния сделаны два небольших окошка для проветривания, и к ним можно подняться за небольшую дополнительную плату через вход в основании монумента.

Для шопинга Николай Кошкин рекомендует торговые аркады токийских отелей: «Нью Отани», «Окура», «Хилтон», «Империял», «Наккацу». В целом рекомендации остались в силе, за исключением последнего пункта — эта гостиница осталась в прошлом, да и купить все то же самое, но дешевле, сегодня можно едва ли не в любом крупном универмаге японской столицы.

Интересную историю рассказал Николай Петрович о случайной вербовке за кружкой пива в одном из баров на Гиндзе агента «Арита». Интересна она не только тем, что дело снова происходит в районе, так любимом Зорге, а вслед за ним и другими нашими разведчиками, но и тем,

что по духу очень напоминает замечательный, очень токийский по своему настроению, рассказ Андрея Стрешнева «Пустой дом». В рассказе речь идет, конечно, о «Кетеле» — ресторан с пивом «Шнайдервайс» и умелыми официантками стопроцентно узнаваем. Где состоялась вербовка «Ариты», непонятно. Вряд ли в бывшем «Рейнгольде», во всяком случае, никаких особенностей ресторана Кошкин не называет, но сама по себе обстановка, случайно создававшаяся при встрече разведчика с его будущим агентом, удивительно напоминает искушенному читателю то, что уже когда-то происходило здесь и, видимо, произойдет еще не единожды.

По истечении срока командировки в Токио Николай Кошкин оставил Восточную столицу и отправился командовать резидентурой КГБ в Сингапуре, потом несколько лет провел в Москве. К его собственному удивлению, спустя десятилетие после отъезда из Токио он снова был отправлен туда, но, конечно, уже на более высокую должность. Город снова поразил Кошкина. Японцы довольно сильно изменились, так же как они продолжают меняться по сей день. Они заметно подросли внешне за счет изменения рациона питания, стали лучше одеваться, ездить на более дорогих машинах и жить в чуточку более просторных квартирах. Теперь собакам не надо было вилять хвостом вверх-вниз, но и для крупных пород время еще не пришло. Токийцы полюбили такс и других маленьких песиков. Уже середине семидесятых годов Япония вышла на первое место в мире по продолжительности жизни. Появились первые небоскребы в Синдзюку, а в 1978 году и в Икэбукуро — на месте тюрьмы Сугамо — выросло здание, до 1985 года остававшееся самым высоким в Азии. Уже построили аэропорт Нарита, а город опоясали многоуровневые эстакады и развязки, расширилась сеть метро, побежал транспорт на вновь построенные, точнее насыпанные, в Токийском заливе острова. Токио приобрел черты, уже вполне знакомые нам, стал тем городом, в котором довелось работать разведчикам, воспоминания которых мы увидим еще не скоро.

Особой «головной болью» нашего разведчика в его второй командировке стали полицейские будки — кобан, огромной сетью покрывающие всю Японию и особенно густо — Токио. Глава в его путеводителе так и называется: «На пути — полицейские будки». Для меня кобан всегда были спасением, последним шансом получить нужную топографическую информацию — будь то при поиске вождя моего туристами бутика или при установлении точного пункта, связанного с историей моих героев. Если читатель помнит, именно полицейские из такой будки помогли нам установить место, где находился Кодокан оцепковских

времен. Но я не разведчик, мне в этом смысле не просто легче, у меня в принципе иное отношение к полиции. Кошкин же писал: «У нас были достоверные данные, что эти будки активно используются службой наружного наблюдения».

Полицейский по номеру дипмашины без труда определит, какому посольству она принадлежит, и сообщит на пульт наружного наблюдения о ее появлении. Если эту машину уже “ведут”, то сигнал останется без внимания. Но если эта машина находится в одиночестве или, не дай Бог, оторвалась от наблюдения, то контрразведка принимает меры, чтобы ее быстро обнаружить и взять под усиленный контроль.

Это очень опасно, ведь на полицейском посту тебя могут заметить уже в конце проверочного пути. Значит, наружка засечет тебя перед самым мероприятием! Ты исправно крутился по городу часа полтора, убедился, что “хвоста” за тобой нет. И тут... Конечно, мы старались подбирать маршруты таким образом, чтобы полицейские будки на пути не попадались, особенно в конечной части маршрута. Но для этого надо было великолепно знать огромный город».

Человек в «позе разведчика»

Совсем другое отношение к полицейским будкам Восточной столицы изложил в своей мало известной широкому читателю книге «КГБ в Японии» Константин Преображенский. «Метод свободной проверки разведчика был запрещен, — писал бывший сотрудник токийской резидентуры КГБ СССР в Токио, — поскольку он в этом случае неизбежно проходил мимо полицейских будок, которые в Токио торчат на каждом шагу. Считалось, что полицейский может увидеть машину советского разведчика и сообщить об этом в контрразведку.

У меня это сразу вызвало сомнение. Я начал специально проезжать на автомобиле мимо полицейских будок, наблюдая за реакцией их обитателей. Ни один полицейский даже не взглянул в мою сторону!

Все они были заняты своими прямыми обязанностями: что-то писали за столом, разговаривали с посетителями, но даже если и стояли в дверях, то смотрели больше не на проезжую часть, а на тротуар. Их интересовали люди, а не машины, для которых имеется своя, дорожная полиция. На мой автомобиль они не обращали внимания — хотя бы потому, что на нем не было написано, что он принадлежит КГБ. Все это означало, что принцип проверочных маршрутов, провозглашенный в токийской резидентуре КГБ, был ошибочным. В нем ощущался низкий профессионализм управления “К”.

Впрочем, и в этом у него была своя хитрость. Подготовке маршрутов в резидентуре придавалось большое значение. Каждый из них нужно было вычертить на прозрачном листе пластика, наложенном на огромную карту Токио. После этого управление “К” фотографировало маршрут и подшивало в дело. Но если потом с разведчиком случалось что-то неприятное, например его арестовывали на встрече с агентом или он засвечивался в японской прессе, управление “К” тотчас извлекало фотокопию его маршрута и заявляло, что разведчик нарушил маршрут и оказался неподалеку от полицейской будки. И вся вина за провал взваливалась на разведчика, а начальство и само управление “К” выступали теперь в роли не ответчиков, а судей».

Но кто же такой Константин Преображенский, осмелившийся так легко обвинять в непрофессионализме своих коллег? Он родился в 1953 году в Москве, в семье офицера МГБ Георгия Преображенского, ставшего со временем генералом КГБ СССР, заместителем начальника Главного

управления пограничных войск. Дед будущего незадачливого шпиона служил в кремлевской больнице и пользовался руководством коммунистической партии и советского правительства. Неудивительно, что представитель «золотой коммунистической молодежи» поступил в МГУ, хотя выбор конкретного места обучения — Институт стран Азии и Африки и кажется странным — учить восточные языки всегда было и всегда будет очень непросто. После окончания в 1975 году института он сразу же был отправлен на службу в органы, и нетрудно догадаться, что протекция влиятельного отца сыграла в этом определяющую роль. После службы в территориальных органах и прохождения специальной подготовки в Минске Константин Преображенский был направлен в 1980 году в Японию, где занял свое место в резидентуре научно-технической разведки КГБ под легальным прикрытием корреспондента ТАСС.

Надо сказать, что писал Преображенский неплохо. Из-под его бойкого пера вышли увлекательные, ориентированные на молодежь книги: «Бамбуковый меч» (1982), «Спортивное кимоно» (1985), «Как стать японцем» (1989), «Неизвестная Япония» (1993). После прочтения последней из них, а значит, это было в 1994-м, когда Преображенский уже был в отставке, мне захотелось познакомиться с автором лично, и, приложив некоторые усилия, я вскоре раздобыл его телефон. Мы встретились в небольшом парке рядом с домом Константина Георгиевича на юго-западе Москвы. Разговор был странным, и сказать, что я ушел со встречи разочарованным, значит не сказать ничего. Я был раздавлен. Сумбурное изложение непонятных мне мыслей, очень плохая дикция, перескакивание с одной темы на другую и непрерывное обличение во всех бедах то ли КГБ, то ли КПСС, то ли церкви подавили меня, и даже сложилось впечатление, что писатель не вполне адекватен психически. Больше я с Преображенским не встречался, хотя с людьми, служившими с ним и в токийском отделении ТАСС, и в резидентуре КГБ, виделся не раз. Задавая им вопросы о Преображенском, я постоянно получал похожие ответы: «Никчемная, комическая фигура — не стоит даже того, чтобы вспоминать о нем».

Однако Константин Преображенский не стал дожидаться, пока о нем вспомнят, и решил заявить о себе сам. В 2000 году в издательстве «Центрполиграф» немалым по нашим временам тиражом в 10 000 экземпляров вышла его новая работа «КГБ в Японии. Шпион, который любил Токио». Книга была наполнена откровениями и обличениями как всего советского строя, КГБ в целом, так и отдельных людей и решений, связанных с деятельностью токийской резидентуры внешней разведки, а

отчасти и ГРУ. Почти никто в этой книге не был назван по фамилиям, но каждый, кто ее прочитал, неизбежно узнавал себя в персонажах, обозначенных лишь первыми буквами или вымышленными именами. С одной стороны, книга оказала шоковое воздействие на ветеранов, с другой — эффект от нее был изрядно подпорчен репутацией самого автора, которого даже после столь скандальной публикации все равно никто не хотел воспринимать всерьез. Помимо личных качеств, доверие к изложенному было подорвано еще и тем, что Константин Преображенский относится к небольшому числу наших разведчиков, которых принято считать неудачниками. Он оказался быстро расшифрован японской полицией, задержан во время конспиративной встречи и в 1985 году выслан из Японии со скандалом. До 1991 года он еще служил в разведке, но уже в Москве, пока не уволился из органов в звании подполковника. В Японию его больше не пустили. До 1991 года это было просто немыслимо — он даже не мог подать документы на визу, а после развала СССР выяснилось, что ему не рады и японцы. Преображенский при встрече жаловался мне, что попал в «черный список» как шпион, и, несмотря на то, что он, с достойной лучшего применения настойчивостью, носит свои документы в консульский отдел посольства Японии в Москве, его всегда ждет неизбежный отказ.

В 2003 году бывший разведчик покинул родину и в 2006-м получил статус политического беженца в США, где продолжает рассказывать о кознях КГБ и Русской православной церкви, так как сам себя считает верующим, воцерковленным человеком. Однако книги его до сих пор продаются, и в них можно найти немало интересного о японской жизни. В том числе о жизни тайной.

Например, Преображенский очень подробно описал жизнь сотрудников самых разных советских органов в торговом представительстве СССР близ станции Синагава, куда, как мы помним, торгпредство переехало в середине шестидесятых годов, в новом здании посольства Советского Союза на холме Маминана, в бюро ТАСС близ станции Хацудай в западном Синдзюку. Конечно, много места в книге уделено «шпионскому Токио» таким, каким его знал Преображенский, а специализировался он, надо сказать, на работе с китайцами, и особенно с китайскими студентами. Отсюда обширные описания студенческих кампусов в Иидабаси и в Синдзюку (университет Мэйдзи), ресторанов, где Преображенский под видом уроков китайского языка пытался вербовать студентов, и краткое упоминание самых безопасных в этом смысле мест в Токио: «...наша разведка никогда не приглашает в русские рестораны за

рубежом своих агентов из числа местных граждан русского происхождения. Здесь тоже слишком велик риск случайной встречи с кем-нибудь из знакомых, хотя бередящая душу ностальгическая русская обстановка такого ресторана как нельзя лучше благоприятствовала бы беседе».

Многократно рассуждающий о своей религиозности Преображенский пишет о посещениях собора Воскресения Христова: «...я учетверил свою бдительность и перед каждым посещением местного православного собора, который японцы именуют “Николай-до”... целый час блуждал по городу на машине, потом пересаживался на метро или автобус, чтоб определить, есть ли за мною слежка.

...Святого архиепископа Николая чтут в этой стране и по сей день, и даже японцы, исповедующие буддизм, все равно приходят на его могилу и по канонам своей религии складывают ладони рук и кланяются... Могила находится в ограде храма Вознесения, который он основал. Все приходят сюда совершенно свободно, и только я всегда должен был иметь в запасе легенду на случай, если кто-нибудь из своих меня там застанет: приехал, мол, брать интервью о борьбе за мир, да никого не застал...»

Строго говоря, никак не мог застать там Константин Георгиевич лишь того, ради которого, по его же словам, он и петлял по городу на машине, пересаживался на общественный транспорт и переулками уходил от «хвоста» (какое счастье, что нам — обычным людям — все это не нужно!). Не мог застать здесь Преображенский, судя по фамилии, отпрыск священнического сословия, японских буддистов, поклоняющихся могиле Николая Японского, ибо захоронен святитель совершенно в другом районе города — на кладбище Янака. Более того, Вознесение и Воскресение — два разных события, о чем истинно верующий человек, которым настойчиво представляется Преображенский, просто обязан знать. И храм в Токио называется собором именно Воскресения Христова, Воскресенским, а не Вознесенским, как его именует шпион-расстрига.

С куда более глубоким знанием материала пишет автор, любивший Токио, о своих бывших коллегах, раскрывая места расположения резидентур или, как это ни удивительно звучит, скопления иностранных шпионов в Восточной столице.

«Если вы хотите увидеть советского разведчика в Токио, вовсе не обязательно устанавливать секретную оптическую аппаратуру перед входом в резидентуру КГБ в нашем посольстве. Поезжайте лучше в самый большой книжный магазин Токио, “Марудзэн”, и поднимитесь на третий этаж в отдел военной книги, кажется, единственный на всю страну. Там обязательно торчит кто-нибудь из нас, украдкой листая книги.

А найти этот «Марудзэн» очень легко: достаточно свернуть со всегда оживленной Гиндзы налево, в сторону императорского дворца... В этом магазине продаются и книги, изданные за рубежом, и оттого тут часто встречаются иностранцы. К ним отношусь и я — молодой капитан советской разведки, действующий под видом корреспондента ТАСС... Возле полок с книгами по военной тематике уже стояли, углубившись в облюбованные ими издания и стараясь не глядеть друг на друга, трое молодых людей примерно моего возраста, около тридцати... И хотя все трое были одеты по-разному — кто в строгий деловой костюм, а кто нарочито небрежно, — их выдавала напряженная поза, словно все они ожидали удара сзади. Такова характерная поза разведчика, выработанная постоянным ожиданием слежки...

Один из них оказался знакомым болгарским журналистом. Мы понимающе улыбнулись друг другу, как бы говоря: «И ты, дружок, оказывается, служишь в разведке!»

Второго я, кажется, встречал несколько раз на приемах в посольстве ГДР. По его лицу пробежала тень узнавания, и он с облегчением отвернулся, вновь углубившись в японскую книгу...

Третий же оказался молодым советским дипломатом. Он приехал в Токио совсем недавно, и я, кажется, всего только раз видел его в полутемном посольском коридоре. «А ты, значит, служишь в ГРУ, военной разведке! — подумал я. — Учтем это обстоятельство»».

Учтите его и вы, хотя после выхода этой книге вполне возможно, что вы встретите на третьем этаже «Марудзэн» вовсе не разведчика из стран Варшавского блока, коего, к слову сказать, и не существует давно, а таких же читателей, решивших сделать засечку еще на одном месте «шпионского Токио».

Если свернуть на Гиндзу в сторону императорского дворца, магазин «Марудзэн» вам не встретить. Два из нескольких зданий этой крупной книготорговой сети находятся у станции Токио — обе с северной ее части, с обоих выходов: Яэсу и Маруноути. Возможно, в восьмидесятые годы на третьем этаже одного из этих магазинов действительно продавалась какая-то специализированная военная литература, но сейчас это уже все в прошлом. Как ни прискорбно, забавное приключение по сбору всех иностранных агентов в одном отделе теперь невозможно, хотя, конечно, каждый волен походить тут в надежде заприметить человека, листающего комиксы в «характерной позе разведчика»...

Похожие по степени откровенности наблюдения, но уже за работой японской контрразведки, приводит Преображенский в эпизоде с обедом

перед совещанием в посольской резидентуре: «Уже давно наступил обеденный час, и я, оставив машину в посольском дворе, решил сходить в ближайший ресторан суси. Тот, в котором я обычно бывал, расположен прямо напротив станции метро “Камиятё”, хотя вокруг, в Роппонги, есть и другие». За Преображенским следует наружное наблюдение, «...что я определил по топоту ног, раздававшемуся у меня за спиной. Полицейские в разговор со мной не вступали, а я делал вид, что не узнаю их, хотя и сталкивался с ними нос к носу десятки раз.

Когда я вошел в ресторан суси, официантка, приветствовавшая меня привычным “ирассяимасэ”, испуганно посмотрела поверх моего плеча. Полицейский сел за соседний столик, и она молча поставила перед ним чашку зеленого чая. И пока я наслаждался своими любимыми суси с рыбой хамати, он неторопливо потягивал чай. Официантка даже не предложила ему суси, видимо, зная заранее, что он зашел сюда только выпить чайку. Когда я встал и двинулся к кассе, полицейский поднялся с места и первым вышел из ресторана. Так же молча мы возвратились в посольство, и лишь у ворот он негромко спросил:

— У вас сегодня собрание?

На что я, не оборачиваясь, едва заметно кивнул...»

Когда мы жили в Японии, то часто вспоминали уже безнадежно устаревшую тогда шутку советских времен, склоняясь порой (чаще всего в состоянии алкогольного подпития) к розетке и сообщая свои планы на следующий день мифическому «майору Нисимуре». Парой десятилетий ранее, если верить Константину Преображенскому, такой ритуал вовсе не казался смешным. Он вспоминает, как жена одного разведчика посетовала дома мужу, что японцы берут высокую квартплату, а в ванной не удосужились даже коврик постелить. Через час к ним зашел привратник, которые всегда есть больших японских домах, и торжественно вручил коврик для ванной. Возможно, даже с извинениями от «майора Нисимурь».

Карьера жившего, как ему казалось, в добрых отношениях с японской полицией советского разведчика Константина Преображенского оборвалась поздним вечером 15 июля 1985 года, когда под проливным дождем в небольшом парке Сэндзоку, что между станциями Уэно и Асакуса, вместо ожидаемого китайского агента из кустов навстречу к Преображенскому, если верить его же воспоминаниям, вышла группа крепких мужчин в светлых плащах (что странно: середина лета в Токио — разгар удушающей жары!) и направила на него свои фонарики. Заработала полицейская видеокамера, а за ней и четко отрегулированная система: через два дня майор Преображенский покинул Токио, чтобы через двадцать лет покинуть

и Россию.

Между прочим, Николаю Петровичу Кошкину Токио тоже пришлось покинуть довольно спешно, но чуть раньше — на рубеже 1979–1980 годов. Как раз тогда из резидентуры ПГУ КГБ СССР на Запад ушел разведчик — состоялось предательство Станислава Левченко, к которому его последователь Константин Преображенский относится в своей книге с нескрываемой симпатией.

«Дин-Дон», к вам шпион!

Майор Первого главного управления КГБ СССР Станислав Левченко служил в Токио одновременно с Николаем Кошкиным, но тот его, конечно, ни разу не вспоминает в своих мемуарах. Ни разу — вплоть до того самого момента, когда Левченко ушел на Запад, а значит, большинству его сослуживцев пришлось «уйти на Восток» — вернуться на родину. Правда, с сугубо географической точки зрения, Левченко бежал как раз на восток — именно там по отношению к Японии находятся Соединенные Штаты Америки, а раскрытым им коллегам предстоял перелет на запад, где относительно Токио расположена Москва, но это, как говорится, детали.

Станислав Александрович Левченко родился в семье кадрового офицера, участника боевых действий, вскоре после начала войны, в 1941 году в Москве. Как и Преображенский, он окончил элитный Институт стран Азии и Африки МГУ имени Ломоносова, а потом еще и аспирантуру Института востоковедения Академии наук СССР, где когда-то работал Роман Ким. Возможно, будучи еще студентом, он даже встречался с первым советским ниндзя. С 1966 года Левченко служил в военной разведке — ГРУ ГШ ВС СССР, а затем перешел в разведку политическую — ПГУ КГБ СССР. В октябре 1979 года он попросил убежища в американском посольстве в Токио, чему не в последнюю очередь наша разведка обязана служившему тогда заместителем резидента полковнику Пронникову, более известному ныне в качестве соавтора одной популярной книги о Японии. Его постоянные придирки и издевательства над Левченко способствовали принятию решения о побеге, хотя, конечно, дело было не только в Пронникове.

Левченко выдал американцам около двухсот советских агентов в Японии, среди которых значились такие крупные фигуры, как бывший министр труда Исида Хирохидэ (кличка «Гувер»), лидер Социалистической партии Кацумата Сэйити (кличка «Гавр»), заместитель главного редактора влиятельной консервативной газеты «Санкэй» Яманэ Такудзи (кличка «Кант»), крупный бизнесмен, связанный через якудза с ЦРУ, советник премьер-министра Накасонэ, Сэдзима Рюдзо (кличка «Краснов»). Большинство из выданных агентов лишились работы, но дальше этого преследования не пошли. Сам же Левченко, в 1981 году заочно приговоренный в Советском Союзе к расстрелу, живет в США, где, как и Преображенский, сотрудничает с газетами и радиостанциями, чья целевая

аудитория так или иначе связана с русской диаспорой. После бегства он написал три книги, изданные на английском и японском языках, в которых рассказал о своей биографии, службе в разведке и попытался объяснить причины, которые подтолкнули его к предательству.

Известный писатель и телеведущий, японовед по образованию, начинавший свою журналистскую карьеру с политических детективов о японском милитаризме, Леонид Млечин писал о предателе: «Станислав Левченко утверждал, что советская разведка располагала в Японии двумястами агентами. Среди них фигурировали бывший член правительства, деятели оппозиционной социалистической партии, несколько членов парламента и специалисты по Китаю: от резидентуры в Токио требовали тогда во что бы то ни стало помешать сближению Японии и Китая.

По словам Левченко, советские разведчики уговорили одного члена парламента организовать депутатскую ассоциацию дружбы с Верховным Советом СССР. Он получал деньги от КГБ (но ему об этом не говорили) на издание ежемесячного журнала. Левченко также заявил, что и влиятельная социалистическая партия Японии субсидируется КГБ. Это делается через “фирмы друзей”, которые получали выгодные контракты от советских внешнеторговых организаций, а взамен перечисляли на счет соцпартии пятнадцать — двадцать процентов прибыли.

Заодно Левченко рассказал, что в Японии советские разведчики передавали наличные представителю нелегальной филиппинской компартии в чемодане с двойным дном.

Это похоже на правду. Начальники региональных отделов первого Главного управления лично отвечали за передачу денег коммунистическим партиям в странах, которые курировали.

После бегства Левченко Крючкову пришлось полностью сменить состав резидентуры в Токио и японского отдела в центральном аппарате. Так происходило после каждого провала.

Я знал молодых разведчиков-японистов, которые благодаря этому смогли поехать в Токио на освободившиеся в резидентуре места. И я встречал опытных сотрудников японского направления советской разведки, которым бегство Левченко сломало карьеру: они лишились возможности ездить за границу, их убрали с оперативной работы, перевели на работу малоинтересную. Они считали свою жизнь сломанной.

Один бывший начальник Левченко после товарищеского ужина сказал мне:

— Если бы он мне попался, я убил бы его собственными руками.

Я посмотрел на него и понял: он бы это сделал...»

На Западе, разумеется, побег Левченко восприняли строго наоборот. Известный в США разоблачитель козней советских спецслужб Джон Бэррон сделал приговоренного к смерти майора одним из главных героев своей нашумевшей книги «КГБ сегодня. Скрытые щупальца». Более того, ее автор прямо назвал биографию Левченко и историю его бегства поводом для написания этого бестселлера, а своего героя представил рыцарем без страха и упрека: «Замысел этой книги родился в ноябре 1979 года, мрачным, дождливым вечером, когда у меня дома впервые появился майор Станислав Александрович Левченко. Незадолго до этого Левченко тайно перебрался в Соединенные Штаты из Токио, где на протяжении примерно пяти лет ему пришлось принимать непосредственное участие в крупных операциях, осуществляемых КГБ. Он все еще переживал перипетии своего побега, все еще находился под свежим впечатлением разлуки с семьей и близкими и, казалось, был ошеломлен тем, что оказался в чужом ему обществе, которое его учили ненавидеть и презирать.

В то же время Левченко произвел на меня впечатление “офицера и джентльмена”, патриота своей страны. Ненавидя КГБ и советскую систему, он с благоговением относился к своей родине и народу. Этот человек понравился мне с первого взгляда. Мы беседовали, сидя у камина, и слушали музыку. Некоторые записи он просил повторять снова и снова: “Радость любви”, “Говори со мной о любви”, “Наша твердыня — Господь”, “Боевой гимн республики”...»

Для нас же Левченко представляет интерес по той простой причине, что в его воспоминаниях, конечно же, одним из главных героев является Токио — великий и прекрасный город, в котором происходили многие героические и драматические, славные и позорные истории. Интересно, что Левченко, готовясь в подмосковной разведшколе к работе против Японии, изучал события, связанные с группой Зорге, и, по его собственным воспоминаниям, она больше всего поразила его воображение. Однако человеческий мозг не зря считают самым темным местом во Вселенной. Восторгаясь подвигом группы Зорге, Левченко тут же пишет, что «был поражен судьбой участников многих возвышенных и героических историй, о которых им рассказывали в разведшколе. Он узнал, например, что японка, вдова Рихарда Зорге, а также все родные помощников Зорге, казненных японцами, влачили жалкое существование и умерли в крайней нищете, оказавшись без поддержки тех, кому они служили, брошенные ими на произвол судьбы». Это, конечно, ложь, начиная с того, что, кроме Зорге, казнен был только Одзаки, и его семья никогда не была беднее, чем другие

японцы. Исии Ханako действительно жила небогато, но, как мы помним, у нее не было и никакой постоянной профессии. Более того, достоверно известно, что после 1964 года и до своей смерти в 2000 году она регулярно получала пенсию от Министерства обороны СССР как вдова погибшего офицера, на что, строго говоря, не имела формального права, ибо замужем за Зорге она не была, да и тот не являлся офицером. Но справедливость важнее, только — не для Левченко.

Он прибыл в Токио в 1975 году под прикрытием должности корреспондента журнала «Новое время». Один из первых репортажей Левченко был связан с впечатлениями, которые оставило у него необычное посещение огромного универсального магазина «Исэтан» близ станции Синдзюку: «Случилось так, что в здании универмага его застал сигнал тревоги, предупреждающий публику о пожаре или слабых подземных толчках, за которыми могут последовать более сильные. По этому сигналу тысячи покупателей быстро покинули здание универмага, соблюдая спокойствие, без паники и каких бы то ни было инцидентов. Левченко рассказал об этом в “Новом времени”, подчеркнув, что в подобных ситуациях проявляются такие черты японского народа, как врожденная дисциплинированность и общественная сознательность.

Объективный, благожелательный тон сообщений нового корреспондента не остался незамеченным: вскоре Левченко — первым из советских журналистов — получил доступ в престижный Национальный пресс-клуб.

Корреспонденты американских и западноевропейских изданий занимали в Токио прекрасные квартиры и даже порой отдельные дома. Станиславу досталась от его предшественника жалкая квартирка, кишмя кишущая тараканами, в скверном районе города. Пришлось довести до сведения главного редактора, что это обстоятельство подрывает престиж журнала, — если не всего Советского Союза. Главный редактор “Нового времени” Наумов тут же распорядился снять другую, вполне приличную квартиру и обставить ее современной мебелью, — “Новое время” брало на себя все связанные с этим расходы. Левченко подыскал отличную четырехкомнатную квартиру в первоклассном новом доме, в аристократическом районе Удагава, рядом с прекрасным парком и почитаемой всеми японцами синтоистской усыпальницей Мэйдзи».

Удагава-тё — самый центр престижного и одновременно молодежного района Сибуя, средоточие сотен магазинов и не меньшего количества ресторанов. Прекрасное, воспетое кинематографистами всех стран, когда-либо бывавшими в Японии, место для отдыха и гуляний, хотя и весьма

сомнительное с точки зрения спокойной жизни, — все-таки вечером здесь шумновато, но, так или иначе, здесь, на Сибуе, недалеко от памятника тому самому верному псу Хатико, которого, возможно, видел своими глазами Василий Ощепков, и поселился Станислав Левченко.

Вновь пересеклись пути молодого разведчика с историей службы на Гиндзе. Левченко вспоминал, что любил встречаться с одним из своих агентов (скорее всего, это был заместитель главного редактора «Санкэй симбун» Яманэ) в... «Кетеле». Знали ли разведчик о том, что это за место? О том, что именно здесь работала «умершая в нищете японка»? О том, что его великий предшественник здесь же встречался с другим заместителем главного редактора? Правда, газеты Яманэ и Одзаки представляли разные (а еще были у Левченко на связи корреспондент «Ёмиури» по кличке «Томас» и агент «Арес» из информационного агентства «Киодо»), но все равно совпадение впечатляющее и, зная уже о нем, рассказ Андрея Стрешнева «Пустой дом» читается уже совсем иначе...

К сожалению, в воспоминаниях Левченко крайне редко встречаются упоминания о конкретных точках встреч с агентами — с адресами и названиями заведений (а встречи почти всегда в Японии проходят в ресторанах), но иногда случается и такое. Известно, например, когда точно состоялась важная встреча Левченко и «Кантом»-Яманэ в кафе «Дин-Дон», рядом с редакцией «Санкэй».

Редакция «Санкэй симбун» располагается по адресу: Отэмати, 1–7 — 2. Это между Токийским вокзалом и императорским дворцом, довольно скучное место, постоянно перестраиваемое и застраиваемое новыми стеклянно-бетонными высотками. Здание «Санкэй» — одна из них, и она тоже только недавно перестроена на старом месте. Кафе же «Дин-Дон» оказалось существующим с 1964 года прелестным рестораном «Дин-Дон» (Ding-Dong), расположенным действительно совсем неподалеку, только чуть ближе к вокзалу (Отэмати, 2–2 — 1), в огромном офисном здании, и специализирующимся на европейской мясной кухне. Ресторан расположен в подвальном этаже, причем, как нечасто бывает в Японии, в своеобразном «аппендиксе» — таким образом, что случайно пройти мимо него, увидев посетителей, нельзя. Если вы хотите войти в ресторан или найти кого-то в нем, придется входить. А если агент наружного наблюдения попытается найти точку, где его не было бы видно, а ему было бы видно все, то столкнется с неожиданными трудностями, вызванными затейливой планировкой переходов этажа В1. В этом смысле «Дин-Дон» — идеальное место для конфиденциальных встреч, хотя еда тут — гамбургеры, котлеты и картофель-фри — вряд ли рассчитана на гурманов. Находясь в этом

подвальном ресторанчике, легко можно представить, как 9 мая 1978 года агент «Кант торопливо шмыгнул сюда, в полупустое помещение кафе, и сообщил, что должен срочно вернуться назад в редакцию, где сейчас в самом разгаре совещание “мозгового треста” его газеты. Бросив на стол большую пачку из-под сигар, он добавил:

— Вот кое-какой материал о переговорах Фукуды. Не вздумайте печатать это в вашем журнале!

Кант почти никогда не опускался до кражи засекреченных документов — это вообще не подобало “проводникам влияния”, и Левченко решил, что “кое-какой материал” означает нечто вроде схоластического набора предположений и догадок, о чем, собственно, может пойти речь на совещании в Вашингтоне. Желая избавиться от возможной слежки, он затратил шесть часов, чтобы добраться от посольства до этого кафе, и был огорчен, что половина выходного дня пропала впустую.

На обратном пути, в машине, затормозив на красный свет, Левченко открыл свободной рукой конверт и потянул из него за край первый попавшийся документ. Ему сразу же бросились в глаза гриф “Совершенно секретно” и заголовок: “Проект положений, формулируемых премьер-министром Фукудой на предстоящих переговорах с президентом Картером”».

Успешная деятельность Левченко как офицера советской разведки прекратилась осенью 1979 года, когда он решился на предательство. Бежать решил в посольство США — Левченко опасался, что японцы будут слишком долго раздумывать, что с ним делать, и, не выдержав нажима советской стороны, могут его вернуть КГБ. И снова его пути на карте Токио пересеклись с путями тех, чью память он предал. Однажды утром, около одиннадцати часов, он «...демонстративно поглядывая на часы, словно боясь опоздать на деловое свидание, направился к отелю “Санно”, рядом с американским посольством. Этот отель был для американцев чем-то вроде клуба. Здесь часто появлялись и другие иностранцы, приглашаемые на разные вечеринки или просто заглядывавшие на огонек. “Я по приглашению”, — сказал Левченко, войдя, и портье повел его по коридору. Он очутился в дверях большой комнаты, где коктейль-парти была в самом разгаре. Оглядев присутствующих, он остановил свой выбор на флотском офицере. Еще со времен, когда Левченко плавал по Японскому морю на борту патрульного катера, он знал, что морские офицеры более, чем кто-либо другой, способны действовать быстро и решительно, не теряясь в критических ситуациях.

Нельзя было терять ни минуты, и Левченко обратился к работнику

отеля, стоявшему у двери: “Передайте, пожалуйста, тому капитану, что я хотел бы сказать ему несколько слов”».

Отель «Санно», бывший первым японским «причалом» для Рихарда Зорге и Макса Клаузена, стартом для всей группы «Рамзая», стал точкой побега для Станислава Левченко, финишем его карьеры разведчика. Как говорят в этих местах, змея съела свой хвост. Восточная столица в очередной раз причудливо перетасовала карты истории советской разведки, не заставляя, впрочем, нас занимать слишком большой стол. Однодневной прогулки по Токио вполне хватит для того, чтобы посетить большинство мест, так или иначе связанных с судьбами наших разведчиков и их агентов, героев и предателей, людей удивительных и людей странных — персонажей истории. Но, как и Москва не представляет собой всю Россию, так и Токио — еще не вся Япония. Поэтому пора закрыть карту столицы и приготовиться к путешествию по стране.

Глава 5. ЗА ПРЕДЕЛАМИ ВОСТОЧНОЙ СТОЛИЦЫ

...Оставшиеся здесь на каникулы двое русских учеников, Василий Ощепков и Трофим Попелев, сделали путешествие на «Фудзисан» и, вернувшись сегодня, преинтересно рассказывали о всем, что видели и испытали, иллюстрируя рассказ принесенными — картой, картинками, камешками лавы и прочее.

*Из дневников св. Николая Японского, 7/20
августа 1909. Пятница*

Ощепков

Запись, вынесенная в эпиграф этой главы — то немногое, что нам известно о путешествиях Василия Ощепкова и других русских семинаристов, ставших разведчиками, по Японии. Есть еще рассказы его приемной дочери, вспоминая о том, как Василий добирался с Сахалина до Токио, приведенные в первой главе, упоминания о жизни семинаристов на летней даче в Тоносава неподалеку от подножия Фудзи, да вот, пожалуй, и всё. Но есть и еще одна «внетокийская» история, связанная с работой Ощепкова в Японии. 24 ноября 1924 года он с женой Марией прибыл в город Кобэ.

История этого замечательного, красивого и уютного города рассказана во многих книгах, и она того вполне достойна. Кобэ стал четвертым по счету портом Японии после Нагасаки, Иокогамы (Канагавы) и Хакодатэ, открытым специально для торговли с иностранцами. С Иокогамой его особенно роднит еще тот факт, что до принятия исторического решения этих городов попросту не существовало, — на их месте находились маленькие рыбацкие деревушки. Лишь в 1868 году началась плановая застройка новых портов. Их близость к крупнейшим мегаполисам страны (Иокогамы — к Токио, а Кобэ — к Осаке) и изначальная ориентация на западные диаспоры сделала оба города уникальными и в архитектурном отношении. При сохранении вокруг центра местной застройки, сердца новых портов выглядели совершенно европейскими кварталами, подавляющее большинство жителей которых составляли европейцы и американцы. В то же время в экономическом плане Иокогама и Токио не были друг другу конкурентами: первый порт специализировался на экспорте, второй — на импорте.

Оба пользовались правом экстерриториальности для иностранцев: Кобэ с 1868 по 1890 год управлялся муниципальным советом консулов, что вызвало сюда дополнительный приток гостей из-за рубежей Японии. Правда, по сравнению с местным населением их численность никогда не была высока. В 1918 году в городе проживало 2462 европейца и американца (в том числе 62 русских), и еще примерно столько же китайцев (Чайна-таун здесь тоже есть, как и в Иокогаме, хотя и совсем небольшой). Для довольно закрытой страны это был уникальный показатель. Русские здесь появились чуть позже остальных европейцев, но сразу полюбили этот город с домами в европейском стиле, живописной бухтой, окруженной

высокими горами, и удобным сообщением с Иокогамой и Осакой.

Революция не дала Кобэ высокого прироста беженцев — люди приезжали сюда только для того, чтобы отправиться дальше — в Америку или Австралию, и лишь землетрясение 1923 года изменило ситуацию. Если до этого трагического события в Кобэ оседали в основном случайно попавшие на Дальний Восток, «на берег выброшенные грозой», сибирские крестьяне, ремесленники, мелкие чиновники, солдаты и офицеры колчаковской армии, то теперь резко увеличилась интенсивность их попыток уехать отсюда, не дожидаясь новых катаклизмов. К «местным» добавились многочисленные беженцы из Токио, где жила основная часть русской колонии в Японии, насчитывавшей к тому времени около 5–6 тысяч человек. Кто-то задерживался в Кобэ ненадолго, кто-то находил в жизни здесь новые перспективы. Известный русский поэт Давид Бурлюк, которого эмигрантская судьба относил от родины все дальше и дальше, оставил удивительный документ в стихах, очень точно передающий настроение русских, ненадолго задержавшихся в Кобэ:

При станции Санно-Номия
Железнодорожный ресторан.
Хотя теперь такая рань,
Но кофе пью я — Еремия.
Обыкновенный из людей,
Включенный в странствия кавычки,
Я красок скорых чудодей,
Пиита я душой привычный.
Я кофе пью; — Санно-Номия
Мной посещается всегда.
Ведь здесь проходят поезда,
С которыми, неровен час,
В нежданный мне, в неведомый для вас
Примчится вдруг моя Мария.

25. IX. 7.20 утра. 1921

Те же, кто успел обзавестись в Токио каким-никаким бизнесом, накопить денег или, наоборот, не имели денег для дальнейшего бегства, а таких набралось несколько сотен человек, принялись осваивать Кобэ и в целом большой регион Кансай, к которому принадлежит этот город. Здесь

появилось множество торговцев вразнос, мерявших шагами Японию с юга на север и с запада на восток с деревянными лотками на шее — совсем в стиле «эх, *полным-полна моя коробочка...*». Некоторые, сколотив начальный капитал, принялись открывать стационарные лавки, у иных появилось и собственное небольшое производство (так, Кобэ стал, например, центром японской кондитерской промышленности — благодаря русским эмигрантам Морозовым). Задержалась часть интеллигенции, сотворившая культурное явление под название «Хансинский модернизм» — по иероглифам, входящим в названия городов Осака и Кобэ. Здесь жили основоположники многих японских музыкальных школ: А. Могилевский, Э. Меггер, А. Рутин, О. Каросулова и некоторые другие бывшие музыканты, танцовщики, преподаватели изящных искусств, не нашедшие себе места в Советской России. Здесь же открывались во множестве кинематографы — символы новой, заграничной жизни. Хотя и японцы любили ходить в кино, это стало основным развлечением и заработком для многих живущих тут иностранцев.

Очень быстро Кобэ начал становиться своеобразным «микро-Харбином», где на маленькой площади, зажатые горами и морем, смешались в одном городе люди с разными взглядами, социальным положением, образованием, но общей судьбой — русские эмигранты, или «белые русские». Для нормальной жизни им уже не хватало старого иностранного сэттльмента у порта (сейчас это самый центр города), и многочисленные иностранцы пошли осваивать горы, выстраивая кто недорогие дома, а кто и роскошные, по японским понятиям, оборудованные печами — неслыханное в Японии дело! — особняки в предгорном, а значит, по понятиям Кобэ, престижном районе, называемом Китано.

Между Китано и старым европейским кварталом как раз и располагалась станция Санномия (или Санно-Номия, как назвал ее дожидавшийся там поезда из Иокогамы Давид Бурлюк). Она стала центром эмигрантского Кобэ, куда в ноябре 1924 года прибыли супруги Ощепковы.

Известно, что первоначально они жили в некоем пансионате, но очень скоро Василий Сергеевич нашел отдельное жилье. Его адрес сохранился на импровизированной «визитной карточке» — листочке, вырванном из харбинского блокнотика: Kobe, 137, Nakayamate-dori-chome. Запись не вполне понятная, но все же попробуем разобраться.

Длинную и широкую Накаяматэ-дори справедливо будет назвать проспектом, отделяющим в центральной части Кобэ равнинную прибрежную часть (вместе с тем районом, где находился ранее иностранный сэттльмент) от резко забирающих вверх предгорий (с жилым

иностранным кварталом Идзинкан в районе Китано). Кварталы Накаяматэ по японской традиции имеют нумерацию: 1-й, 2-й, 3-й и так далее. Из «визитки» Ощепкова непонятно, о каком квартале идет речь. Думаю, со временем нам еще предстоит сделать это открытие. Можно считать, что речь идет о сравнительно небольшом участке города, в самом его центре и неподалеку от станции Санномия. Правда, тут есть одна тонкость. Нынешняя, хорошо известная жителям не только Кобэ, но и всего региона Кансай, большая и оживленная станция Санномия находится сегодня не совсем там, где она была сто лет назад. Во времена Василия Сергеевича вокзал располагался там, где сегодня находится его сосед — станция Мотомати.

На свое новое место станция Санномия переехала лишь в 1933 году, но это расстояние не настолько велико, чтобы в корне изменить топографию города. Кроме того, помимо станции Санномия, настоящий центр Кобэ в то время формировал древний синтоистский храм Икута-дзиндзя, мимо которого не раз проходили супруги Ощепковы — святилище расположено так, что, живя в этой части города, не пройти мимо просто невозможно. И вы, если будете в Кобэ, обязательно зайдите сюда!

Если верить преданиям, Икута-дзиндзя — один из древнейших храмов Японии. Он посвящен духу Вакахирумэ — сестре великой богини Аматаэрасу, к родству с которой японцы относят историю возникновения императорской династии. Странно, но святилище стоит на этом месте тоже не со дня основания — когда-то оно располагалось примерно в том районе, где сейчас находится станции Син-Кобэ. Правда, его перенесли не в прошлом веке, а значительно раньше — 1200 лет назад. Основательницей храма считается легендарная императрица Дзингу, в царствование которой Япония впервые попыталась подчинить себе Корею, но наибольшую известность Икута-дзиндзя принесло историческое событие, случившееся много позже. В 1184 году здесь произошло сражение при Итинотани, в ходе которого дружины самураев Минамото Ёсицунэ обрушились со склонов гор на войска клана Тайра, обратив их в бегство. Этому важному эпизоду войны Гэмпэй, в результате которой в Японии на тысячу лет установилось господство самураев, посвящены многочисленные литературные памятники и пьесы для традиционных театров, а сам храм почитается как одно из мест концентрации самурайского духа древней Японии — суровое и красивое место. В то же время — это Япония. Роща камфарных деревьев, лестницы, священные ворота тории в виде стилизованных петушиных насестов, много камня и истории — все это признаки обычного, в общем, для Японии синтоистского храма. Для нас же он выделяется только одним

— зимой и весной 1925 года здесь стоял Василий Сергеевич Ощепков и так же, как мы, смотрел на эти каменные ступени, поднимался по ним, окидывал взглядом прекрасный, но не слишком дружелюбный по отношению к нему город Кобэ. Можно только еще раз представить, проходя по улочкам Китано, как здесь прогуливались в «ненавязчивом» сопровождении агентов полиции Мария и Василий Ощепковы. Здесь сохранились несколько домов — их современников, и, разглядывая их, картину тех дней не так уж сложно представить. Гулять по этому кварталу в хорошую погоду — истинное удовольствие, а навигаторами служат многочисленные карты Китано, расставленные на перекрестках.

Зорге

Несмотря на то что все восемь лет работы Зорге в Токио и чуть меньший промежуток времени, что существовала его группа, их основным театром военных действий был центр Восточной столицы, сохранились свидетельства и о том, где еще побывали члены группы «Рамзая» за пределами железнодорожного кольца Яманотэ, в основном охватывающего центральную часть Токио. Никак не обойтись тут, конечно, без путешествий Зорге в Нижний город — Сита-мати, ту часть Токио, что лежит северо-восточнее парка и музеев Уэно, где он не раз встречался со своими друзьями и агентами, да и просто ездил сюда, как все токийцы, полюбоваться цветущей сакурой. Наверняка он бывал в районе Асакуса и храме Сэнсэди — современной туристической Мекке Токио, но подтверждений тому пока не найдено. Зато совершенно неожиданно нашли свидетельства того, что Зорге хорошо знал отдаленные окрестности Асакуса — своеобразное дно Нижнего города, среди самых известных кварталов которого на слуху только Ёсивара — поныне существующий с начала XVII века квартал проституток. Возможно, наш резидент бывал и там — почему нет? Но, думается, вряд ли он посещал это место с мужскими целями. Учитывая, что он плохо говорил по-японски, был фанатично чистолюден и пользовался неограниченным кредитом симпатии европейских женщин, Ёсивара могла привлекать его скорее в исследовательских целях. Ведь, помимо всего прочего, он был доктором социологии, искренне и глубоко интересовался проблемами миграции из японских деревень. Фридрих Зибург свидетельствует: «Зорге буквально не давала покоя участь всех этих на свой страх и риск посылаемых в большие города девушек, зачастую, практически, еще девочек; его манера болтать с ними на ломаном японском языке, и в то же время оказывать им, как бы невзначай, знаки внимания, была просто восхитительна. В этой среде он пользовался необычайной любовью. Я никогда не забуду одну из прогулок с Зорге по Таманои — району Токио, где обитали самые дешевые и самые бедные проститутки. Надо сказать, что проституция в Японии имеет огромное значение и представляет собой одну из необходимейших сфер жизненных интересов японских мужчин Таманои — дно этой проституции. Тысячи крестьянских девушек в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет сидят в крошечных деревянных хижинах в ожидании клиентов. Эта невообразимая, потрясающая нищета — прямое следствие постоянного

кризиса в сельском хозяйстве. Я никогда не забуду той серьезности и подлинного сострадания Зорге, с которыми он посвящал меня во все эти дела».

Квартал Таманой исчез в конце пятидесятых годов прошлого века, когда в 1957-м проституция была запрещена. Это место сегодня находится между станциями Хигаси-Накадзима и Хикифунэ. Когда я собирал материал для этой книги, то ровно месяц жил там, пользуясь благосклонностью и гостеприимством моих русских друзей. Туда я возвращался после поездок на кладбище Тама, после поисков дома Василия Ощепкова и даже на минуту представить себе не мог тогда, в каком интересном историческом месте я нахожусь. Таманой... Когда будете подниматься на новую токийскую телебашню «Токио Скайтри», чтобы удивиться красотам Восточной столицы, или будете просто любоваться на нее со стороны, вспомните, что примерно в этом месте, называемом в переводе на русский язык «вытолкнутое вверх», Рихард Зорге спускался на дно японского общества, чтобы увидеть весь его ужас.

Но гораздо чаще советский резидент отправлялся в прямо противоположную сторону — в сторону Иокогамы и Камакуры, где находилась дача посла Германии в Токио. Увы, снова — ее адрес неизвестен, но, судя по удалению, это Иокогама. Поездки на виллу посла заметно участились после 1938 года, когда высший дипломатический пост в миссии занял друг и невольный информатор Зорге генерал Отт, так что это место могло бы стать важной точкой в нашем своеобразном «путеводителе».

В этом же направлении, но значительно дальше — в шестидесяти километрах от Токио, за популярным летним курортом Эносима находится городок Тигасаки, где Макс Клаузен снимал домик на берегу моря. Разумеется, его дача использовалась как точка радиоприема и радиопередач группы «Рамзая». Домик, расположенный в трех сотнях метров от океана, стоял на сваях. В пространстве между полом и землей было удобно прятать рацию, что Клаузен и делал. Зорге часто приезжал сюда — жаль, что точный адрес неизвестен, а в некоторых источниках Тигасаки и вовсе указан как Хигасаки.

Ганс Отто Мейснер в своей книге подробно рассказывает историю, которую никто больше не воспроизводит и не вспоминает. Если верить Мейснеру, то весной 1939 года «Зорге арендовал небольшой деревянный домик в фешенебельном квартале пригорода, от которого до Токио было не более часа езды на автомобиле. Залив, на берегу которого находился домик, служил для местных рыбаков якорной стоянкой их судов. Мяги удалось

подыскать человека, который согласился сдать в аренду свое суденышко и остаться при этом шкипером на нем. Устроившись в своем новом домике, Зорге пригласил этого человека к себе и прямо предложил ему крупную сумму в американской валюте, если тот согласится отдать свою шхуну в полное распоряжение Зорге и будет держать язык за зубами, не задавая лишних вопросов. Если у рыбака поначалу и были какие-то колебания, то потом он очень быстро забыл о них.

На следующий день Клаузен на своей автомашине доставил передатчик в домик Зорге, а затем на шхуну. Два дня Макс и Зорге трудились в каюте, не допуская туда никого, даже шкипера. Передатчик был ловко установлен за одной из переборок каюты. Доступ к нему открывался путем нажатия надежно скрытой кнопки. Рядом с этой кнопкой была другая, нажатие которой обеспечивало уничтожение шхуны со всем ее содержимым в случае угрозы обнаружения передатчика. Шкипер, конечно, ничего не знал об этом.

Оборудовав шхуну, Зорге намеревался выходить на ней в море и под видом морских прогулок и рыбной ловли вести радиопередачи с помощью своей рации. Он мог теперь даже приглашать на шхуну гостей, которые ничего, конечно, не подозревали бы о том, что происходит в каюте, пока они веселятся. Макс на какое-то время больше не нужно было опасаться обнаружения передатчика радиопеленгационными станциями японской контрразведки. Он мог вести передачи даже в то время, когда на палубе шхуны Зорге развлекались сотрудники министерства иностранных дел, других японских ведомств и иностранных представительств».

Мейснер рассказывает о целой серии эпизодов, связанных с передачей рации со шхуны в заливе Сагами. В частности, он утверждает, что именно таким образом Зорге 12 мая 1941 года передал в «Висбаден» информацию о том, что война против Советского Союза начнется в двадцатых числах июня. При этом Мейснер точно называет место якорной стоянки шпионской шхуны: залив Имаиногама на полуострове Идзу (Ицу — у Мейснера). На Идзу действительно, недалеко от городка Симода, есть залив и поселок Имаихама, что можно прочесть и как Имаиногама, но до этого места от Токио ни при каких условиях нельзя доехать за час. Два — два с половиной часа — не меньше. Два с половиной часа риска — не слишком ли? Впрочем, мы уже знаем, что для Зорге, может быть, и не слишком...

Путаница сохраняется и вокруг эпизода, случившегося в мае 1936 года, когда Макс Клаузен только-только прибыл в Токио. Он сконструировал новую рацию взамен большого, тяжелого и неудобного

аппарата, который использовал его предшественник. Старую надо было срочно уничтожить, но как? Зорге в это время не было в Токио, и Клаузен вместе с Вукеличем сами приняли решение. Они разобрали рацию, разложили детали в два рюкзака и отправились на «экскурсию» к подножию Фудзи. «Мы решили утопить его в ближайшем озере», — писал об этом Клаузен. Тут исследователи расходятся. Одни указывают озеро Кавагути, другие — Яманака. Скорее всего, все-таки Яманака, так как сам Клаузен называет именно это место и описывает маршрут: «...около семи часов утра сели на трамвай в Синдзюку, одетые как туристы, у каждого в руках палка, на спине — рюкзак. В рюкзаках — радиоприемник, три передатчика и другие части. Нас беспокоила возможность проверки багажа в пути, но все прошло благополучно, и на станции Оцуки мы пересели на электричку, доставившую нас в Ёсиду, откуда мы на такси доехали до отеля на озере Яманака». Преодолев все трудности, «туристы», сгибаясь под тяжестью рюкзаков, отправились к лодочной станции. Это было на редкость глупое решение. Иностранцев было видно за версту даже в Токио, здесь же, в глубокой провинции, они привлекали всеобщее внимание. То ли один, то ли двое полицейских (здесь опять разногласия в данных) бросились догонять подозрительных иностранцев. Попытки разведчиков отшутиться только усилили подозрения полицейских. Положение спас Вукелич. Более опытный в японских делах, он знал, что стражам порядка в Японии категорически воспрещается пить с иностранцами, — это рассматривалось как попытка вербовки западными шпионами. Поэтому Бранко сделал вид, что собирается открыть свой рюкзак, и пояснил полицейским: «У нас тут sake, пиво. Давайте выпьем вместе?» Японцам пришлось в панике убежать, а чуть было не попавшиеся с личным шпионы взяли лодку и утопили содержимое рюкзаков на дне вулканического озера. Зорге был в бешенстве, когда узнал об инициативе своих помощников, но дело было уже сделано.

У самого «Рамзая» первый выезд за пределы Токио был спланирован еще в Москве. Курьер 4-го управления, тот самый — первый, что встретился с Зорге в «Империале», на следующий день ждал его в Никко — маленьком городке в 120 километрах к северу от Токио, где помимо множества древних сокровищ японской культуры и истории располагалось несколько иностранных посольских дач, а потому присутствие там гайдзинов не так бросалось в глаза. Здесь, у мавзолея Токугава Иэясу — обожествленного объединителя Японии, состоялась первая в истории группы «Рамзая» передача денег из Центра.

В похожем месте, только снова в прямо противоположном от Токио

направлении весной 1934 года встретились Мияги Ётоку и Одзаки Хоцуми. Мияги прибыл в Осаку, где тогда работал Одзаки, по заданию Зорге. Он нашел его в газете «Асахи» и предложил встретиться подальше от редакции. Одзаки выбрал город Нара, где в парке среди древнейших храмов столетиями пасутся сотни и тысячи ручных оленей. Там и состоялось замыкание еще одного звена в цепи группы Зорге, а позже там встретился с Одзаки и сам резидент.

«Рамзай» в своих «Тюремных записках» писал, что путешествия по Японии дали ему чрезвычайно много, и побывать он успел в самых отдаленных уголках страны. «В последнее время из-за полицейских ограничений поездки стали совершенно невозможными, но ранее, примерно в 1938–1939 годах, путешествовать по Японии можно было сравнительно просто, поэтому я часто выезжал, но не для обычного осмотра мест, а для обследования важных городов и районов. Однако целью моих поездок была не разведывательная деятельность, а стремление узнать землю и ее народ. Я хотел к тому же сильнее развить в себе способность непосредственного восприятия как базу для изучения истории и экономики. Таким образом, я спланировал поездку на побережье Японского моря и объездил районы от Ниигата на запад. Кроме того, я часто посещал Нара и Киото, подробно осмотрел полуостров Кии. Через Кобе, Осаку, побережье внутреннего Японского моря, Сикоку я совершил турне по побережью острова Кюсю вплоть до Кагосимы. По воскресеньям я часто путешествовал пешком и попутным транспортом из Токио до Атами и западнее. Целью таких пеших походов было выяснение положения с урожаем риса в разных местах в различное время года. Результаты обследования были важны для моей работы в газете “Франкфуртер цайтунг” и журнале “Геополитик”.

Я никогда не ездил вместе с кем-либо из членов моей разведывательной группы, так как считал, что это сопряжено с большим риском. Единственным исключением была встреча с Одзаки в Нара с определенной целью, но она была очень кратковременной».

Теперь вы знаете, что, отправляясь в самые туристические места Японии — на курорт Атами или в Киото и Нара, в горы Никко или в Кобэ, Осаку, пусть даже на Сикоку, — вы не просто путешествуете по этой стране за пределами Восточной столицы, но и в какой-то степени — зависит только от вашего желания! — идете тропой знаменитого советского разведчика Рихарда Зорге — «Рамзая».

Я кланяюсь в сторону горы Такатори, откуда начался удивительный путь, приведший меня, офицера специальной службы императорской армии, в корейский город Сувон...

Р.Н. Ким. Тетрадь, найденная в Сунчоне

В разных повестях и рассказах Романа Николаевича Кима фигурируют многие префектуры, города и отдаленные уголки Японии. Но по большей части это все-таки известные места, описание которых так или иначе выглядит довольно общим, будь это Хиросима или деревенька у подножия Фудзи. Исключение — все та же «Тетрадь, найденная в Сунчоне», где очень конкретно указан ряд населенных пунктов, и детали их описания позволяют нам, читателям, предполагать, что автор своими глазами видел то, о чем рассказывает в книге.

Японская часть повести, повторяюсь, самая обширная и составляющая, по сути, ядро книги, начинается с описания поездки группы японских офицеров разведки к югу от Токио: «Мы объездили весь полуостров и наконец прибыли в Оихама, где находился аэродром флотской авиации. Здесь наша группа разделилась. Часть ее направилась в Дзуси, часть осталась в Оихама в ожидании военного министра генерала Анами и только что назначенного начальника главного морского штаба адмирала Тоёда.

Дзинтан предложил мне подняться на гору Такатори, возвышающуюся в центре полуострова, и полюбоваться видом на оба залива, полуостров Босо и горы Фудзи и Хаконэ. Вид был действительно великолепный. Но наш восторг был вскоре омрачен американскими бомбардировщиками. Они летели со стороны Токио, возвращаясь с бомбежки. Один из них направился в нашу сторону, решив, очевидно, пересечь полуостров. Зенитная батарея, спрятанная у подножия горы, дала по нему залп. Самолет вдруг накрылся и окутался дымом. Из машины выбросилось несколько человек с парашютами. Их отнесло немного в сторону, они опустились недалеко оттого места, где среди деревьев виднелась крыша храма Дзинбу.

Мы стали спускаться по тропинке к храму. Оттуда послышались выстрелы. Мы вытащили револьверы и ускорили шаг. У ворот храма нас встретил капитан с черными жандармскими петлицами. Узнав, кто мы, он

пропустил нас.

Перед ступеньками, ведущими к храму, стояли трое пленных, связанных веревкой. Двое из них были молодые рослые парни — сержанты, третий — офицер, невысокий, с прищуренными глазами и маленькими пухлыми губами».

Где же находится место, откуда «начался удивительный путь» главного героя книги? Отправимся туда вслед за автором, тем более, что, как часто бывает при выезде из Токио, дорога приведет нас в очень приятные, курортные места.

Ойхама — это, конечно, Оппама — ныне часть города Йокосука, где располагается база американского флота. Станция Оппама была открыта в 1930 году, и весьма сомнительно, что Кин Ёрю мог побывать здесь в годы своей школьной юности. Да и трудно представить себе повод, который мог привести молодого человека на гористый и лесистый полуостров Миура, лежащий за Йокогамой, и тем более в поселок Оппама, славившийся тогда только своими промышленными зонами и складами.

Дзуси — место значительно более известное и приятное. Этот городок лежит на противоположной стороне полуострова, и из него можно совершить приятную пешую прогулку по пляжам и холмам, через местный «Бeverли-Хиллз» — квартал роскошных вилл в Камакуру — древнюю японскую столицу, славящуюся своими прекрасными древними храмами, в том числе Большим Буддой — Цуругаока Хатимангу — «старшим братом» Кагурадзака-Хатимангу, писательскими домами и дачами, многие из которых уже стали музеями. Именно здесь, в Камакуре, окончил свои дни нобелевский лауреат по литературе Кавабата Ясунари, здесь жили и творили многие светочи японской литературы. Дзуси сегодня полностью «в тени» своего именитого соседа и оживает главным образом в летний сезон, когда пляжи городка наполняются народом. Сюда удобно приезжать из Токио по прямой линии Йокосука — Собу, а американские солдаты и моряки приезжают сюда же — в поисках чистой воды и пляжей — из Йокосуки по линии Кэйкю — Дзуси.

Гора Такатори находится примерно посередине пути между Йокосукой и Дзуси — в центре полуострова Миура. Гора не слишком высока — всего-навсего пара сотен метров над уровнем моря, но из-за своеобразного рельефа окружающей местности главенствует над окрестными холмами. Сегодня там есть отличная, специально оборудованная, обзорная площадка, с которой в хорошую погоду действительно видно лежащий на противоположной стороне Токийского залива полуостров Босо — до него отсюда километров 20–25. В другую сторону видно и Фудзи с предгорьями

национального парка Фудзи-Хаконэ-Идзу, хотя до них значительно дальше. На севере теперь просматривается район Йокогамы Минато-Мирай с его небоскребами. Разумеется, эта площадка выглядела в 1945 году совсем иначе, но и тогда была идеальным местом для наблюдения за американскими самолетами, возвращающимися после бомбардировок Токио в сторону Тихого океана.

Такатори сегодня очень популярна у альпинистов-скалолазов и любителей горных прогулок на велосипедах, которые добираются сюда в том числе и через поселки Оппама и Такатори, лежащие на противоположном, по отношению к Хигаси-Дзуси, склоне. Раньше, вплоть до двадцатых годов прошлого века, на отрогах Такатори добывался строительный камень, и из-за этого образовались интересные вертикальные скалы, шахты, арки. На многих из них есть небольшие углубления, идеальные для тренировки скалолазов, да и вообще место это, хотя и малоизвестное в Японии, но изумительно красивое. В одной из таких вертикальных стен на скале вырублено десятиметровое каменное изваяние Будды, отдаленно напоминающее аналогичные, но уничтоженные не так давно талибами в горах Афганистана. Странно, что Ким о нем не упоминает.

Название храма, упоминаемого автором повести, сейчас читается как Дзинмудзи. Добраться до него сегодня можно не только спускаясь с Такатори, как это делали герои повести, но и от станции Хигаси-Дзуси линии Йокосука — здесь всего около получаса ходьбы. Несмотря на то что дорога оборудована указателями и на ней время от времени встречаются туалеты, бурная растительность и мох заброшенных каменных дорожек и порогов, крутые тропинки, пробираться по которым приходится, цепляясь за натянутые вдоль камней цепи, создают на этом пути ощущение настоящего путешествия в заброшенный глубоко в джунглях древний храм. Он действительно очень стар, хотя и не выглядит таким. Согласно легенде, его основали еще в начале VIII века, но, во всяком случае, точно известно, что в веке XIII он существовал на этом месте. Святилище относится к секте Тэндай, действительно весьма популярной 1300 лет назад, и посвящен триаде буддийских божеств Якуси, в том числе Будде Якуси-Нёрай. Именно здесь, «перед ступеньками, ведущими к храму, стояли трое пленных, связанных веревкой». Интересная аллюзия.

Я поднялся на гору Такатори в 8: 45 утра. На вершине уже отдыхали трое пенсионеров, коротая время в беседе с которыми мы любовались окрестными видами и слушали птиц, которых тут множество, но которые не могут заглушить своим пением треск высоковольтных линий и шум

скоростных дорог, опоясывающих гору, и смотрели на стоящие в гавани порта Йокосука подводные лодки. Интересно, знал ли автор политических детективов, убежденный обличитель политики американского империализма Роман Ким о том, что Йокосука станет одним из символов американского военного присутствия в Японии? Случайно ли он сделал Такатори ключевой географической точкой своей повести о японских разведчиках, перешедших на службу к американцам и кланяющимся Такатори, потому что отсюда «начался их удивительный путь»? Нет ответа. Но мы запомним это место, и вернемся в Токио — на этом наше путешествие по «памятным местам» Японии, связанным с биографиями советских разведчиков, закончено. Пора возвращаться домой, и будем помнить, что не у всех героев этой книги был такой шанс!

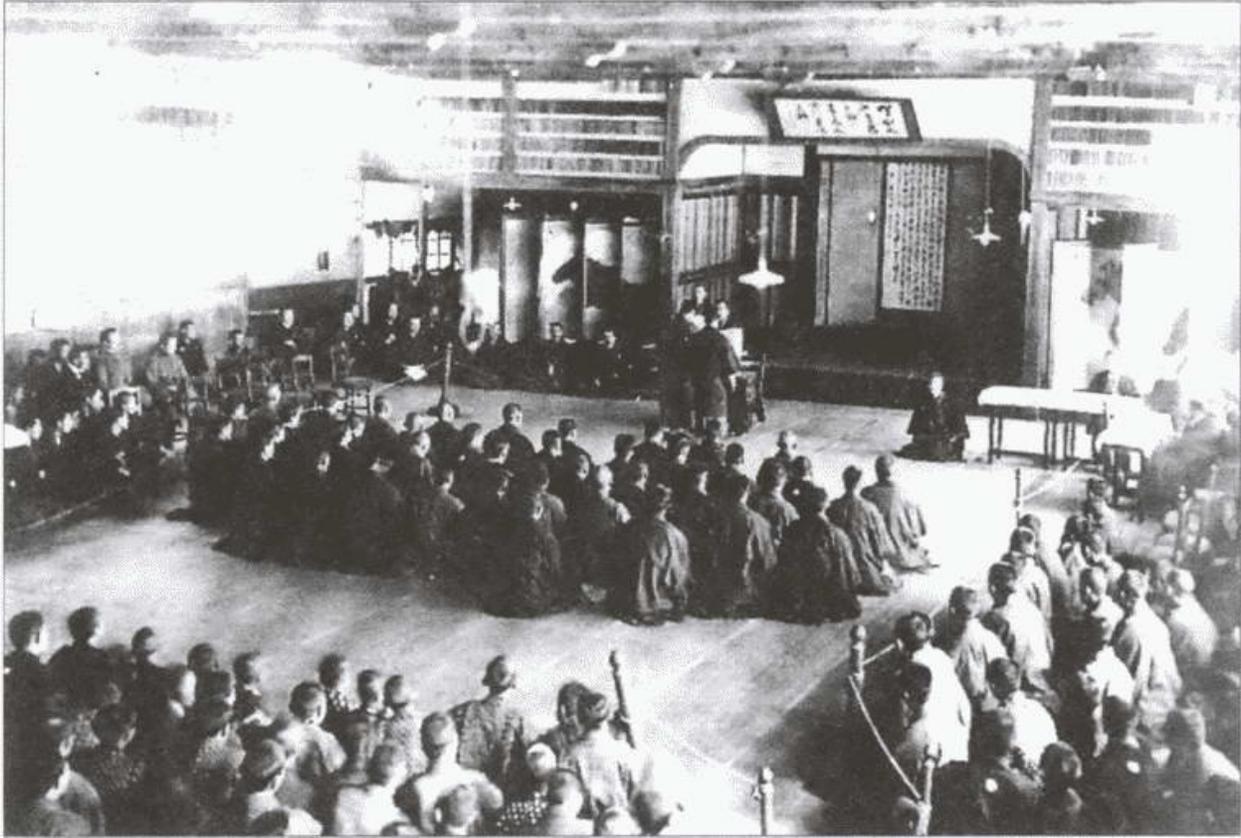
ИЛЛЮСТРАЦИИ

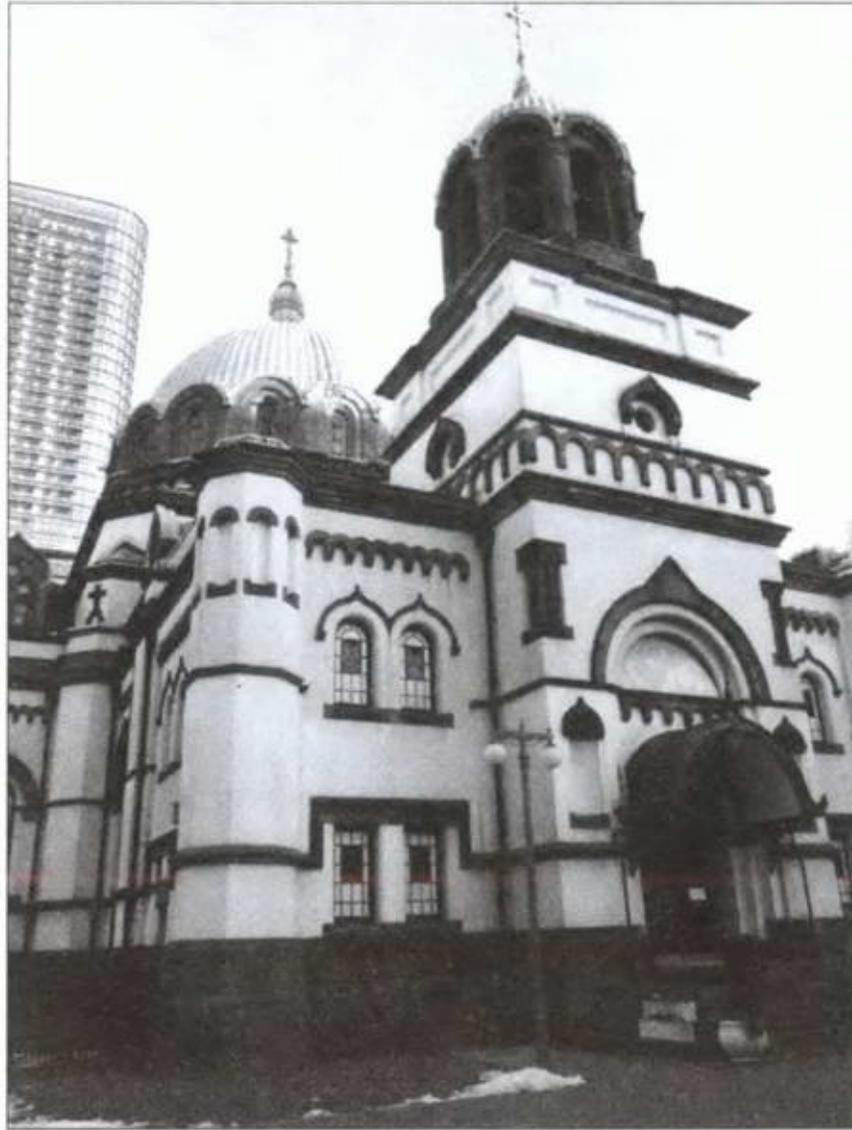
Резидент военной разведки в Токио Василий Ощепков. Токио, 1925 г.

В. Ощепков с женой Марией в Японии

Церемония повышения в мастерских степенях в Кодокане времен Ощепкова

Собор Воскресения Христова (Николай-до) в наши дни

Старое здание клиники Св. Луки

Место, где находился старый Кодокан

Так выглядел Кодокан в начале XX века

Место, где жили Ощепковы в Токио. Современный вид

Яэсу. Тут находился офис компании «Сливы филмз»

Станция Сibuя времен Василия Ощепкова и верного пса Хатико

Здание, выстроенное на месте казарм 3-го пехотного полка

Рихард Зорге — человек, сознательно нарушавший запреты. На фото разведчик рукой и ногой опирается на предупреждающий плакат, на котором надпись на английском и японском языках: «Руками не трогать!»

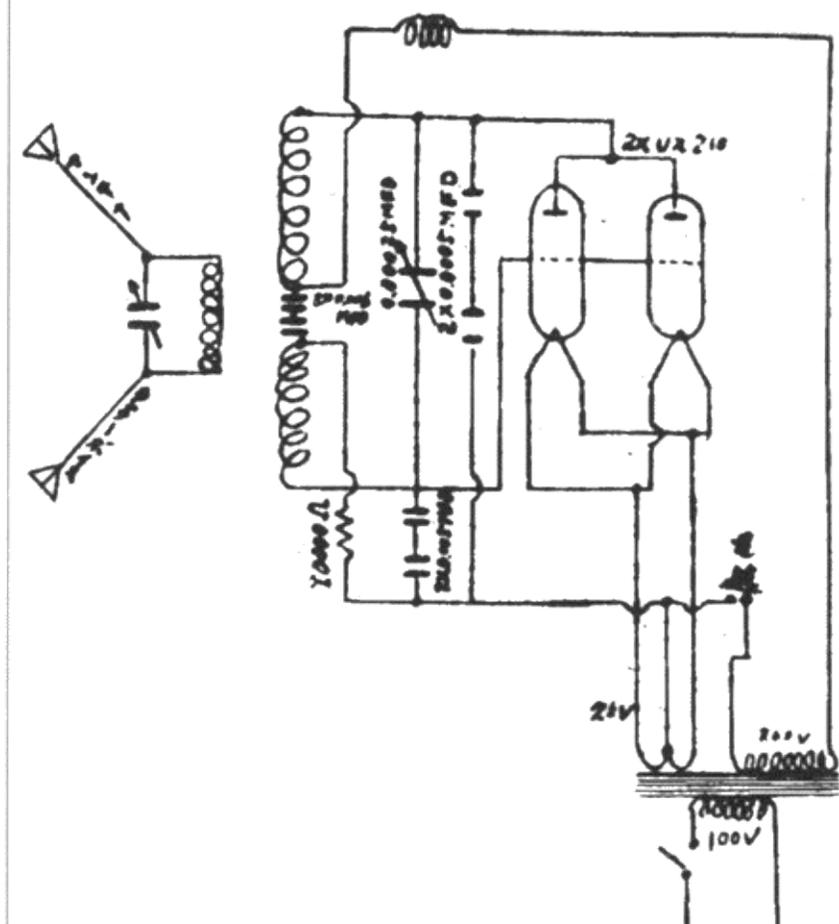

Здесь жил советский резидент

Фрагмент старой карты Токио с отмеченным домом Зорге

第一圖 送信機回路圖

План комнаты Клаузена, составленный полицией [\[1\]](#)

Последняя вывеска ресторана «Кетель»

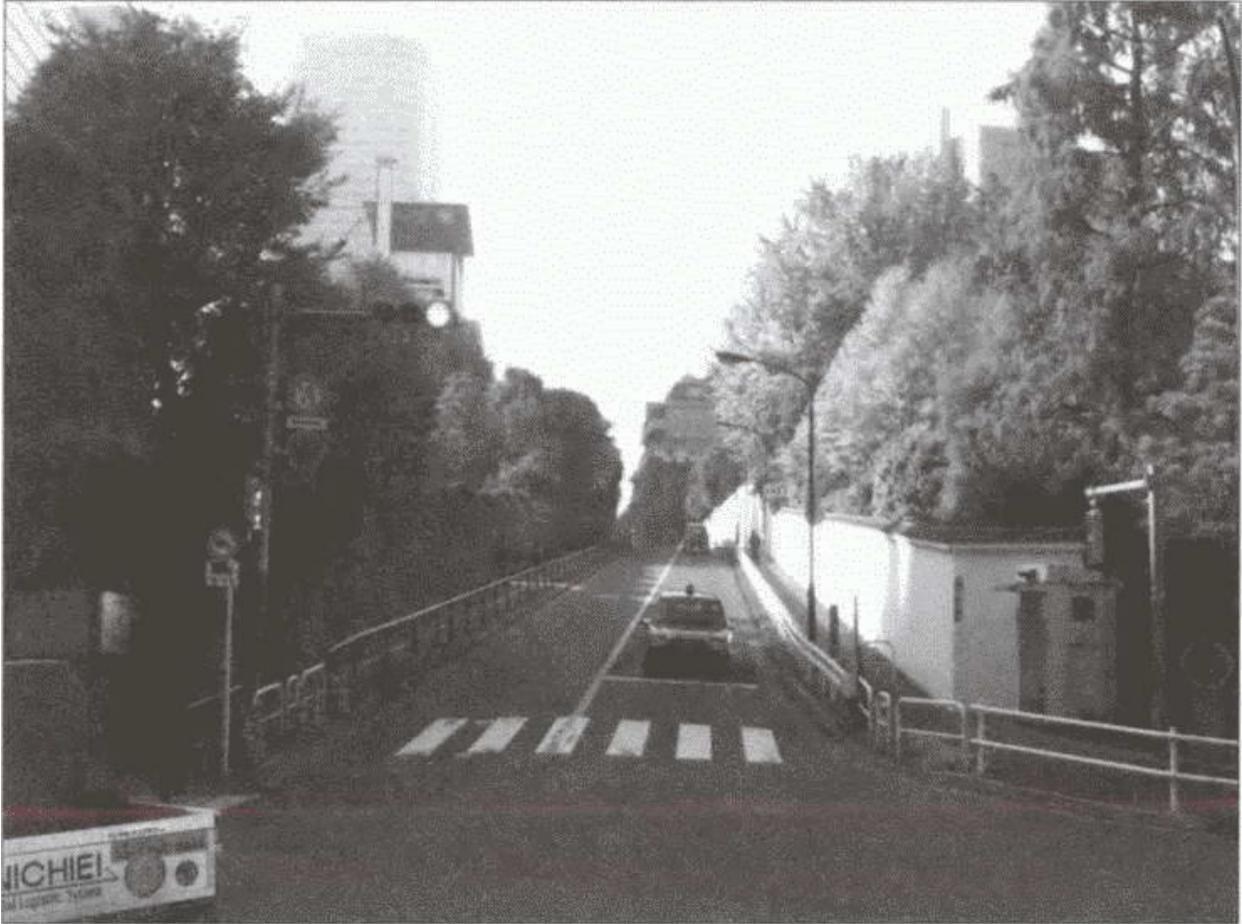
Могила папши Кетеля

Выход из парка Хибия в стороны Гиндзы

Здание, где в довоенные годы располагались штаб-квартиры крупнейших мировых СМИ, аккредитованных в Токио

Улица, где в стену американской миссии врезался ночной мотоциклист с секретами в кармане

Остатки Нага-дзака

Памятник на месте застенка

Здесь раньше находилась тюрьма

Исии Ханако

Могила Р. Зорге. Современный вид

«Крестный отец» Штирлица — Роман Николаевич Ким

Принцесса Мин была отомщена советским ниндзя Романом Кимом

Смотровая площадка горы Такатори

Университет Кэйо

Храм Дзинбу. Здесь, в повести Кима, японские офицеры изрубили на куски американских летчиков

Посольство России в Токио. Современный вид

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТ

Первый советский военный нелегал в Токио и мастер боевых искусств Василий Ощепков позволял жене флиртовать с японскими офицерами, потому что знал, что с таким местом жительства, как у него, других шансов получить нужную информацию нет. Показания, данные на суде великим разведчиком Рихардом Зорге, журналисты назвали «путеводителем по ресторанам Токио», но карта удивительных перемещений «Рамзая» и членов его группы до сих пор хранит массу секретов. Воспитанный в Токио наставником наследного принца настоящий советский ниндзя Роман Ким написал о повседневной жизни японских разведчиков в Токио так, что невозможно поверить, что он не был одним из них и не собирался вскрыть себе живот перед императорским дворцом. Гении шпионских мест Токио: Ощепков, Зорге, Ким. Забытый советский разведчик Николай Кошкин. Предатель Станислав Левченко и шпион-неудачник Константин Преображенский. Все эти люди начертили замысловатую карту Восточной столицы тех времен, когда казалось, что каждый камень там дышит органами.

ISBN 978-5-4444-2289-2

9 785444 422892

notes

Примечания

1

Так в оригинале. В действительности приведена схема лампового передатчика (OCR)